

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы»

На правах рукописи

Ибадов Нушираван Вагиф оглы

Политика мягкой силы Турции в Центральной Азии (2002-2025)

Специальность 5.6.7.

История международных отношений и внешней политики

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д. и. н., профессор

Курылев Константин Петрович

Москва – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Концептуальные основы политики мягкой силы Турции	32
1.1. Правовое обеспечение реализации Турцией политики мягкой силы 33	
1.2. Особенности турецкой внешнеполитической концепции «стратегия великой Турции»	47
ГЛАВА 2. Инструменты мягкой силы Турецкой Республики в Центральной Азии.....	64
2.1 Финансово-экономические инструменты политики мягкой силы Турции в Центральной Азии	65
2.2 Научно-образовательное измерение мягкой силы Турции в государствах Центральной Азии.....	86
2.3 Культурно-гуманитарное измерение мягкой силы Турецкой Республики в Центральной Азии.....	100
2.4 Религиозный фактор как инструмент мягкой силы Турции в Центральной Азии	137
ГЛАВА 3. Эффективность использования мягкой силы Турецкой Республикой в Центральной Азии.....	155
3.1 Анализ результатов и достижений в реализации политики мягкой силы Турции в Центральной Азии.....	156
3.2 Актуальные проблемы и ограничения в использовании политики мягкой силы Турцией в Центральной Азии.....	180
3.3 Пути повышения эффективности политики мягкой силы Турции в Центральной Азии	198
Заключение.....	219
Список источников и литературы	226

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Трансформация системы международных отношений в первой четверти XXI века выдвинула проблему мягкой силы (soft power) из разряда вспомогательных концепций в число определяющих факторов национальной безопасности и внешнеполитической экспансии. В этом контексте опыт Турецкой Республики представляет собой уникальный политологический кейс. С момента прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г., Анкара инициировала масштабный пересмотр своей региональной стратегии, сделав ставку на комплексное использование культурных, образовательных и гуманитарных инструментов для закрепления статуса ключевого игрока в Центральной Азии.

Выбор хронологических рамок исследования (2002–2025 гг.) обусловлен качественной сменой парадигмы турецкого присутствия. Если в последнее десятилетие XX века политика Турции в регионе во многом носила декларативный и во многом романтизированный характер, то с 2002 года начался процесс прагматичной институционализации влияния. Актуальность анализа этого периода возрастает на фоне того, что именно за эти двадцать с лишним лет Турция сумела выстроить многоуровневую инфраструктуру воздействия, включающую такие структуры, как ТІКА, Институт имени Юнуса Эмре, Фонд «Маариф» и Совет сотрудничества тюркских государств (ныне ОТГ). Исследование эволюции этих институтов позволяет проследить, как Турция адаптировала концепцию Джозефа Ная под собственные цивилизационные и геополитические задачи.

Научная актуальность работы усиливается тем фактом, что к 2025 г. турецкая мягкая сила в Центральной Азии претерпела существенную метаморфозу, фактически трансформировавшись в формат «умной силы» (smart power). Мы наблюдаем, как гуманитарное сотрудничество и образовательные

программы («Türkiye Bursları») сегодня выступают фундаментом для военно-технического взаимодействия и формирования общих логистических коридоров, таких как «Срединный коридор». В условиях текущей геополитической турбулентности и частичного перераспределения ролей традиционных центров силы (России и Китая), турецкий фактор становится для государств Центральной Азии критически важным инструментом балансирования и обеспечения суверенитета.

Особого внимания в рамках актуальности темы заслуживает идеологическая составляющая политики Анкары. В исследуемый период Турция предложила странам региона модель «современного восточного государства», сочетающего в себе технологическое развитие, исламские ценности и национальную идентичность. Эта модель оказалась крайне востребованной среди политических элит Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Туркменистана, ищущих пути модернизации без радикальной вестернизации. Анализ того, как турецкие сериалы, мода, архитектура и образовательные стандарты формируют новую потребительскую и политическую культуру в регионе, является необходимым условием для понимания долгосрочных векторов развития Центральной Азии.

Период до 2025 г. также охватывает важный этап цифровизации мягкой силы. В последние годы Анкара активно использует инструменты цифровой дипломатии и социальных медиа для воздействия на молодежную аудиторию региона, что создает долгосрочный эффект «притяжения». Научное осмысление этого процесса позволяет выявить скрытые механизмы формирования лояльности, которые не всегда фиксируются классическими методами политического анализа. Более того, в условиях нарастающего соперничества великих держав, Турция позиционирует себя как «третий путь», что делает ее стратегию в 2002–2025 гг. эталонным примером маневрирования средней державы в полицентричном мире.

Актуальность исследования диктуется и необходимостью деконструкции рисков, сопровождающих турецкую экспансию. Противоречия между национальными интересами стран Центральной Азии и региональными амбициями Анкары, влияние внутривнутриполитических процессов в самой Турции на устойчивость ее внешней политики – все это требует глубокого научного мониторинга. Без детального анализа пройденного пути с 2002 г. и текущих тенденций 2025 г. невозможно дать адекватный прогноз развития тюркоязычного вектора мировой политики.

Таким образом, комплексный характер турецкой политики мягкой силы, ее динамика от культурного диалога к жесткой институционализации и ее роль в изменении регионального баланса сил определяют выбор темы диссертационного исследования и ее несомненную значимость для современной политической науки и практики международных отношений.

Степень научной разработанности темы исследования.

При изучении роли мягкой силы во внешнеполитической деятельности Турции в XXI в. использованы работы большого количества различных исследователей, международников, историков, политологов, юристов. Труды по данной тематике можно подразделить на четыре ключевых платформы: российская, турецкая, и западная и работы авторов из Центральной Азии.

Российские исследования.

Российский дискурс в изучении турецкой мягкой силы характеризуется комплексным подходом, сочетающим анализ концептуальных основ внешней политики Анкары с оценкой ее геополитического влияния на постсоветском пространстве.

Фундаментальное значение для формирования теоретико-методологической базы настоящего диссертационного исследования имеют труды представителей ведущих отечественных научных школ. Особую роль в концептуализации проблемы сыграли работы исследователей кафедры теории и

истории международных отношений Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН).

В частности, системные подходы к изучению Центральной Азии как самостоятельной и динамично формирующейся подсистемы международных отношений глубоко проанализированы в фундаментальных трудах под редакцией К.П. Курылева¹. Разработанный концептуальный аппарат позволил диссертанту рассмотреть регион не просто как объект внешнего воздействия, а как сложный геополитический комплекс со своими внутренними закономерностями развития.

Значительный вклад в понимание энергетического, логистического и инфраструктурного измерений региональных процессов внесли публикации С.С. Жильцова². Его ретроспективный анализ трубопроводной геополитики и геоэкономической конкуренции в Каспийском регионе послужил важным подспорьем для выявления прагматических интересов внешних акторов и структурных ограничений в Центральной Азии.

Комплексный анализ институциональных механизмов влияния Анкары опирается на исследования А.В. Енокяна³. Изучение специфики и эволюции турецкой мягкой силы на постсоветском пространстве в период с 2002 по 2022 гг., представленное в его работах, позволило более полно и всесторонне раскрыть процессы трансформации культурно-гуманитарной дипломатии Турецкой Республики в реальный политический капитал.

¹ Курылев К. П. (под ред.). Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений. М.: Аспект-Пресс, 2024. 312 с. Он же. Курылев К. П. Ключевые интересы России - цели и задачи в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9, № 1. С. 9–25. Он же. Экология как новая арена геополитики. Центральная Азия и Южный Кавказ: коллективная монография / под ред. К. П. Курылева. М.: Аспект Пресс, 2026. 421 с.

² Жильцов С. Трубопроводы в Центральной Азии и Каспийском регионе: новый этап борьбы // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. №. 3. С. 139-153

³ Енокян А. В. Значимость «мягкой силы» во внешней политике Турции в 2002–2022 гг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. №. 4. С. 609-619. Он же. Енокян А. В. Фактор «мягкой силы» во внешней политике Турецкой Республики на Южном Кавказе (2002–2022 гг.) [The factor of “soft power” in the foreign policy of the Turkish Republic in the South Caucasus (2002–2022)]: дисс.... канд. истор. наук: 5.6. 7. 2023.

Д.Б. Малышева⁴ исследует внешнеполитические стратегии Турции, а также динамику международных отношений в Центральной Азии и на Ближнем Востоке: в частности, анализирует центральноазиатское и ближневосточное направления турецкой внешней политики, конкуренцию внешних акторов в постсоветской Центральной Азии и трансформацию их стратегий в новых геополитических условиях (в том числе после 2022 г.). Среди ключевых выводов автора - фиксация усиления многовекторности политики стран Центральной Азии, выявление эволюции приоритетов внешних игроков (включая Турцию, Россию и Китай) и обоснование того, что транспортно-логистические, интеграционные и культурно-образовательные проекты становятся важнейшими инструментами влияния в регионе.

В работах В. А. Чмыревой⁵ внешняя политика Турции анализируется сквозь призму ее рецепции в американском экспертном сообществе и корреляции турецких амбиций в Евразии с национальными интересами России. Ключевым выводом исследователя выступает обоснование амбивалентного статуса Анкары: будучи элементом евроатлантического блока, она одновременно утверждает себя как автономный центр силы, выстраивающий сложную парадигму «конкурентной кооперации» на постсоветском пространстве. Автор также фиксирует устойчивую преемственность в стратегическом планировании Вашингтона, стремящегося интегрировать турецкий регионализм в западную повестку с учетом динамики евразийских интеграционных процессов.

⁴ Малышева Д. Б. Центральноазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. 2024. № II (LXIII). С. 60–72. Она же. Малышева Д. Б. Перегрузка стратегий внешних акторов в Центральной Азии после 2022 г. // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9, № 1. С. 26–35. Она же. Малышева Д. Б. Международно-политическая конкуренция на постсоветском центральноазиатском пространстве // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 106–115.

⁵ Чмырева В. А. Роль Турции на постсоветском пространстве в американской внешнеполитической экспертизе // Мировая политика. 2023. № 1. С. 26–36.

Особое место в изучении современной Центральной Азии занимают работы В. В. Комлевой⁶. Автор детально анализирует, как трансформируются политические и социальные системы региона, уделяя внимание не только официальным институтам, но и «скрытым» механизмам: клановым структурам и патрон-клиентским связям. В её исследованиях прослеживается, как международные НПО влияют на гражданский сектор, и как демографические сдвиги меняют облик местной элиты. Отдельный интерес представляет анализ научной среды - в частности, того, как зарождалась и какими методами пользуется современная политология Таджикистана. В конечном счете, Комлева показывает регион как сложное пространство, где внутренняя жизнь стран неразрывно переплетена с интересами внешних игроков.

Особое место в российской историографии занимают комплексные исследования В.А. Аваткова⁷, который пишет о турецком национализме как инструменте геополитической экспансии в тюркское пространство (в т.ч. Центральную Азию). Его подход заключается в том, что Турция предстает как ревизионистская сила, стремящаяся к лидерству через организации Тюркского совета и мягкую силу, что угрожает идентичности постсоветских государств и интересам России. Тематика сочетает анализ институтов с критикой неоосманизма/пантюркизма как основы анкарской стратегии.

⁶ Комлева В. В. Элитообразование в странах Центральной Азии // Власть. 2025. Том 33. № 3. С. 153-165. Она же. Комлева В. В. Современная политическая наука Таджикистана: методологические ориентиры и исследовательские приоритеты // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 190-210. Она же. Комлева В. В. Международные НКО на территории стран Центральной Азии // Обозреватель. 2021. № 12(383). С. 5–18.

⁷ Аватков В.А., Сбитнева А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 291-302.

О.А. Шамарина⁸, Е.С. Фесенко⁹, Шпаковская М., О. В. Барнашов¹⁰, А. П. Романова, Д. А. Черничкин¹¹, Н.А. Минасян¹² понятия «неоосманизм» и «пантюркизм» отмечают, как основу турецкой экспансии. П.В. Шлыков¹³ глубоко проанализировал изменения во внешней политике Партии справедливости и развития (ПСР) и идеологии евразийства в турецком понимании. Исторические и идеологические корни идеологии пантюркизма, лежащей в основе культурно-гуманитарного влияния Анкары, фундаментально исследованы В.А. Надеиным-Раевским¹⁴, а общие методы Турции для формирования своего позитивного образа на международной арене – А.Г. Гаджиевым¹⁵.

В работах Е.М. Савичевой¹⁶ освещена проводимая Анкарой ближневосточная и евразийская политика. Теоретико-методологические подходы к оценке возможностей мягкой силы (в том числе турецкая модель) и способы для ее количественного измерения исследованы Я.А. Амелиной¹⁷. В основном

⁸ Политика «мягкой силы» Турции в странах Центрально-Азиатского региона: от головокружительного «турецкого марша» до политики неоосманизма // История и историческая память. 2019. № 19. С. 100-115.

⁹ Фесенко Е.С. Неопантюркизм во внешней политике Турции: направления взаимодействия с государствами Центральной Азии // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 5 (69). С. 217-221.

¹⁰ Шпаковская М., Барнашов О. В. Концепция неоосманизма как инструмент «мягкой силы» внешней политики Турции // Азия и Африка сегодня. 2018. С. 30-36

¹¹ Романова А.П., Черничкин Д.А. Влияние Турции и пантюркизма на конструирование новых национальных идентичностей Каспийского региона: пример Туркменистана и Казахстана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 181-206.

¹² Минасян Н.А. Инструменты реализации пантюркизма в современной турецкой внешней политике и их восприятие основными региональными и внерегиональными акторами // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1. С. 57-81.

¹³ Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. №. 1. С. 58-76.;

¹⁴ Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и Постсоветский Восток. 2024. Т. 1. №. 5.

¹⁵ Гаджиев А. Г. Турция–ЕС // Проблемы и перспективы развития отношений (1963–2019). Москва, Институт востоковедения РАН. 2020.

¹⁶ Савичева Е. М. Отношения турецкой республики с арабскими государствами персидского залива (2002–2021 гг.).

¹⁷ «Мягкая сила» и внешняя политика Турции между экспансией и реалиями. / под ред. Я.А. Амелиной. Москва: Воробьев А.В., 2023. 380 с.

деятельность турецких институтов мягкой силы, эволюция идеологии пантюркизма и становление Организации тюркских государств (ОТГ) как основного инструмента Анкары в Евразии глубоко анализируются в трудах З. Саримсокова¹⁸.

Отдельные аспекты культурной и образовательной дипломатии Анкары стали предметом пристального внимания российских тюркологов. В. А. Аватков и Н.Р. Узунова¹⁹ совместно разбирали деятельность правительственного агентства ТИКА, института имени Юнуса Эмре и Управления по делам религии (Diyanet). А.С. Сваранцев²⁰ анализировал воздействие стипендиальных программ и деятельность турецких лицеев в формировании протурецких элит за рубежом. А.С. Исхаков²¹ рассматривает, какое воздействия оказывают турецкие сериалы и СМИ в формировании политического имиджа Турции.

Региональный фокус применения турецкой мягкой силы в Центральной Азии отражен в трудах видных российских специалистов по региону. Интеграционный потенциал мягкой силы Турции в Центральной Азии изучали А.В. Белоглазов и Р.Н. Надыров²². Объектом исследований И.З. Нафикова²³ стали процесс институционализации тюркского сотрудничества, создание и эволюция

¹⁸ Саримсоков З. Тюркский фактор в политике мягкой силы Турции в отношениях со странами Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 7. С. 609-615.

¹⁹ Аватков В.К., Узунова Н.Р. "Мягкая сила" Турции во внутренней политике России: институциональное измерение // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 1. С. 62-75.

²⁰ Сваранц А.С. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе и в Центральной Азии. М.: Академия гуманитарных исследований, 2002. 600 с.

²¹ Белоглазов А.В., Надыров Р.Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX - начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 7. С. 1381-1385.

²¹ Нафиков И.З. Турецкая внешняя политика в странах Центральной Азии в постсоветское время: региональная интеграция в новых политических реалиях // Известия Восточного института. 2024. № 1 (61). С. 116-123.

²² Белоглазов А.В., Надыров Р.Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX - начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 7. С. 1381-1385.

²³ Нафиков И.З. Турецкая внешняя политика в странах Центральной Азии в постсоветское время: региональная интеграция в новых политических реалиях // Известия Восточного института. 2024. № 1 (61). С. 116-123.

Тюркского совета в ОТГ. А.В. Калакутский²⁴ и А. Вернигора²⁵ анализировали экономические аспекты мягкой силы Турции и конкуренции инфраструктурных проектов (в частности, Срединного коридора). Работы Л.Д. Мишина, З.П. Рожкова²⁶ посвящены современному сотрудничеству Турции с Казахстаном.

Турецкие исследования.

Проблематика мягкой силы в современной внешнеполитической стратегии Турции находит отражение в трудах целого ряда турецких авторов и государственных деятелей.

Концептуальные основы современной турецкой дипломатии и идеология возвращения Анкары в регионы своего исторического присутствия подробно раскрыты в трудах А. Давутоглу²⁷, И. Калына²⁸ и А. Балджи²⁹. В внешней политике использование культурного и исторического наследия вместо силового давления является главным тезисом их работ. Т. Огузлу³⁰ в своих трудах исследует внедрения американского концепта мягкой силы к внешнеполитическим реалиям Турции и впервые проводит его глубокий академический анализ. О процессе изменения дипломатии правящей Партии справедливости и развития (ПСР) от традиционного кемализма к

²⁴ Калакутский А.В. Сравнительный анализ внешнеполитических стратегий Китая, США, Турции по отношению к странам Центральной Азии // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 10. С. 125-132.

²⁵ Вернигора А. Турецкие инвестиции в странах Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № IV. С. 139-153.

²⁶ Мишин Л.Д., Рожкова З.П. Отношения Узбекистана и Турции: от тупика к «братству» // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 6. С. 706-716.

²⁷ Давутоглу А. Стратегическая глубина: Международное положение Турции = Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu / пер. с турецк. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 с.

²⁸ Калын И. Турецкая внешняя политика: Основы, ценности и механизмы = Turkish Foreign Policy: Framework, Values, and Mechanisms // International Journal. 2012. Vol. 67, № 1. P. 7-21.

²⁹ Балджи А. Турецкая внешняя политика: Принципы, акторы, практика = Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler, Uygulamalar. İstanbul: Etkileşim Yayınları, 2013.

³⁰ Oğuzlu T. Soft power in Turkish foreign policy / T. Oğuzlu // Australian Journal of International Affairs. 2007. Vol. 61, № 1. P. 81–97.

многовекторности, неоосманизму и пантюркизму пишут З. Оныш³¹, и К. Киришчи³². Масштаб эффективности мягкой силы Турции (в условиях нехватки экономических ресурсов) представлен в статьях Мелихи Бенли Алтунышык³³ а геополитическое переосмысление роли Евразии для Анкары анализируется Бюлентом Арасом³⁴.

Для формирования позитивного имиджа Турции за рубежом анализ проводимой культурной и публичной дипломатии, а именно оценивание работы культурных центров Юнуса Эмре отражены в трудах Сенем Б. Чевика³⁵. Религиозный фактор как специфический инструмент мягкой силы, а также деятельность Управления по делам религий (Diyamet) в продвижении турецкой модели ислама за рубежом, обстоятельно проанализированы в работах Х. Явуза³⁶.

Существует обширный корпус исследований, посвященных региональному измерению мягкой силы Турции в Центральной Азии. Процессы институционализации в тюркском мире, деятельность ТЮРКСОЙ и как Тюркский Совет эволюционировала из Тюркского совета в ОТГ главные темы работ Фырата Пурташа³⁷. Х. Кахвечи и И. Кушчу Бонненфант³⁸ анализирует

³¹ Öniş Z. Globalization and Party Transformation: Turkey's Justice and Development Party in Perspective / Z. Öniş // *Globalizing Politics, Party Politics*. 2008. P. 121–145.

³² Kirişçi K. The transformation of Turkish foreign policy: The rise of the trading state / K. Kirişçi // *New Perspectives on Turkey*. 2009. № 40. P. 29–57.

³³ Altunışık M. B. Challenges to Turkey's Soft Power in the Middle East / M. B. Altunışık // *TESEV Foreign Policy Bulletin*. Istanbul, 2011.

³⁴ Aras B. Turkey and Eurasia: Frontiers of a new geographic imagination / B. Aras, H. Fidan // *New Perspectives on Turkey*. 2009. № 40. P. 195–219.

³⁵ Çevik S. B. Turkey's Public Diplomacy / S. B. Çevik, P. Seib. New York : Palgrave Macmillan, 2015. 304 с. URL: <https://www.perlego.com/book/3502393/turkeys-public-diplomacy-pdf> (дата обращения: 15.04.2026).

³⁶ Yavuz M. H. *Islamic Political Identity in Turkey*. Oxford : Oxford University Press, 2003. 320 с. ISBN 0-19-512982-3. URL: https://books.google.com/books/about/Islamic_Political_Identity_in_Turkey.html?id=9Ho8DwAAQBAJ (дата обращения: 15.04.2026).

³⁷ Purtaş F. Cultural Diplomacy Initiatives of Turkic Republics / F. Purtaş // *Perceptions: Journal of International Affairs*. 2016. Vol. 21, № 3. P. 61–84.

³⁸ Kahveci H., Kuşçu Bonnenfant I. Turkish Foreign Policy Towards Central Asia: An Unfolding of Regionalism and Soft Power // *All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace*. 2023. Vol. 12. No. 2. P. 195–218.

историю отношений Турции со странами Центральной Азии от романтизма начала 1990-х гг. к современному прагматичному стратегическому партнерству. Развитие двусторонних связей тоже занимает главное место в исследованиях турецких авторов: так, потепление отношений с Узбекистаном после 2016 г. исследует Тургут Демиртепе³⁹.

Западные исследования.

Западная историография исследования турецкой внешней политики и мягкой силы традиционно сфокусирована на проблемах трансформации геополитической идентичности Анкары, ее отдаления от евроатлантических структур и поиске самостоятельной роли в Евразии.

Классические работы У. Хейла⁴⁰ и Ф. Робинса⁴¹ об изменениях внешней политики Турции. В западном академическом дискурсе особую популярность приобрела дискуссия о так называемом «сдвиге оси» (axis shift) в политике Анкары. Эксперт Совета по международным отношениям (CFR) С. Кук⁴² глубоко анализируют основные причины перехода Турции от прозападной ориентации к стратегической автономии. Неосманизм, имперские амбиции правящей элиты стали основой для книги директора турецкой программы Вашингтонского института С. Чагаптая⁴³ и исследований А. Муринсона⁴⁴.

Специфика западного подхода заключается в изучении «турецкой модели» как инструмента мягкой силы. П. Кубичек⁴⁵ активно исследовал в начале 2010-х гг. способности Турции стать образцом демократического ислама для стран

³⁹ Demirtepe T. Redefining the Contemporary Relations between Turkey and Uzbekistan / T. Demirtepe // Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2013. № 36. P. 125–140.

⁴⁰ Hale W. Turkish Foreign Policy since 1774. 3rd ed. London: Routledge, 2012. 328 p.

⁴¹ Robins P. Suits and Uniforms: Turkish Foreign Policy Since the Cold War. Seattle: University of Washington Press, 2003. 400 p.

⁴² Cook S. A. Neither Friend nor Foe: The Future of U.S.-Turkey Relations. Washington, 2018.

⁴³ Çağaptay S. Erdogan's Empire: Turkey and the Politics of the Middle East. London, 2019. 360 p.

⁴⁴ Murinson A. Turkey's Entente with Israel and Azerbaijan: State Identity and Security in the Middle East and Caucasus. London, 2009. 240 p.

Востока. Однако в более поздних работах Б. Парка⁴⁶ и Г. Тол⁴⁷ говорится о провале этой модели и о том, как Анкара пользуется исламским фактором (в частности, сетями Управления по делам религии) в прагматичных внешнеполитических целях, что детально описывает оксфордский исследователь Дж. Лорд⁴⁸.

Значительный пласт западных исследований посвящен геополитическому и экономическому позиционированию Турции на постсоветском пространстве. Роль Турции как энергетического хаба и ключевого звена Срединного коридора (проекты в обход России) фундаментально исследована Г. Уинроу⁴⁹. Ф. Хилл⁵⁰ является ведущим американским экспертом по региону, и в ее работах подробно изучается политика балансирования Турции между Москвой и Западом в Евразийском пространстве. Французский политолог М. Ларюэль⁵¹ подробно разбирает влияние идеологии евразийства на турецкие политические элиты.

Центральноазиатский вектор политики Анкары рассматривается западными учеными сквозь призму конкуренции великих держав (New Great Game). Директор Института Центральной Азии и Кавказа С. Корнелл⁵² подробно анализирует процесс распространения влияния Турции в Каспийский регион и Центральную Азию. В трудах британского географа Н. Мегорана⁵³ и Э. Кавальского⁵⁴ исследуются отношения государств Центральной Азии с

⁴⁶ Park B. *Modern Turkey: People, State and Foreign Policy in a Globalized World*. London, 2011. 240 p.

⁴⁷ Tol G. *Erdogan's War: A Strongman's Struggle at Home and in Syria*. Oxford, 2022. 336 p.

⁴⁸ Lord C. *Religious Politics in Turkey: From the Birth of the Republic to the AKP*. Cambridge, 2018.

⁴⁹ Winrow G. M. Turkey and the East-West Gas Transportation Corridor // *Turkish Studies*. 2004. Vol. 5, No. 2. P. 23-42.

⁵⁰ Hill F., Taspinar O. Turkey and Russia: Axis of the Excluded? // *Survival*. 2006. Vol. 48, No. 1. P. 81-100.

⁵¹ Laruelle M. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Baltimore, 2008.

⁵² Cornell S. E. *Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States*. Washington, 2001.

⁵³ Megoran N. *Nationalism in Central Asia: A Biography of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Boundary*. University of Pittsburgh, 2017.

⁵⁴ Kavalski E. *Central Asia and the Rise of Normative Powers: Contextualizing the Security Governance of the European Union, China, and India*. Bloomsbury, 2012.

незападными акторами, а также с Турцией, и их реакция на мягкую силу Турции. Предметом исследований Н. Касеновой⁵⁵ и итальянского политолога К. Фраппи⁵⁶ является политика Турции в сфере инфраструктуры и экономики в регионе.

Центральноазиатские исследования

Работы центральноазиатских исследователей, посвященные мягкой силе и внешней политике Турции, отражают идеи сохранения национального суверенитета, реализации многовекторной дипломатии и укрепления региональной идентичности.

Концептуальные основы отношений стран региона с Турцией и воздействие на эти отношения конкуренции великих держав исследуется в трудах ведущих аналитиков региона. М.Т. Лаумулин⁵⁷ и Б.К. Султанов⁵⁸ подробно исследуют роль Турции во внешней политике Казахстана и геополитических изменениях в Евразии. В узбекской историографии макрорегиональный подход и концепт стратегического партнерства Ташкента и Анкары в условиях трансформации макрорегиона разрабатывается Ф.Ф. Толиповым⁵⁹.

Одним из важных направлений исследований центральноазиатских ученых является процесс тюркской интеграции. Узбекский исследователь Б.Х. Эргашев⁶⁰ уделяют особое внимание процессу эволюции Тюркского Совета в ОТГ и путям перехода от культурно-гуманитарного сотрудничества к политико-

⁵⁵ Kassenova N. Central Asia and EU Connectivity Strategy: An Opportunity for Synergy. Davis Center for Russian and Eurasian Studies, 2019.

⁵⁶ Frappi C. The Caspian Sea Chessboard: Geo-Political, Geo-Strategic and Geo-Economic Analysis. EGEA Spa, 2014.

⁵⁷ Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2005. Т. 1. 704 с

⁵⁸ Султанов Б.К. Казахстан и внешние акторы: особенности взаимодействия в новых геополитических условиях // Казахстан в глобальных процессах. 2018. № 2. С. 14-28.

⁵⁹ Толипов Ф.Ф. Стратегическое партнерство в Центральной Азии: двусторонний и многосторонний форматы // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 20, № 3. С. 22-35. Он же Толипов Ф.Ф. Турция и Узбекистан: ренессанс отношений в контексте макрорегиональной трансформации // Вестник ИСМИ. Ташкент, 2019. № 4. С. 41-55.

⁶⁰ Эргашев Б.Х. Трансформация Тюркского совета: взгляд из Узбекистана // Центральная Азия на перекрестке интересов. Ташкент: ЦЭИР, 2021. С. 132-146.

экономическому союзу. Специфика туркмено-турецких отношений, базирующихся на принципе позитивного нейтралитета Ашхабада и формуле «одна нация -два государства», раскрывается Ш.А. Ширмурадовым⁶¹.

Механизмы применения Турцией инструментов мягкой силы в регионе и социально-политические результаты данного процесса подвергаются всестороннему анализу. Отдельное внимание центральноазиатские авторы, такие как М.Б. Бекбосынова⁶², уделяют роли турецкого кинематографа (сериалов) и масс-медиа в конструировании общей социокультурной реальности и привлекательного имиджа Турецкой Республики у местной молодежи. Религиозный аспект взаимодействия и экспорт турецкой модели ханафитского мазхаба изучаются А.К. Муминовым⁶³.

Таким образом, автором было изучено значительное количество работ, посвященных внешней политике Турции и ее ключевой составляющей - концепции мягкой силы, а также методам ее реализации в Центральноазиатском регионе. Тем не менее, несмотря на наличие существенного массива литературы, тема мягкой силы Турции в Центральной Азии не получила комплексного освещения и остается изученной не в полной мере.

Объектом исследования является политика мягкой силы Турции в Центральной Азии.

Предмет исследования – концептуальные основы, методы, инструменты реализации концепции мягкой силы во внешней политике Турции в регионе Центральная Азия.

⁶¹ Ширмурадов Ш.А. Внешнеполитический нейтралитет Туркменистана и стратегическое партнерство с Турецкой Республикой // Мирас. Ашхабад, 2017. № 4. С. 23-34.

⁶² Бекбосынова М.Б. Имидж Турции в глазах студенческой молодежи Казахстана (по результатам социологического опроса) // Элеуметтану-Sociology. 2019. № 1. С. 115-125.

⁶³ Муминов А.К. Религиозный фактор в отношениях Турции со странами Центральной Азии // Исламоведение в Центральной Азии. Ташкент, 2017. С. 201-218.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей использования мягкой силы Турции во внешней политике в отношении государств Центральной Азии в 2002-2025 гг.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

- Исследовать концептуальные основы и политико-правовую базу формирования политики мягкой силы Турецкой Республики.
- Выявить идеологические особенности и проанализировать эволюцию турецкой внешнеполитической доктрины (в частности, концепции «Стратегия Великой Турции») в контексте применения инструментов мягкой силы.
- Охарактеризовать финансово-экономические и научно-образовательные механизмы продвижения турецких интересов в государствах Центральной Азии.
- Раскрыть специфику использования культурно-гуманитарного и религиозного факторов как ключевых элементов турецкого влияния в центральноазиатском регионе.
- Оценить результативность реализации политики мягкой силы Турции в Центральной Азии в период с 2002 по 2025 гг., а также определить ключевые проблемы и ограничения, препятствующие ее эффективному продвижению.
- Сформулировать перспективные пути и возможные сценарии повышения эффективности политики мягкой силы Турции на центральноазиатском направлении.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2002 г. по 2025 г. *Нижняя граница (2002 г.)* обусловлена приходом к власти в Турецкой Республике Партии справедливости и развития (ПСР), которое привело к кардинальным изменениям во внешней политике Анкары. Начался отказ от традиционного изоляционизма, и доктрина «стратегической глубины» стал главным в преобразовании внешней политики и соответственно страны

Центральной Азии стали рассматриваться как приоритетное направление для проецирования турецкой мягкой силы и культурно-исторического влияния.

Верхняя граница (2025 год) фиксирует завершение базового этапа институционализации Организации тюркских государств (ОТГ). Инструменты турецкой мягкой силы трансформировались из формата двусторонних инициатив в системное многостороннее взаимодействие. К 2025 г. ОТГ окончательно сформировала свои структурные институты (включая начало полномасштабной операционной деятельности Тюркского инвестиционного фонда). Кроме того, на рубеже 2024–2025 гг. был достигнут исторический консенсус по утверждению Единого общетюркского алфавита, что знаменует собой кульминацию культурно-гуманитарной дипломатии Анкары в регионе. Выбор 2025 г. также позволяет оценить промежуточные итоги реализации внешнеполитической доктрины «Век Турции» (Türkiye Yüzyılı) в условиях геополитической трансформации Евразии.

Источниковую базу исследования можно условно разделить на 4 группы.

Первую группу источников формирует массив официальных нормативно-правовых, концептуальных и программных документов как Турецкой Республики (страны-инициатора), так и государств Центральной Азии (стран-реципиентов). Использование этих материалов позволяет реконструировать официальную позицию сторон и проанализировать институциональный фундамент их взаимодействия. В рамках данной группы выделяются два ключевых направления.

Первое направление охватывает правовые и стратегические основы внешней политики мягкой силы Анкары. Сюда включены концепции внешней политики и правительственные программы, определяющие приоритеты и механизмы реализации турецкого влияния. Основополагающую роль здесь играют законы Турецкой Республики, регламентирующие деятельность профильных структур: Закон № 5978 об учреждении Управления по делам

соотечественников за рубежом и родственных сообществ (ҮТВ)⁶⁴, Закон № 6721 о создании турецкого просветительского Фонда «Маариф»⁶⁵, а также Закон № 5653 о Фонде имени Юнуса Эмре⁶⁶. Комплексный анализ данных актов дает возможность проследить логику выстраивания турецкой инфраструктуры влияния за рубежом.

К этой же категории отнесены концептуальные выступления и программные статьи Президента Р.Т. Эрдогана (в частности, в рамках инициативы «Век Турции»), а также официальные документы многостороннего формата - декларации и коммюнике саммитов Организации тюркских государств (ОТГ). Данные источники позволяют зафиксировать эволюцию турецких подходов: от гуманитарного присутствия к глубокой институциональной интеграции в рамках тюркского мира.

Второе направление в рамках данной группы составляют официальные материалы государств-реципиентов (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан), применение которых критически необходимо для объективной оценки эффективности турецкой публичной дипломатии и реакции принимающей стороны. Сюда входят концепции внешней политики государств Центральной Азии, позволяющие определить место Турции в их многовекторных внешнеполитических стратегиях. Особую значимость представляют официальные выступления, программные статьи и заявления высшего руководства стран региона (в частности, К.К. Токаева, Ш.М. Мирзиёева, С.Н.

⁶⁴ Турция. Законы. О создании Управления по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных общин и его обязанностях: Закон № 5978: принят 24 марта 2010 г. // T.C. Resmî Gazete. 2010. 6 Nisan. Sayı 27544. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2010/04/20100406-1.htm> (дата обращения: 30.03.2026)

⁶⁵ Türkiye Maarif Vakfı (TMV) // Türk Maarif Ansiklopedisi: [сайт]. URL: <https://turkmaarifansiklopedisi.org.tr/turkiye-maarif-vakfi-tmv> (дата обращения: 30.03.2026).

⁶⁶ Турция. Законы. Türkiye Maarif Vakfı Kanunu: Kanun No. 6721: [принят 17 июня 2016 г.] // TBMM: [официальный сайт Великого национального собрания Турции]. URL: <https://www.tbmm.gov.tr/Yasama/Kanun/f72877be-1374-037b-e050-007f01005610> (дата обращения: 30.03.2026).

Жапарова и других) как в рамках двусторонних визитов, так и на площадках Организации тюркских государств. Их анализ позволяет оценить, в какой мере турецкие нарративы о тюркском братстве и интеграции находят отклик у политических элит стран Центральной Азии.

Вторую группу источников составляют *делопроизводственные* документы профильных министерств и ведомств Турции. Ценность данной категории материалов для исследования заключается в том, что они позволяют реконструировать механизмы практической реализации турецкой мягкой силы и оценить ее реальные масштабы (что является основой для Главы 2). К этой группе относятся, в первую очередь, официальные стратегические планы (Stratejik Plan) и ежегодные отчеты о деятельности (Faaliyet Raporları), публикуемые государственными институтами Турции⁶⁷. Ввиду закрытости внутренней дипломатической переписки, именно эти открытые документы критически важны для понимания информационной и статистической основы турецкой публичной дипломатии⁶⁸. Наиболее востребованными для данного исследования выступают отчеты Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (TİKA)⁶⁹, Управления YTB⁷⁰, а также Управления по делам религий Турции⁷¹. Данные материалы предоставляют верифицированную количественную и качественную информацию о реализованных проектах (объемы выделенных

⁶⁷ TİKA Stratejik Plan 2024–2028 [Электронный ресурс] // T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı. Ankara, 2024. URL: официальный сайт TİKA (дата обращения: 29.09.2026).

⁶⁸ Türkiye Kamu Diplomasisi Strateji Belgesi 2024–2029 [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanlığı. Ankara, 2024. URL: официальный сайт Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanlığı (дата обращения: 29.09.2026).

⁶⁹ Türkiye Maarif Vakfı (TMV) // Türk Maarif Ansiklopedisi: [сайт]. URL: turkmaarifansiklopedisi.org.tr (дата обращения: 30.03.2026). Текст: электронный.

⁷⁰ Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı (YTB). 2024-2028 Stratejik Planı [Электронный ресурс] // T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. Ankara: YTB, 2024. URL: <https://ytb.gov.tr/kurumsal/planlar-ve-raporlar> (дата обращения: 30.03.2026).

⁷¹ Diyanet İşleri Başkanlığı 2022 Yılı İdare Faaliyet Raporu [Электронный ресурс] // T.C. Diyanet İşleri Başkanlığı. Ankara, 2023. URL: <https://tdv.org.tr-TR/medya-odasi/raporlar/> (дата обращения: 30.03.2026).

грантов, количество стипендий для студентов из Центральной Азии, построенные инфраструктурные и религиозные объекты). В совокупности данный комплекс документов позволяет не только констатировать официальные шаги Анкары, но и глубоко проанализировать эффективность применяемых инструментов, что является ключевой задачей настоящей работы.

Третью группу источников формируют материалы публицистического и экспертно-аналитического характера, позволяющие реконструировать идеологическое обоснование внешней политики Турции и специфику ее освещения в информационном пространстве. В отличие от официальных документов, данные источники отражают процесс формирования политических смыслов и их трансляцию целевой аудитории. Центральное место в этой группе занимает фундаментальный труд Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина» (Stratejik Derinlik)⁷², заложивший теоретические основы доктрины неоосманизма и многовекторной дипломатии Анкары. Изучение данной работы в контексте публицистического дискурса необходимо для понимания генезиса современных внешнеполитических амбиций Турции в Евразии. Важной составляющей группы являются доклады и аналитические записки ведущих турецких центров (в частности, Фонда политических, экономических и социальных исследований - SETA). Эти материалы позволяют проанализировать механизмы экспертного сопровождения государственной политики и выявить ключевые идеологемы, используемые для продвижения турецких интересов в странах Центральной Азии. Дополняют указанный массив публикации в профильных периодических изданиях и экспертные оценки Института Юнуса Эмре, касающиеся популяризации турецкого языка и культуры. Обращение к данным источникам дает возможность оценить содержательное наполнение дискурса о «тюркском

⁷² Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s.

единстве» и проследить, как официальные концепции (такие как «Век Турции») интерпретируются и тиражируются в медийной среде и экспертных кругах.

Четвертую группу составляют *статистические* источники, которые формируют эмпирическую базу исследования и позволяют дать строгую количественную оценку различным аспектам внешней политики Турции. К ним относятся официальные базы данных Турецкого статистического института (TÜİK), ежегодные отчеты Турции по официальной помощи развитию (Kalkınma Yardımları Raporu), а также статистика профильных ведомств. Ценность данных источников заключается в их способности объективно подтвердить или опровергнуть тезисы, основанные на качественном анализе, а также отследить динамику исследуемых процессов. В частности, сводные статистические отчеты YTB по программе правительственных стипендий (Türkiye Bursları)⁷³ являются критически важным источником для анализа образовательного вектора. Этот массив данных позволяет оценить не только финансовые объемы выделяемых квот, но и географический охват студентов из Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана, предоставляя конкретные цифры для аргументации выводов о масштабах влияния Анкары. Макроэкономическая статистика TÜİK, в свою очередь, позволяет проанализировать динамику торгового оборота и прямых инвестиций Турции в страны региона, что раскрывает финансово-экономическое измерение мягкой силы. При этом, для обеспечения строгой научной объективности и избежания односторонней (асимметричной) оценки, в данном исследовании применяется метод перекрестной верификации данных. Показатели турецких институтов в обязательном порядке сопоставляются с официальными отчетами национальных

⁷³ Türkiye Bursları 2022 Yılı Değerlendirme Raporu [Электронный ресурс] // Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. Ankara, 2023. URL: <https://ytb.gov.tr/kurumsal/planlar-ve-raporlar> (дата обращения: 30.03.2026).

статистических ведомств стран региона (Бюро национальной статистики Казахстана⁷⁴, Нацстатком Кыргызстана⁷⁵, Агентство статистики Узбекистана⁷⁶).

Подобный бинарный подход к формированию статистической базы позволяет нивелировать расхождения в национальных методологиях подсчета и представить максимально достоверную картину турецкого влияния.

Методологической основой диссертационной работы являются теории среднего уровня, позволяющие провести всесторонний и объективный анализ политики, проводимой Турецкой Республикой в Центральноазиатском регионе.

Базовой теоретической рамкой исследования выступает концепция «мягкой силы» (soft power) Дж. Ная. Применение данного подхода предполагает анализ материальных и нематериальных ресурсов, создающих привлекательный образ государства. В рамках данной концепции исследование фокусируется на анализе практического взаимодействия между ключевыми турецкими структурами (ТКА, Институт Юнуса Эмре, Управление по делам религий) и государствами Центральной Азии.

Для анализа геополитических мотивов Турции, а также стратегии «Великой Турции» и идеологемы «тюркского единства» (в частности, в рамках Организации тюркских государств), применяется парадигма неоклассического реализма. Данный подход позволяет рассматривать продвижение языка, образовательных инициатив и культурных проектов не просто как социокультурный процесс, но как прагматичный инструмент государства по максимизации своего влияния в стратегически важном регионе.

⁷⁴ Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Астана, 2024. Доступ из: <https://www.gov.kz/memleket/entities/stat?lang=ru> (дата обращения: 09.06.2026)

⁷⁵ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. Бишкек, 2026. Доступ из: <https://stat.gov.kg/ru/> (дата обращения: 09.06.2026)

⁷⁶ Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике [Электронный ресурс]. Ташкент, 2026. Доступ из: <https://stat.uz/ru> (дата обращения: 09.06.2026).

Исследование правового обеспечения и механизмов реализации турецкой политики 5опирается на неолиберальный институционализм, что обуславливает необходимость изучения официальных программных документов, нормативно-правовых актов и уставов.

В основе методологии исследования лежат фундаментальные общенаучные принципы объективности и историзма. Данные принципы являются определяющими в процессе рассмотрения внешнеполитических событий, эволюции турецких институтов мягкой силы и явлений в их строгой хронологической последовательности.

Методы исследования. В процессе написания диссертационного исследования для решения поставленных задач применялась совокупность общенаучных и специально-научных методов.

Из группы общенаучных методов использовались анализ и синтез, а также индукция и дедукция, которые позволили обобщить разрозненные эмпирические данные о турецком присутствии в странах Центральной Азии и выявить общие закономерности реализации концепции мягкой силы.

Для глубокого раскрытия темы среди специально-научных методов в исследовании нашли применение:

- Метод комплексного анализа документов - применялся при изучении политико-правового обеспечения, внешнеполитических доктрин и стратегических концепций Турецкой Республики;

- Институциональный метод – использовался для исследования деятельности ключевых турецких акторов в регионе (агентство ТІКА, Институт им. Юнуса Эмре, Управление по делам религии, различные фонды), реализующих инструменты мягкой силы в различных сферах;

- Статистический метод – был задействован при оценке объемов финансово-экономического взаимодействия, а также при анализе

количественных показателей в научно-образовательной и культурно-гуманитарной деятельности;

- Ивент-анализ (анализ событий) – позволил отследить динамику межгосударственных контактов, реализацию конкретных проектов и ключевых инициатив Турции в центральноазиатском регионе;

- Проблемно-аналитический метод – для критической оценки эффективности внешней политики Анкары, выявления актуальных проблем, неудач и внутренних противоречий в реализации стратегии в Центральной Азии.

- Прогностический метод – применялся на заключительном этапе исследования при разработке путей повышения эффективности турецкой политики мягкой силы и оценке ее дальнейших перспектив с учетом выявленных ограничений.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном анализе политики мягкой силы Турции в Центральной Азии на современном этапе. В отличие от многих работ, где турецкое влияние рассматривается только через призму экономики или культуры, в данной диссертации все инструменты сведены в единую систему. Конкретные элементы научной новизны состоят в следующем:

1. Выявлены механизмы операционализации доктрины «Великой Турции». Идеологический концепт перестал быть абстрактной риторикой. На основе анализа комплекса турецких политико-правовых актов доказано превращение этой идеологемы в прикладную внешнеполитическую стратегию. Установлено, что современные нормативные документы фиксируют качественный переход Анкары от декларативного культурно-исторического позиционирования к жесткому институциональному закреплению своего влияния в регионе.

2. Систематизированы современные инструменты турецкого влияния. Впервые в рамках одного исследования детально разобраны и сопоставлены

четыре главных направления: экономика, образование, культура и религия. Особое внимание уделено религиозному фактору и изменениям в образовательной политике Турции в Центральной Азии в последние годы, что ранее было недостаточно изучено в отечественной литературе.

3. Определены структурные пределы эффективности турецкой «мягкой силы». Применение метода сравнительного политологического анализа позволило деконструировать тезис о безусловной успешности стратегии Анкары. Выявлена прямая зависимость между внутренними макроэкономическими дисбалансами Турецкой Республики и сужением ее интеграционных возможностей. Доказано, что усиливающаяся конкуренция с традиционными глобальными акторами формирует жесткий барьер, блокирующий монополизацию Турцией регионального гуманитарного пространства.

4. Смоделированы прогностические сценарии трансформации турецкой внешнеполитической стратегии. Разработана теоретическая матрица потенциальных кризисов и точек роста влияния Анкары. Обоснованы вероятные траектории адаптации инструментов мягкой силы к специфике политических режимов государств Центральной Азии в условиях меняющегося евразийского баланса сил.

Теоретическая значимость. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно расширяет и систематизирует научные знания о специфике турецкой внешней политики и роли мягкой силы в Центральной Азии. В работе комплексно проанализированы основные инструменты влияния Турции в этом регионе (финансово-экономические, образовательные, культурные и религиозные), что позволяет лучше понять механизмы реализации концепции «Великой Турции» на практике.

Вводимые в научный оборот материалы и систематизированные данные способствуют более глубокому изучению данной проблематики. Основные выводы и положения диссертации могут представлять интерес для политологов,

тюркологов и специалистов по международным отношениям, которые изучают внешнюю политику Турции на постсоветском пространстве. Кроме того, результаты работы могут быть использованы при подготовке учебных курсов, лекций и семинаров по темам региональной безопасности и внешней политики государств Центральной Азии.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что собранный фактический материал, выводы и предложенные рекомендации имеют ярко выраженный прикладной характер.

Во-первых, результаты исследования (в частности, анализ эффективности и ограничений из третьей главы) могут быть востребованы государственными структурами и внешнеполитическими ведомствами для корректировки стратегий и выработки грамотной позиции по отношению к странам Центральной Азии с учетом растущего турецкого влияния.

Во-вторых, материалы диссертации представляют практический интерес для профильных аналитических центров и экспертных институтов, занимающихся мониторингом геополитической ситуации и оценкой инструментов мягкой силы на евразийском пространстве.

В-третьих, основные положения и фактологическая база работы могут быть использованы в высших учебных заведениях при подготовке специалистов-международников и тюркологов. Материалы диссертации отлично подойдут для разработки лекционных курсов, семинаров и написания учебных пособий по дисциплинам «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение» и «Внешняя политика Турции».

Положения, выносимые на защиту:

1. Трансформация идеологического концепта в прагматичный инструмент влияния. Политика мягкой силы Турецкой Республики в Центральной Азии эволюционировала от изначальной опоры на идеи пантюркизма и историко-культурной общности к прагматичной стратегии сближения. Доказано, что

Анкара отказалась от патерналистской модели («старшего брата») в пользу позиционирования себя в качестве экономически развитого, светского и равноправного партнера, сохраняющего приверженность традиционным исламским ценностям.

2. Институционализация турецкой политики «мягкой силы». Для реализации внешнеполитических задач в регионе сформирована комплексная институциональная сеть, ключевыми акторами которой выступают ТІКА (Турецкое агентство по сотрудничеству и координации), Институт Юнуса Эмре, Фонд «Маариф» и Управление по делам религий. Выявлена синергия их деятельности: инициативы в образовательной, культурной и религиозной сферах системно подкрепляются экономическими инвестициями, что обеспечивает масштабный охват как политических элит, так и широких слоев населения стран-реципиентов.

3. Религиозная дипломатия как автономный вектор геополитической конкуренции. Специфическим и высокоэффективным инструментом влияния Турции выступает экспорт умеренной исламской модели. Посредством спонсирования строительства мечетей, подготовки лояльных религиозных кадров и распространения теологической литературы Анкара формирует благоприятную для себя духовную среду. Данный фактор не только укрепляет двусторонние связи, но и выступает инструментом конкуренции Турции с другими глобальными акторами (прежде всего, странами Персидского залива) за влияние на исламское пространство региона.

4. Образовательная политика как механизм формирования лояльных элит. Установлено, что турецкая стратегия в сфере образования претерпела качественные изменения в последние годы. Произошел переход от поддержки частных инициатив к жесткому государственному контролю над образовательным экспортом. Данный инструмент используется для долгосрочного форматирования региональных элит и создания устойчивых

социокультурных связей, что обеспечивает отложенный, но наиболее прочный эффект мягкой силы.

5. Экономическая дипломатия как базис гуманитарного влияния. Финансово-экономические инструменты (инвестиции, кредиты, деятельность турецкого строительного и торгового бизнеса) в Центральной Азии выполняют двойную функцию. Они не только обеспечивают реализацию национальных экономических интересов Турции, но и выступают материальным драйвером продвижения турецкого культурно-гуманитарного кода, создавая позитивный образ страны-инвестора.

6. Структурные пределы и барьеры для турецкой «мягкой силы». Эффективность реализации турецкой стратегии ограничивается объективными внутренними и внешними барьерами. Ключевым внутренним фактором уязвимости выступают макроэкономические дисбалансы и финансовые трудности самой Турецкой Республики, сужающие ее ресурсную базу. Внешним блокирующим контуром является усиливающаяся конкуренция со стороны традиционных геополитических тяжеловесов (России и Китая), а также настороженность политических режимов стран Центральной Азии к чрезмерному иностранному идеологическому влиянию.

7. Прогностическая модель трансформации турецкой стратегии. На основе политологического анализа смоделированы вероятные траектории адаптации турецких инструментов «мягкой силы» к меняющемуся евразийскому балансу сил. Обосновано, что для удержания позиций Анкаре потребуется разработка точечных кризисных матриц, учитывающих специфику каждого конкретного государства Центральной Азии, вместо применения универсальных региональных шаблонов.

8. Переход от экстенсивных показателей к высокотехнологичной дипломатии. Доказано, что на фоне ограниченности ресурсной базы турецкая стратегия влияния претерпевает качественную трансформацию, которая

выражается в постепенном отказе от наращивания исключительно физической инфраструктуры. Фиксируется перенос вектора активности в цифровую среду: приоритет отдается информационно-коммуникационным проектам и точечной работе в медиапространстве стран Центральной Азии. Подобный маневр решает сразу несколько ключевых задач. С одной стороны, происходит необходимая в текущих реалиях оптимизация финансовых издержек. С другой – внедрение высокотехнологичного компонента открывает возможности для прямого, алгоритмизированного воздействия на целевую молодежную аудиторию. В совокупности это позволяет Анкаре компенсировать внутренние экономические барьеры и сохранять привлекательность собственного имиджа в условиях жесткой региональной конкуренции.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования обеспечивается привлечением обширной и актуальной базы источников, включая официальные государственные документы, статистические данные и материалы СМИ на русском, турецком и английском языках.

Кроме того, достоверность работы подтверждается корректным применением проверенных научных методов, а также всесторонним анализом различных подходов и точек зрения на проблему турецкой «мягкой силы» со стороны российских, турецких, западных и центральноазиатских исследователей. Сформулированные в диссертации выводы и рекомендации логично вытекают из проанализированного фактического материала и опираются на надежную эмпирическую базу.

Апробация результатов исследования. Основные положения, выводы и практические рекомендации диссертационного исследования прошли апробацию в рамках выступлений и обсуждений на научных мероприятиях различного уровня, а также нашли полное отражение в публикациях автора.

По теме диссертационного исследования опубликовано три научные работы. Все три статьи изданы в ведущих рецензируемых научных журналах,

рекомендованных Высшей аттестационной комиссией ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней.

Отдельные теоретические положения и выводы были изложены автором на общероссийских научных конференциях и круглых столах таких как: круглом стол «Интерпретация исторического опыта стран Востока в международных отношениях в актуальном политическом дискурсе» (19 февраля 2025 г., Института востоковедения РАН, Москва), научной конференция «Евразийские интеграционные процессы: Векторы развития» (16 сентября 2025 г., в Российской академии наук, Москва), Всероссийская научная конференция «Турецкая республика в эпоху глобальных трансформаций» (21 октября 2025 г., в Институте научной информации по общественным наукам ИНИОН РАН, Москва).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. Концептуальные основы политики мягкой силы Турции

Понятие мягкой силы, изначально введенное в научный оборот американским политологом Джозефом Наем, сегодня стало одним из главных инструментов внешней политики многих государств. Для Турецкой Республики этот концепт оказался особенно близким и актуальным. В начале XXI века, на фоне смены политического руководства и прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР), Анкара осознала важную вещь: для усиления своих позиций на международной арене недостаточно опираться только на армию или экономику. Возникла острая потребность в новой идеологической базе, которая позволила бы Турции проецировать свое влияние мягко, то есть, через культуру, историческую память и язык.

Главным архитектором этого нового внешнеполитического курса заслуженно считается Ахмет Давутоглу. В своей фундаментальной работе «Стратегическая глубина» он обосновал идею о том, что уникальное географическое положение и богатое историческое наследие дают Турции естественное преимущество в соседних регионах⁷⁷. Именно этот подход лег в основу турецкого понимания мягкой силы. В отличие от западных моделей, которые чаще всего опираются на продвижение универсальных демократических ценностей или поп-культуры, турецкая концепция делает ставку на историческую общность, религиозное единство и этническое родство.

Центральная Азия и тюркский мир в целом стали идеальной средой для практической обкатки этих идей. Как отмечают ведущие российские тюркологи, после распада СССР регион привлек Анкару не только как новый рынок сбыта, но и как пространство, где можно выстроить прочный союз на базе идеи

⁷⁷ Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. S. 65-68.

пантюркизма и культурно-языковой близости⁷⁸. Чтобы понять, как именно этот механизм работает на практике, в рамках данной главы мы сначала проанализируем правовую базу и официальные документы, на которые опирается турецкая мягкая сила, а затем подробно разберем ключевые особенности и эволюцию внешнеполитической стратегии «Великой Турции».

1.1. Правовое обеспечение реализации Турцией политики мягкой силы

Институционализация государственного финансирования выступает обязательным условием для правового обеспечения инструментов мягкой силы. Правительство Турецкой Республики запустило масштабную системную трансформацию нормативной базы осенью 2002 г. сразу после победы Партии справедливости и развития на парламентских выборах. Ранее внешнее культурное влияние опиралось на спорадические частные инициативы. Стабильная эксплуатация зарубежной школьной инфраструктуры и культурных фондов потребовала утверждения прозрачных юридических регламентов.

Концептуальной базой институциональных реформ стала доктрина Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина». Академический труд оперативно интегрировали в политическую программу правящей партии и перевели в статус официальной правительственной стратегии. Руководство страны утвердило курс на трансформацию республики в центральное государство (*merkez ülke*)⁷⁹. Достижение поставленной цели потребовало радикального пересмотра правил распределения государственных средств. Парламентарии легализовали прямое финансирование образовательных и религиозных проектов на территориях других стран. Министерство финансов Турции в 2004 г. впервые заложило

⁷⁸ Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и Постсоветский Восток. 2024. Т. 1, № 5. С. 17–24.

⁷⁹ AK Parti Programı (Программа Партии справедливости и развития Турции). Официальный сайт ПСР. Раздел «Внешняя политика». URL: <https://www.akparti.org.tr/parti/parti-programi/>

целевые статьи расходов на обеспечение деятельности профильных атташе в государствах Центральной Азии.

Конституционный акт Турецкой Республики задает исключительно общие рамки внешнеполитического курса. Детальная регламентация мягкой силы реализуется через специализированные законы Великого национального собрания Турции ТВММ и указы президента. Кабинет министров отклонил идею формирования единого надзорного ведомства. Компетенции распределили между отдельными профильными управлениями⁸⁰. Парламент прописал для каждой структуры жесткие границы ответственности и строгие механизмы финансового контроля.

Юридический аудит турецкой мягкой силы требует изучения нормативной документации главных операторов влияния. Период с 2001 по 2016 год сопровождался утверждением серии актов о реорганизации действующих и создании новых институтов. Законодательная власть учредила Институт имени Юнуса Эмре, Управление по делам соотечественников за рубежом и родственных сообществ ҮТВ, образовательный фонд «Маариф» наряду с обновлением статуса Турецкого агентства по сотрудничеству и координации ТІКА. Финансовое обеспечение ведомства ТІКА после вступления в силу закона 2001 г. выросло в несколько раз. Наращивание бюджета позволило агентству в короткие сроки открыть полноценные координационные офисы на территории Казахстана и Кыргызстана.

Хронология принятия профильных законов демонстрирует поэтапную интеграцию мягкой силы в управленческий аппарат с выделением защищенных бюджетных линий. Данный процесс структурно разбивается на четыре этапа. Переход к каждой новой стадии сопровождался расширением штатной

⁸⁰ Аватков В. А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика. 2018. № 2. С. 11-25.

численности зарубежных представительств и внедрением современных стандартов кадровой отчетности.

Утверждение в мае 2001 г. Закона № 4668 об организации и обязанностях Турецкого агентства по сотрудничеству и развитию⁸¹ запустило процесс реформирования институциональной среды. Ранее ведомство функционировало при остром дефиците финансирования. С 1992 г. структура выступала периферийным подразделением Министерства иностранных дел. Новый нормативный акт изменил управленческую иерархию. Агентство перевели в прямое подчинение Аппарату руководителя правительства. Бюджетная классификация пополнилась защищенными строками для обеспечения внешних операций. Реализация проектов в странах Центральной Азии приобрела статус официальной статьи государственных расходов. Легализация постоянных финансовых потоков позволила ведомству системно выделять транши на модернизацию медицинских учреждений в Кыргызстане и строительство образовательных объектов в Туркменистане.

Правовое конструирование механизмов культурной дипломатии состоялось в мае 2007 года после принятия парламентом Закона № 5653 о Фонде Юнуса Эмре. Документ санкционировал прямые денежные трансферты в специализированную некоммерческую структуру. Правительство получило законное право оплачивать открытие зарубежных центров из государственной казны. Трансляция турецкого языка стала целевой программой с жестким планированием. Практика работы на общественных началах прекратилась. Преподаватели лингвистических курсов в аудиториях Астаны и Бишкека начали ежемесячно получать стабильную заработную плату. Распределение выделяемых

⁸¹ Türk İşbirliği ve Kalkınma İdaresi Başkanlığının Teşkilat ve Görevleri Hakkında Kanun [Закон об организации и обязанностях Турецкого агентства по сотрудничеству и развитию] Kanun No 4668, Kabul Tarihi 2.5.2001 // T.C. Resmî Gazete. 2001. 12 Mayıs (№ 24400). С. 1–10.

ресурсов происходит согласно утвержденным планам экономической и хозяйственной деятельности зарубежных филиалов фонда.

Мартовский Закон № 5978 от 2010 г.⁸² жестко регламентировал работу с диаспорами и иностранным студенчеством. Власти учредили Управление по делам соотечественников за рубежом и родственных сообществ. Прежняя модель распределения образовательных квот между различными ведомствами демонстрировала низкую эффективность администрирования. Новый правовой акт консолидировал разрозненные гранты. Управленческий аппарат создал единую государственную программу стипендий. Анкара получила регламентированный механизм отбора и стопроцентного финансового обеспечения иностранных граждан. Ежегодные квоты для студентов из государств Центральной Азии теперь строго фиксируются в официальных приказах и полностью покрывают все расходы на обучение лояльной молодежи.

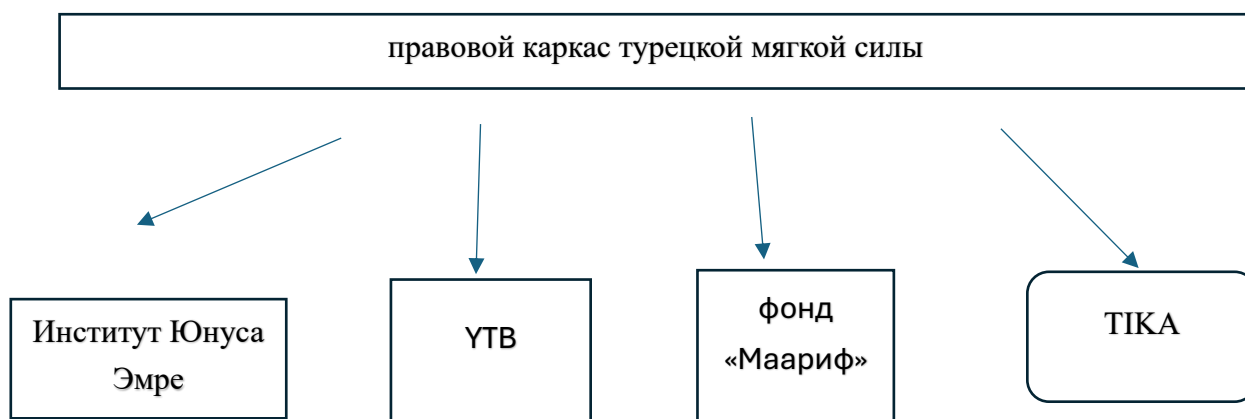
Завершающий этап формирования профильной законодательной базы произошел в июне 2016 года при утверждении Закона № 6721⁸³ об учреждении образовательного фонда «Маариф». Правительство нуждалось в легитимном инструменте администрирования зарубежных учебных заведений. Документ запустил процедуру юридического замещения частных школ оппозиционного движения Фетхуллаха Гюлена официальными государственными учреждениями. Фонд приобрел эксклюзивное право выдавать документы об образовании от лица Турецкой Республики. Организация получает крупные субсидии напрямую от Министерства национального образования. Принятие закона обеспечило правовую основу для перевода десятков школ на территории других стран под жесткий контроль государственных структур Турции.

⁸² Турция. Законы. О создании Управления по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных общин и его обязанностях: Закон № 5978: принят 24 марта 2010 г. // T.C. Resmî Gazete. 2010. 6 Nisan. Sayı 27544.

⁸³ Türkiye Maarif Vakfı (TMV) // Türk Maarif Ansiklopedisi: [сайт]. URL: <https://turkmaarifansiklopedisi.org.tr/turkiye-maarif-vakfi-tmv> (дата обращения: 30.03.2026).

Таким образом, именно эти четыре закона сформировали современный правовой каркас турецкой мягкой силы (см рис. 1). Они распределили зоны ответственности между ведомствами: ТІКА отвечает за инфраструктуру и гуманитарную помощь, Институт Юнуса Эмре – за культуру и язык, YTB – за работу со студентами и диаспорой, а фонд «Маариф» – за школьное образование.

Рисунок 1

На первый взгляд функции новых турецких ведомств пересекаются. Институт Юнуса Эмре, фонд «Маариф» и Управление по делам соотечественников осуществляют деятельность в схожих областях. Парламентарии регламентировали зоны компетенции каждого оператора через разграничение целевой аудитории и форматов реализации проектов. Действующая нормативная база исключает дублирование полномочий. Ведомственные инструкции формируют сложную систему взаимодополняющих элементов.

Сфера образовательных услуг жестко разделена нормативными актами. Законодательство прямо запрещает Институту Юнуса Эмре выступать учредителем полноценных общеобразовательных учреждений. Организационно-

⁸⁴ Создано автором.

правовая форма позволяет структуре открывать исключительно культурные филиалы. Население получает доступ только к лингвистическим программам и выставочным мероприятиям в формате дополнительного неформального обучения. Управление классическими школами с выдачей официальных аттестатов находится в компетенции фонда «Маариф». Закон 2016 г. передал этой структуре монопольное право на образовательную деятельность, признанную министерствами других государств на примере аккредитации десятков учебных заведений в странах Центральной Азии.

Управление по делам соотечественников УТВ лишено полномочий на строительство школ и открытие зарубежных курсов. Юридические рамки ограничивают функционал ведомства статусом грантового оператора. Учреждение занимается исключительно администрированием программы стипендий. Аппарат отбирает иностранную молодежь и финансирует обучение граждан в университетах на территории Турецкой Республики. Студенты из Ташкента или Астаны получают целевое финансирование только после прохождения строгих процедур верификации в представительствах управления. Ограничения нормативного характера предотвращают конфликт интересов между различными государственными структурами.

Уставные документы агентства ТІКА изолируют его работу от деятельности других ведомств. Профильные учреждения сфокусированы на человеческом капитале. Агентство отвечает исключительно за развитие инфраструктуры и взаимодействие с правительственными структурами. Выделение средств на реконструкцию мечетей в Казахстане, возведение больниц в Кыргызстане или закупку лабораторного оборудования для региональных университетов осуществляется по закрытым бюджетным линиям ТІКА. Инвестиции направляются на реализацию капитальных строительных и материально-технических проектов.

Правительство выпустило циркуляр № 2010/3⁸⁵ в январе 2010 г. для ликвидации административных пересечений. Акт регламентировал создание Координационного совета по публичной дипломатии. Орган получил юридические полномочия по надзору за реализацией единой стратегии. Совет блокирует нецелевое использование бюджетных средств и пресекает запуск конкурирующих проектов различными ведомствами на территории одного государства. Государственный аппарат выстроил строгую операционную цепочку. ТІКА обеспечивает инфраструктурные инвестиции. Фонд «Маариф» предоставляет базовые образовательные услуги в школах. Институт Юнуса Эмре реализует языковые программы. Управление ҮТВ интегрирует квалифицированных выпускников в систему высшего образования внутри страны.

Функционирование утвержденных законов потребовало интеграции механизмов в политическую доктрину государства. Правительственные структуры запустили процедуру конвертации партийных программ в официальные директивные документы. Изучение хронологии принятия актов фиксирует процесс легализации инструментов мягкой силы на уровне высших органов власти.

Базовым документом институциональной системы выступила концепция Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина»⁸⁶. Труд 2001 г. обосновал необходимость пересмотра внешнеполитического вектора страны. Географическое положение и историческое наследие стали ресурсом для формирования центрального государства. Военный потенциал отошел на второй план. Инструментарий мягкой силы получил абсолютный приоритет при

⁸⁵ Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlığı. Kamu Diplomasisi Koordinatörlüğü İle İlgili 2010/3 Sayılı Başbakanlık Genelgesi : [утвержден Премьер-министром 30.01.2010] // T.C. Resmî Gazete. 2010. 30 Ocak (№ 27478). С. 1–3.

⁸⁶ Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s.

продвижении национальных интересов посредством экономики и дипломатии. Интеграция теоретических разработок в управленческую практику стартовала в 2002 г. после прихода к власти Партии справедливости и развития. Руководящий состав утвердил концепцию базовой внешнеполитической платформой. Автор академического исследования получил должность главного советника главы кабинета министров.

Правовой механизм страны жестко регламентирует трансформацию предвыборной партийной платформы в официальную правительственную программу. Документ проходит обязательную процедуру утверждения путем парламентского голосования. Установки на расширение культурного присутствия в Центральной Азии приобрели статус государственного курса начиная с формирования 58 состава кабинета министров Турции. Министерство иностранных дел получило прямые директивы на реализацию конкретных проектов. Дипломатические миссии в Казахстане и Узбекистане начали систематически запрашивать дополнительные бюджеты на проведение гуманитарных акций. Партийные тезисы превратились в нормативную базу для работы органов исполнительной власти⁸⁷.

Интеграция утвержденных целей в долгосрочные государственные стратегии потребовала выпуска новых правовых актов. Политическая декларация «Видение 2023⁸⁸» формализовала план действий к столетнему юбилею республики. Правительство закрепило инструментарий мягкой силы в виде измеримых целевых показателей. Документ регламентировал кратное увеличение квот для иностранных студентов в турецких университетах. Государственный аппарат обязался расширить сеть культурных филиалов и увеличить объемы

⁸⁷ Зубкова А. И. Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002-2014 гг. : автореферат дис. ... кандидата наук : 23.00.04 / Зубкова Алена Игоревна; [Место защиты: Москва], 2015. 31 с.

⁸⁸ Yeni Türkiye Yolunda Vizyon Belgesi [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. 11.07.2014. Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/yeni-turkiye-yolunda-vizyon-belgesi/142296> (дата обращения: 09.06.2026).

гуманитарных траншей. Финансирование программ помощи государствам центральноазиатского региона выросло на миллионы лир согласно утвержденным нормативам документа.

Министерство развития приступило к внедрению целевых показателей в Пятилетние планы. Юридическая фиксация задач публичной дипломатии в документах стратегического планирования обязала органы власти обеспечить их бесперебойным финансированием. Бюджетный кодекс гарантировал выделение средств на продвижение лингвистических программ на несколько лет вперед. Строительство новых религиозных объектов в странах центральноазиатского региона приобрело статус защищенной статьи бюджетных расходов. Государственное казначейство получило предписание ежегодно резервировать требуемые объемы денежных средств для выплаты стипендий иностранной молодежи. Процедура легализации доктрины завершилась формированием устойчивой нормативной базы. Академическая концепция успешно трансформировалась в предвыборную платформу правящей политической структуры. Парламент легитимизировал инициативы через утверждение правительственной программы. Национальные планы развития зафиксировали итоговые цифровые показатели по количеству открытых зарубежных центров. Финансовые ведомства перевели теоретические тезисы в форму конкретных строк государственного бюджета.

Нормативное регулирование религиозной дипломатии требует отдельного правового анализа. Управление по делам религии Diyanet выступает профильным государственным оператором в данной сфере. Первоначальный устав структуры ограничивал ее компетенции решением исключительно внутренних административных задач. Направление тысяч священнослужителей за пределы страны потребовало радикального пересмотра регламентов. Масштабное финансирование строительства зарубежных мечетей в Бишкеке и Ашхабаде столкнулось с законодательными барьерами. Аппарат управления

инициировал процедуру легализации внешнеполитической деятельности сугубо внутреннего государственного органа.

Государственный аппарат решил задачу легализации финансирования зарубежных религиозных проектов путем конструирования двойного правового механизма. Внедрение нового регламента позволило беспрепятственно направлять бюджетные ассигнования на возведение теологических объектов в других странах. Парламентарии обеспечили юридическую защиту внешних траншей внутреннего ведомства. Дипломатический статус духовенства обеспечил первый легальный механизм работы. Аппарат Diyanet вошел в структуру Министерства иностранных дел. Законодательство Турецкой Республики наделило сотрудников духовного ведомства статусом советников по делам религии при посольствах и консульствах. Религиозный служащий на территории Германии или Казахстана обладает иммунитетом государственного чиновника с наличием дипломатического паспорта. Венская конвенция о дипломатических сношениях гарантирует юридическую защиту кадрового состава. Отправка имамов за границу приобрела форму официальных правительственных командировок.

Июльский Закон № 633 от 2010 г.⁸⁹ кардинально реформировал организационную структуру ведомства. Прежняя редакция устава ограничивала компетенции работой исключительно с турецкими трудовыми мигрантами в странах Европы. Новый нормативный акт санкционировал установление прямых связей с мусульманскими сообществами по всему миру без привязки к национальной принадлежности граждан. Парламентарии кратно увеличили штатное расписание Главного управления внешних связей внутри аппарата Diyanet. Расширение полномочий сопровождалось открытием дополнительных

⁸⁹ Diyanet işleri başkanlığı kuruluş ve görevleri hakkında kanun ile bazı kanunlarda değişiklik yapılmasına dair kanun [Электронный ресурс]: Kanun No. 6002, Kabul Tarihi: 1/7/2010 // Resmî Gazete. 2010. 13 Temmuz (№ 27640). С. 1–10. Режим доступа: <https://resmigazete.gov.tr/eskiler/2010/07/20100713-2.htm> (дата обращения: 09.06.2026).

многомиллионных бюджетов. Правовая база обеспечила легитимный выход государственного органа за пределы узких диаспоральных групп.

Финансовый механизм обхода парламентского контроля сформировал вторую опору системы. Прямое субсидирование зарубежных объектов из государственного бюджета регулярно блокировалось политической оппозицией. Аппарат *Diyanet* задействовал аффилированную некоммерческую структуру. Религиозный фонд Турции TDV выступил альтернативным инвестиционным оператором⁹⁰. Организация аккумулирует огромные внебюджетные средства для бесперебойной реализации поставленных задач.

Статус независимого благотворительного фонда не мешает руководителю государственного управления выступать официальным председателем TDV согласно утвержденному уставу. Нормативная привязка объединила жесткий административный ресурс и высокую финансовую мобильность. Государственное ведомство гарантирует политическую поддержку и командировывает квалифицированные кадры. Некоммерческий фонд легально собирает пожертвования и беспрепятственно переводит миллионы лир на зарубежные счета. Транши направляются на печать литературы возведение школ и строительство культовых сооружений.

Религиозная дипломатия опирается на комбинированную юридическую платформу. Присутствие государственных служащих под дипломатическим прикрытием обеспечивает официальный статус проводимых мероприятий. Параллельная работа фонда гарантирует быструю проводку денег в обход громоздких бюрократических процедур. Разделение функционала позволяет правительственным структурам оперативно реагировать на профильные запросы

⁹⁰ Щербаков И.М. Неоосманистские цивилизационные основания гуманитарной политики и культурно-религиозной дипломатии Турции в первой четверти XXI в. // Ближний и Постсоветский Восток. 2025. № 4 (12). С. 137–152.

зарубежных общин. Анкара выстроила абсолютно легальную и очень адаптивную модель финансирования проектов.

Принятые парламентом законы и президентские указы обладают юридической силой исключительно в пределах государственных границ самой Турции. Открытие образовательных филиалов фонда «Маариф» или координационных офисов ТІКА в Астане и Бишкеке требует строгого соблюдения местных правовых норм. Внутренние директивы не могут служить законным основанием для легализации административной работы в суверенных республиках. Правительство использует инструменты международного права для обязательной синхронизации действий своих ведомств с иностранным законодательством. Двусторонние межправительственные соглашения формируют жесткую правовую рамку для легитимного функционирования всех институтов мягкой силы на зарубежных территориях.

Основным правовым инструментом легализации турецкого присутствия на местах выступают двусторонние межправительственные соглашения. Развертывание операционной деятельности профильных агентств на территории стран-партнеров невозможно без подписания международных договоров на высшем государственном уровне.

Функционирование координационных офисов ТІКА в центральноазиатских столицах регламентируется Рамочным соглашением о сотрудничестве в целях развития. Данный международный акт обладает высшей юридической силой по отношению к национальному законодательству принимающей стороны. Документ наделяет турецкие представительства особым правовым статусом. Руководящий состав миссий наделяется дипломатическим иммунитетом. Принимающие государства берут на себя строгие обязательства по освобождению агентства от налогового бремени, уплаты НДС и таможенных пошлин при импорте материально-технических ресурсов, например, при

поставках дорогостоящего оборудования для региональных медицинских центров.

Механизм двусторонних договоров демонстрирует максимальную эффективность в сфере высшего образования. Флагманские проекты в регионе – Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави в Туркестане и Кыргызско-турецкий университет «Манас» в Бишкеке – учреждены не ведомственными приказами, а специальными международными пактами⁹¹. Межправительственные соглашения детально регламентируют всю архитектуру управления вузами. Документы строго фиксируют пропорции финансового обеспечения (по уставу турецкая сторона покрывает основную часть расходов), определяют порядок назначения ректората и устанавливают правовой механизм автоматической нострификации дипломов в обеих странах без дополнительных бюрократических процедур.

В последние годы межправительственные договоры стали использоваться Анкарой в качестве прямого политического инструмента. Ликвидация зарубежной сети образовательных учреждений оппозиционного движения Фетхуллаха Гюлена (FETÖ) находилась вне юрисдикции внутренних турецких судов. Для решения этой задачи правительство инициировало подписание серии официальных меморандумов с властями других государств. Именно международные договоры обеспечили легитимную правовую процедуру смены собственника и передачи школьной инфраструктуры под прямое управление

⁹¹ Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Kazakistan Cumhuriyeti Hükümeti Arasında Uluslararası Hoca Ahmet Yesevi Türk-Kazak Üniversitesi Kurulmasına Dair Anlaşma [Электронный ресурс] : 31 Ekim 1992, Ankara // T.C. Türkiye Büyük Millet Meclisi. 3 Ocak 2012. URL: https://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/genel_kurul.cl_getir?pEid=15657 (дата обращения: 30.03.2026).

государственного фонда «Маариф» с соблюдением суверенитета принимающих стран⁹².

Правовой анализ демонстрирует, что турецкая мягкая сила базируется на сложной, но высокоэффективной двухуровневой юридической архитектуре.

Первый (базовый) уровень формирует внутреннее законодательство Турецкой Республики. Национальные законы обеспечивают выделение защищенных бюджетных линий и жестко разграничивают полномочия между ключевыми институтами: агентством ТІКА, Институтом Юнуса Эмре, управлением YTB, фондом «Маариф» и структурой Diyanet.

Второй уровень представлен международными двусторонними соглашениями. Эти документы легализуют деятельность турецких ведомств в иностранных юрисдикциях, защищают их кадровый состав дипломатическим статусом и гарантируют масштабные экономические льготы. Подобная правовая связка внутреннего и международного законодательства позволила Турции трансформировать концепцию культурно-гуманитарного влияния из абстрактной теоретической модели в отлаженный конвейер государственной политики.

Таким образом, проведенный анализ нормативно-правовой базы позволяет утверждать: на сегодняшний день турецким руководством выстроен достаточно устойчивый институционально-правовой каркас для внешнеполитического проецирования в центральноазиатском регионе. Размытые идеологические концепты получили строгое документальное оформление. За счет легитимации и централизованного финансирования подобных инициатив Анкара, по сути, перевела политику мягкой силы из сугубо декларативной плоскости в разряд регламентированной государственной бюрократии. Указанный фактор формирует необходимую методологическую базу для дальнейшего рассмотрения

⁹² Велиева Л. Изменения в научно-образовательных контактах Турции со странами Центральной Азии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 3 (856). С. 9-16.

уже прикладных, практических инструментов турецкого влияния, анализ которых представлен в следующем параграфе.

1.2. Особенности турецкой внешнеполитической концепции «стратегия великой Турции»

Внешнеполитический курс современной Турции претерпевает наиболее масштабную трансформацию за последнее столетие. Данный процесс выходит за рамки простой смены региональных приоритетов и представляет собой фундаментальный пересмотр роли турецкого государства на международной арене⁹³. Прежние осторожные догматические установки сменяются глобальными амбициями. Стратегия «Великой Турции» отличается наступательным характером и беспрецедентным размахом. Анкара окончательно отказывается от традиционного статуса лояльного фланга Североатлантического альянса (НАТО) или пассивного геополитического «моста» между Европой и Азией, твердо позиционируя себя в качестве абсолютно самостоятельного мирового центра силы.

Формирование данной концепции носило эволюционный характер. Доктрина методично интегрировала историческую память имперского периода, экономический прагматизм и жесткие геополитические реалии начала XXI века. Ключевая особенность этого внешнеполитического конструкта заключается в его гибкости: турецкая стратегия не является единым статичным документом. Она представляет собой сложную, динамичную систему, объединяющую множество переплетающихся идеологем, философских концептов и силовых подходов⁹⁴.

⁹³ Москаленко В.А. Этапы модификации внешнеполитических усилий Турции в отношении государств Центральной Азии в 1991–2022 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 3. С. 67-69.

⁹⁴ Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и Постсоветский Восток. 2024. № 1. С. 17-19.

Важно сначала рассмотреть эту стратегию в общем виде, поскольку только так можно объективно оценить политику, проводимую Турцией в Центральноазиатском регионе.

Долгое время Турция пыталась забыть свое имперское прошлое. Республика строилась на идеях жесткого светского национализма. Но сегодня эта старая парадигма сломана. В основе современной турецкой внешней политики лежат два очень мощных и некогда конкурирующих течения: *неоосманизм и пантюркизм*⁹⁵. Раньше они существовали параллельно. Теперь они слились в единый идеологический фундамент. Анкара грамотно использует эти идеи, чтобы обосновать свои претензии на мировое лидерство и статус независимого «государства-цивилизации».

Географическое направление неоосманизма охватывает бывшие имперские территории, простирающиеся от Балкан до Северной Африки. Историческая память используется в этом процессе как практический политический инструмент. Военные операции на севере Сирии (начавшиеся в 2016 г. с «Щита Евфрата») позволили Анкаре создать буферную зону безопасности и предотвратить появление курдского коридора по другую сторону границы. В Ливии быстрая поддержка, оказанная Правительству национального согласия в 2020 г., полностью изменила ход гражданской войны, обеспечила оборону Триполи и укрепила геополитическое присутствие Турции в регионе. Однако такая масштабная демонстрация силы сталкивается с естественными региональными препятствиями. В контексте сирийского кризиса Турция постоянно вынуждена балансировать интересы России и США, а это исключает возможность полного контроля над приграничными районами. Ливийское направление привело к формированию антитурецкой коалиции, в которую вошли

⁹⁵ Бадретдинова С.А. Неоосманизм во внешней политике Турции XXI века (на примере Центрально-азиатского региона) // Империи в мировой истории: актуальные проблемы современных исследований : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практич. конф., г. Стерлитамак, 14 мая 2021 г. Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2021. С. 30-31.

Египет и Франция. Долгосрочная защита позиций, завоеванных на обоих фронтах, требует больших финансовых ресурсов, что является дополнительной нагрузкой на турецкую экономику.

Помимо геополитических и экономических ограничений, идеология неоосманизма сталкивается с серьезным концептуальным барьером. Критический анализ данного конструкта показывает, что апелляция Анкары к общему историческому прошлому носит сугубо инструментальный характер. Вместо ожидаемой солидарности, эта риторика зачастую вызывает отторжение в арабском мире, где она воспринимается не как предложение взаимовыгодного партнерства, а как реваншизм и попытка выстроить иерархичную модель «мягкого неоимпериализма». Страны Ближнего Востока и Северной Африки стремятся защитить свой суверенитет от турецкого идеологического доминирования, что доказывает слабость неоосманизма как универсального интеграционного проекта: он работает преимущественно там, где подкреплён военной силой, но проигрывает при столкновении с национальными интересами стран региона.

Вторая опора – это пантюркизм. Направление пантюркизма в основном ориентировано на Восток. В этом понимании роль идеологического ядра играет этнолингвистическое единство. Если османская идея обращена к бывшим владениям султана, то тюркская – к кровным братьям⁹⁶. Переход от концепции простых культурных проектов 1990-х гг. к реальному военно-политическому сотрудничеству показал свои конкретные результаты. Шушинская декларация, подписанная в 2021 г., и гибкая поддержка, оказанная Азербайджану во время Второй Карабахской войны, позволили Анкаре укрепить свои военные позиции на Южном Кавказе. Преобразование Тюркского совета в Организацию тюркских государств (ОТГ) дало старт процессу экономической интеграции в рамках

⁹⁶ Малышева Д. Центральноазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 2. С. 60-62.

программы «Тюркское мировое видение 2040». Однако существуют определенные ограничения и препятствия для дальнейшего объединения тюркского мира. Страны Центральной Азии по-прежнему привержены многовекторному подходу во внешней политике. Они не готовы передать какую-либо часть своего национального суверенитета международным (наднациональным) институтам. Данная позиция была четко артикулирована Президентом Казахстана Касым-Жомартом Токаевым на X юбилейном саммите ОТГ в Астане (3 ноября 2023 г.). Дипломатично обозначая пределы интеграции, казахстанский лидер акцентировал внимание на том, что Организация тюркских государств должна развиваться исключительно как партнерство равных. В своем выступлении он подчеркнул необходимость строгого соблюдения принципов уважения государственного суверенитета и территориальной целостности, а также признания неоспоримого права каждого народа на собственный путь развития⁹⁷. Подобная риторика выступает своеобразным предохранителем от трансформации ОТГ в геополитический блок с доминированием одного центра. Критический анализ пантюркистской идеологии демонстрирует, что для Анкары концепция единого «тюркского мира» выступает прагматичным инструментом мягкой силы и способом капитализации этнолингвистической общности. Однако для стран Центральной Азии эта идеологема лишена романтического флера. Как показывает практика, государства региона воспринимают лозунги о «братстве» исключительно утилитарно – как дополнительный канал для диверсификации внешней политики, привлечения инвестиций и технологий. При этом они жестко пресекают любые попытки Турции конвертировать культурно-историческую близость в реальный политический диктат или наднациональное управление. Прямые логистические связи с этим регионом значительно осложняются

⁹⁷ Состоялся X саммит Организации тюркских государств // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 03.11.2023. URL: <https://www.akorda.kz/ru/sostoyalsya-x-sammit-organizacii-tyurkskih-gosudarstv-3105444> (дата обращения: 06.06.2026).

географической изоляцией Турции. Масштабный экономический рост Анкары сдерживается нехваткой средств, способных конкурировать с китайскими инвестициями в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Кроме того, военно-политический прогресс требует учитывать доминирующее положение России в сфере безопасности в рамках механизмов ОДКБ.

Эти два взаимодополняющих подхода составляют основу политической линии, называемой «Великая Турция». Анкара диверсифицирует свои инструменты влияния. Направление на Ближний Восток в большей степени основано на исламской и имперской риторике. В противоположность этому, движение в сторону Центральной Азии подпитывается инструментальным использованием идеи «тюркского братства». Такая позиция позволяет государству позиционировать себя как центр макроцивилизации. Однако реализации таких масштабных геополитических целей препятствует нехватка внутренних финансовых ресурсов Турции. В Центральной Азии серьезная экономическая конкуренция с Китаем и стратегические интересы России выступают в качестве дополнительных ограничивающих факторов; эти реалии вынуждают турецкую дипломатию избегать прямой конфронтации.

С глобальной стратегией «Великой Турции» неразрывно связаны две военные доктрины – «Голубая родина» и «Небесная родина»⁹⁸. Они выступают ее главным силовым каркасом, без которого любые масштабные политические амбиции Анкары остались бы просто красивыми словами на бумаге. Суть этой связи очень проста. Концепция «Великой Турции» требует от государства полной стратегической независимости и статуса самостоятельного мирового центра силы. А достичь такого высокого уровня абсолютно невозможно, если страна покорно заперта в своих сухопутных границах, боится выйти в спорные воды и

⁹⁸ Aydın E. Mavi Vatan, Gök Vatan ile Siber Vatan Söz Öbeklerinin Anlamları ve Oluşturulma Yöntemleri // The Journal of Turkic Language and Literature Surveys (TULLIS). 2022. Vol. 7, no. 3. P. 167-178.

полностью зависит от поставок чужих боевых самолетов. Поэтому море и небо стали важнейшим приоритетом. Пространственная экспансия дает турецким лидерам реальную физическую мощь для жесткого торга на международной арене, подтверждая реальными делами их претензии на статус великой державы.

Доктрины «Голубая родина» (Mavi Vatan) и «Небесная родина» (Gök Vatan) создавались с одной четкой целью. Турция хотела перестать зависеть от Запада в вопросах безопасности и получить доступ к новым энергоресурсам.

Концепцию «Голубой родины» придумали военные моряки. Термин впервые предложил турецкий адмирал Джем Гюрдениз еще в 2006 г. Но реальной государственной политикой эта идея стала позже. Ближе к 2019 г. другой адмирал, Дж. Яйджи, превратил теорию в четкую карту и официальную доктрину⁹⁹. Главный смысл заключался в том, чтобы отстоять свои права на нефть и газ в Эгейском и Восточном Средиземноморье. Турция просто отказалась быть запертой на узкой береговой полосе из-за территориальных претензий Греции и Кипра.

Практическая реализация доктрины принесла Анкаре значительные стратегические выгоды. Отличный пример – события 2020 г. Анкара отправила исследовательские суда «Оруч Рейс» и «Фатих» искать газ в спорных водах. И они шли под плотной охраной боевых турецких кораблей¹⁰⁰. Подписанный в 2019 г. меморандум о морских зонах Ливии фактически заблокировал европейский проект газопровода EastMed, а активное патрулирование исследовательских судов в спорных водах при поддержке военно-морского флота показало, что Турция готова защищать свои экономические интересы силой. Однако такая

⁹⁹ Çubukçuoğlu S. S. Turkey's Naval Activism: Maritime Geopolitics and the Blue Homeland Concept [Электронный ресурс] / Serhat Süha Çubukçuoğlu. – Cham: Springer Nature, 2023. 306 p. URL: <https://books.google.com.sg/books?id=LxjdEAAAQBAJ> (дата обращения: 30.03.2026).

¹⁰⁰ Çandar C. Turkey's Blue Homeland Doctrine: Signaling Perpetual Conflict in the Mediterranean and Rough Waters Ahead [Электронный ресурс] // Turkey Analyst. 2020. 26 August. URL: <https://turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/648-turkey%E2%80%99s-blue-> (дата обращения: 30.03.2026).

агрессивная морская экспансия привела к организационной изоляции страны в регионе. Греция, Кипр, Египет и Израиль, объединенные в Восточно-Средиземноморский газовый форум (EMGF), полностью исключили Турцию из совместных энергетических инициатив, а ее бескомпромиссная морская политика также спровоцировала угрозу постоянных секторальных санкций со стороны Европейского союза.

С «Небесной родиной» история развивалась позже, уже в начале 2020-х гг. Ее авторами стали не столько теоретики, сколько практики из военно-промышленного комплекса. Главными идеологами этого прорыва можно назвать С. Байрактара и руководство Управления оборонной промышленности Турции. Цель доктрины - полное превосходство в воздухе своими силами. Это стало особенно важно после того, как США исключили Турцию из программы создания истребителей F-35¹⁰¹. Быстрое развитие национального военно-промышленного комплекса позволило не только полностью удовлетворить внутренний спрос на ударные БПЛА (Bayraktar TB2, Akıncı), но и осуществить первый полет прототипа истребителя пятого поколения KAAN в 2024 г., что, в свою очередь, еще больше укрепило позиции Турции как авторитетного мирового экспортера передовых авиационных технологий. Однако достижение полной технологической независимости остается лишь заявлением. Турецкая авиационная промышленность остается критически уязвимой из-за зависимости от импортных компонентов, прежде всего западных авиационных двигателей и передовой авионики, а ее агрессивная экспортная политика приводит к дипломатической напряженности с традиционными поставщиками вооружений на мировой арене.

¹⁰¹ Aydemir M. E. Gök Vatan stratejisinin güvencesi: Türkiye'nin milli savunma sistemlerinin hava sahasının korunmasındaki rolü [Электронный ресурс] : магистерская диссертация: 74 с. / Mustafa Erhan Aydemir; Bandırma Onyedi Eylül Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. Bandırma, 2025. URL: <https://tezara.org/theses/953159> (дата обращения: 30.03.2026).

Взаимодействие этих двух доктрин создает основу глобальной стратегии «Великой Турции». Наличие современного военно-морского флота и развитой авиации дает государству такую стратегическую автономию, что без них невозможно достичь статуса мирового центра силы. Распространение этой объединенной жесткой силы в регионе показало свою эффективность: она смогла обеспечить оборону Триполи в ливийском конфликте, заставить международное сообщество считаться с Анкарой в вопросе заключения Черноморской зерновой инициативы, и одновременно придала значительный вес инструментам мягкой силы Турции в Евразии. Обратной стороной этой милитаризованной стратегии является классический эффект «дилеммы безопасности». Демонстрация военной мощи подталкивает соседние государства к наращиванию вооружений и созданию контр-альянсов, что в долгосрочной перспективе создает новые региональные угрозы и вынуждает Анкару действовать во все более враждебной геополитической обстановке.

Концепция «Великой Турции» не может опираться только на турецкие сериалы или только на танки. Ей нужен идеальный баланс. Именно поэтому переход к «Умной силе» (*Smart Power*) и дипломатии принуждения стал стержнем турецкой внешней политики¹⁰². Анкара поняла одну простую вещь. Чтобы стать настоящей мировой державой, нужно уметь виртуозно комбинировать культурное влияние с жесткой военной силой. Государство должно заставлять оппонентов садиться за стол переговоров на своих условиях.

Этот переход начался потому, что долгое время Турция жила по красивому правилу «Ноль проблем с соседями». Эту «мягкую идею» продвигал бывший премьер Ахмет Давутоглу. Но Арабская весна и кровавый конфликт в Сирии

¹⁰² Kutlay M., Öniş Z. Turkish foreign policy in a post-western order: strategic autonomy or new forms of dependence? [Электронный ресурс] // International Affairs. 2021. Vol. 97, Issue 4. P. 1085–1104. DOI: 10.1093/ia/iab094. URL: <https://doi.org/10.1093/ia/iab094> (дата обращения: 30.03.2026).

полностью разрушили эту иллюзию¹⁰³. Соседи начали воевать. Турция оказалась в кольце реальных угроз. Инициатором резкого перехода к жесткой «Умной силе» стал лично президент Реджеп Тайип Эрдоган. А главным архитектором новой линии выступил Х. Фидан, который тогда руководил разведкой, а позже стал главой МИД. Причина была предельно ясна. Обычная мягкая сила больше не работала на Ближнем Востоке. Операция «Щит Евфрата» в Сирии (2016) стала успешным примером этих изменений. Там за военной ликвидацией угроз сразу же последовало создание гражданской инфраструктуры путем открытия турецких школ, больниц и введения в обращение турецкой лиры. Однако этот подход имеет серьезные ограничения в эффективности. Отход от концепции мягкой силы оставил Турцию в крайне враждебной региональной обстановке. Интеграционные процессы на севере Сирии регулярно подвергаются атакам со стороны радикальных группировок, а быстрое установление турецкого правления периодически приводит к социальному недовольству среди местного населения и обвинениям международного сообщества в демографической инженерии.

Зарубежные военные базы позволяют Турции физически контролировать ключевые регионы далеко от своих границ. Это классическая проекция силы. А собственный военно-промышленный комплекс подарил Анкаре уникальный инструмент. Его называли «беспилотной дипломатией»¹⁰⁴. Поставки ударных дронов (Байрактар) выходят за рамки экспорта обычного вооружения и формируют долгосрочные институциональные обязательства государств-получателей посредством подготовки офицерского корпуса и внедрения общих стандартов безопасности. Обратной стороной такого глубокого проникновения является неизбежное вовлечение Анкары в зарубежные конфликты. Турция,

¹⁰³ Сулейманов А.В. Идеология А. Давутоглу и внешняя политика Турции [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 98–104.

¹⁰⁴ Шарафутдинов Д.Р., Гузаеров Р.И. Беспилотная дипломатия Турции [Электронный ресурс] // Modus vivendi. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bespilotnaya-diplomatiya-turtsii> (дата обращения: 30.03.2026)

взявшая на себя роль гаранта региональной безопасности, также несет риски, связанные с другими странами, а поставки высокоточного оружия вызывают ожесточенное политическое сопротивление со стороны соперников. Развертывание турецких воинских частей за рубежом также сопровождается постоянной угрозой жизни военнослужащих в зонах высокой политической нестабильности.

Плоды «умной силы» наиболее отчетливо видны на Южном Кавказе и в Африке. Во время Второй Карабахской войны оперативное планирование и ударные беспилотники обеспечили военную победу Азербайджана, что немедленно открыло турецким строительным компаниям доступ к крупным контрактам на восстановление региона. В Сомали деятельность ТЮРКСОМ (TÜRK SOM), крупнейшей военной базы, эффективно сочетается с коммерческим управлением стратегическим портом и аэропортом Могадишо. Однако достичь полной монополии в этих зонах невозможно. Использование влияния Турции на Кавказе серьезно ограничено присутствием геополитических интересов России и прямой конфронтацией с Ираном. В странах Африканского Рога военные и инфраструктурные активы Анкары ежедневно подвергаются террористической угрозе со стороны группировки «аш-Шабаб», в то время как экспансия Турции сталкивается с жесткой конкуренцией со стороны монархий Персидского залива.

Великая держава не может зависеть от других стран. Наоборот, другие государства должны зависеть от нее. Именно поэтому концепция «Глобального хаба» (*Merkez Ülke*) стала главным экономическим мотором турецкой внешней политики. Связь концепцией «Глобального хаба» (*Merkez Ülke*) со «Стратегией Великой Турции» абсолютно фундаментальная. Анкара осознала важную вещь. Одних беспилотников или красивых исторических сериалов для глобального лидерства недостаточно. Стране нужно стать незаменимым узлом, через который идут мировые деньги, грузы и политические переговоры.

Главным архитектором этой идеи считается бывший глава МИД А. Давутоглу. Еще в 2001 г. он детально расписал эту концепцию в своей знаменитой книге «Стратегическая глубина»¹⁰⁵. Раньше Турция долгие годы гордо называла себя «мостом» между Востоком и Западом. Но Давутоглу справедливо заметил, что по мосту просто ходят, его не уважают и не спрашивают его мнения. Цель доктрины заключалась в том, чтобы перестать быть обычным транзитным коридором. Турция должна была стать центром притяжения (Merkez Ülke), который сам устанавливает правила игры. На практике эта теория заработала на полную мощность уже в 2010-х гг. под руководством Реджепа Тайипа Эрдогана.

У Турции есть преимущества для превращения в такой центр силы. Уникальная география прямо на стыке Европы, Азии и Африки главный козырь. Анкара блестяще использует это положение в трех сферах. В энергетике Турция стоит ровно между восточными поставщиками сырья и западными покупателями. Газопроводы TANAP и «Турецкий поток» отличный пример¹⁰⁶. По ним каспийский и российский газ идет в Европу, а главный газовый вентиль находится в руках Анкары. В логистике страна опирается на контроль над проливами Босфор и Дарданеллы. Грандиозный Новый аэропорт Стамбула еще один шикарный пример логистического превосходства. Он стал главной перевалочной базой планеты, связывая любые континенты за считанные часы. Одновременно такая инфраструктурная концентрация порождает острые стратегические зависимости. В энергетической сфере Анкара критически зависит от политической воли поставщиков ресурсов в лице России и Азербайджана, а ее транспортные мегапроекты сталкиваются с жесткой конкуренцией со стороны альтернативных глобальных маршрутов вроде экономического коридора Индия -

¹⁰⁵ Лукьянов Ф. Стратегическая бездна [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2012. 17 октября. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strategicheskaya-bezdna/> (дата обращения: 30.03.2026).

¹⁰⁶ Шилов И. Мечта о газовом хабе [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 2025. 9 декабря. URL: <https://regnum.ru/opinion/4006089> (дата обращения: 30.03.2026).

Ближний Восток - Европа (ИМЕС), который целенаправленно прокладывается в обход турецкой территории.

Практическая реализация доктрины позволила Турции монополизировать роль эксклюзивного посредника между конфликтующими геополитическими блоками. Знаменитая Черноморская «Зерновая сделка» 2022 г. самый громкий дипломатический результат. Только турецкие дипломаты смогли посадить за один стол в Стамбуле представителей России, Украины и ООН¹⁰⁷. Без этого посредничества мировой продовольственный рынок ждала бы настоящая катастрофа. Параллельно переориентация мировых цепочек поставок из-за антироссийских санкций дала Анкаре возможность привлечь значительные транзитные объемы из Китая в Европу через Транскаспийский маршрут (Срединный коридор). Обратной стороной такого успеха выступает крайняя хрупкость позиции абсолютного модератора, подвергающая турецкую дипломатию колоссальному давлению со стороны противоборствующих альянсов с требованиями занять четкую геополитическую сторону. Кроме того, реальная пропускная способность Срединного коридора в настоящее время жестко лимитирована инфраструктурными ограничениями в Центральной Азии и на Кавказе, что мешает Турции полноценно капитализировать этот маршрут и ставит под угрозу долгосрочную состоятельность глобального хаба.

Концепция «Великой Турции» не может ограничиваться только соседними морями или торговыми путями. Настоящая великая держава должна влиять на судьбы всей планеты. Турция четко осознала, что текущая мировая система просто не пускает ее на самый верх. Поэтому Анкара решила бросить вызов самому устройству мирового порядка. Без изменения глобальных правил

¹⁰⁷ Çolakoğlu E. Food Insecurity in the Middle East, the Black Sea Grain Initiative, and Türkiye [Электронный ресурс] // Güvenlik Stratejileri Dergisi. 2024. Cilt 20, Sayı 47. S. 63–82. DOI: 10.17752/guvenlikstrjtj.1423303. URL:<https://dergipark.org.tr/tr/pub/guvenlikstrjtj/issue/84265/1423303> (дата обращения: 30.03.2026).

«Великая Турция» так и останется всего лишь крепким региональным лидером. А это турецкую элиту совершенно не устраивает. Связь с доктриной «*Мир больше пяти*» (*Dünya beşten büyüktür*) и со «Стратегией Великой Турции» самый прямой. И она касается глобального престижа.

Идеологом и главным рупором этого смелого концепта является лично президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган. Именно он придумал этот хлесткий политический лозунг. Позже глава Управления по связям при администрации президента Фахреттин Алтун и турецкие дипломаты превратили эту фразу в полноценную государственную стратегию¹⁰⁸.

Впервые этот девиз громко прозвучал в 2013 г. Причина кроется в глубоком разочаровании Анкары. Турецкий лидер увидел абсолютное бессилие ООН во время начала кровавой войны в Сирии и обострения кризиса в Палестине. Любые мирные инициативы моментально блокировались правом вето. Эрдоган прямо заявил, что судьбу почти восьми миллиардов человек не могут решать всего пять стран-победительниц во Второй мировой войне (США, Россия, Китай, Великобритания и Франция)¹⁰⁹. Цель доктрины заключалась в том, чтобы официально потребовать реформы Совета Безопасности ООН. Турция захотела стать главным защитником прав огромного мусульманского мира и стран Глобального Юга, мнением которых сегодня просто пренебрегают.

Понятно, что Устав ООН пока никто не переписал, и Турция не получила постоянного места в Совбезе. Но дипломатические дивиденды оказались просто колоссальными. Анкара добила главного - она получила статус морального лидера для десятков развивающихся государств. Но претензии Анкары на статус

¹⁰⁸ Аватков В.А., Гузаеров Р.И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки [Электронный ресурс] // Современная Европа. 2023. № 1. С. 194–201. DOI: 10.31857/S0201708323010163. URL: <http://www.sov-europe.ru/2023-1/mir-bolshe-pyati-ili-spravedlivost-po-turetski.html> (дата обращения: 30.03.2026).

¹⁰⁹ Ormeci O. Why the World Is Bigger Than Five? [Electronic resource] // Uluslararası Politika Akademisi. 2019. 1 December. URL: <https://politikaakademisi.org/2019/12/01/why-the-world-is-bigger-than-five/> (дата обращения: 30.03.2026).

главного защитника прав мусульманской уммы вызывают закономерное сопротивление со стороны других региональных гегемонов вроде Саудовской Аравии и Ирана, а сама идея реформы ООН остается декларативной из-за абсолютного нежелания постоянных членов Совбеза делиться правом вето.

Отличным примером успешной работы этой доктрины стала масштабная экспансия Турции на африканском континенте. Когда турецкие дипломаты приезжают в Африку и жестко критикуют «пятерку» за колониальное прошлое, местные элиты встречают это овациями. И сразу подписывают с турками выгодные торговые контракты, отдавая им предпочтение перед бывшими европейскими метрополиями. Выпуск в 2021 г. программной книги Эрдогана «Более справедливый мир возможен» другой мощный пример¹¹⁰. Она стала настоящим манифестом новой дипломатии и была переведена на множество языков, усиливая турецкую мягкую силу по всему миру. Историческое голосование в ООН по статусу Иерусалима в 2017 г. еще один поразительный результат. Тогда Турция смогла объединить вокруг себя большинство стран Генеральной Ассамблеи. Анкара публично продавала резолюцию вопреки прямым угрозам и жесткому давлению со стороны США. Это показало всем, что лозунг «Мир больше пяти» реально работает. Он превратил Турцию в дерзкого глобального игрока, который умеет бросать вызов сверхдержавам и выигрывать дипломатические битвы. Однако агрессивная антизападная риторика ведет к прогрессирующему отчуждению от евроатлантических союзников. Вытесняя бывшие европейские метрополии из Африки и бросая вызов Вашингтону, Турция вынуждена вступать в жесткое политическое противостояние не только с

¹¹⁰ Учгюль С., Звонарева Л.У. Лингвостилистические особенности политической публицистики на примере книги Реджепа Тайипа Эрдогана «Более справедливый мир возможен!» [Электронный ресурс] // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26, Вып. 4. С. 102–116. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-osobennosti-politicheskoy-publitsistiki-na-primere-knigi-redzhepa-tayipa-erdogana-bolee-spravedlivyy-mir> (дата обращения: 30.03.2026).

Западом, но и с активно проникающими на эти рынки Китаем и Россией, что ведет к опасному распылению турецких дипломатических ресурсов.

Рисунок 2

Анализ представленных материалов позволяет сделать вывод о том, что концепция «Великой Турции» представляет собой сложную и прагматичную систему, в которой идеологические, военные и экономические компоненты функционируют как единый механизм (см. рис. 2). В этой архитектуре каждая доктрина решает специфические задачи по обеспечению национальных интересов. Концепции «Голубой» и «Небесной родины» гарантируют физическое

¹¹¹ Создано автором.

присутствие и безопасность государства в морском и воздушном пространствах. В свою очередь опора на «Умную силу» способствует конвертации военно-политических достижений в долгосрочные экономические преференции и контракты. Формирование статуса глобального хаба закрепляет за страной роль стратегического транспортно-энергетического узла на пересечении трансконтинентальных маршрутов, тогда как ревизионистская доктрина «Мир больше пяти» обеспечивает поддержку со стороны развивающихся государств. В результате Турция сформировала комплексный инструментарий для системного проецирования влияния за рубежом, и именно этот политико-идеологический фундамент выступает базисом для последовательного наращивания турецкого присутствия в стратегически важном регионе Центральной Азии.

Вывод о главе.

Анализ концептуальных и политико-правовых основ турецкой внешнеполитической стратегии демонстрирует создание системного механизма проецирования государственного влияния. Данный аппарат опирается на двухуровневую нормативную базу, где национальное законодательство строго регламентирует финансирование и полномочия ключевых институтов (ТКА, Институт имени Юнуса Эмре, фонд «Маариф», Diyanet), а международные двусторонние соглашения обеспечивают легализацию их деятельности за рубежом посредством предоставления дипломатического статуса и налоговых преференций. Такая правовая связка успешно трансформирует гуманитарные инициативы в отлаженный инструмент государственной политики.

При этом институциональный аппарат функционирует в тесной привязке к глобальной доктрине «Великой Турции», представляющей собой прагматичную макростратегию по объединению идеологических, военных и экономических ресурсов в единый рабочий контур. Военно-стратегические концепции защиты морского и воздушного пространств комбинируются с инструментами «Умной силы» для перевода силовых преимуществ в экономические дивиденды, в то

время как статус энергетического хаба и ревизионистские инициативы в рамках ООН обеспечивают Анкаре поддержку со стороны стран Глобального Юга. Таким образом, сочетание проработанной правовой базы и многоуровневой идеологии формирует мощный политический фундамент для системной внешней экспансии, что позволяет турецкому руководству уверенно и последовательно интегрироваться в политические и экономические процессы Центральной Азии.

ГЛАВА 2. Инструменты мягкой силы Турецкой Республики в Центральной Азии

Центральная Азия стала главным полигоном для обкатки турецких геополитических амбиций. Анкара перешла от романтических лозунгов девяностых годов к жесткому региональному прагматизму. Вектор действий полностью сменился.

Механизм проникновения разделен на четыре уровня. Деньги, школы, культура и религия. Финансовая экспансия привязывает местные элиты к турецкому капиталу через логистические коридоры. Сеть образовательных лицеев и квоты в университетах ежегодно готовят лояльных чиновников для Астаны, Ташкента и Бишкека. Гуманитарные фонды формируют единое информационное поле. Государственное управление по делам религии Турции (“Diyanet”) физически строит исламскую инфраструктуру и агрессивно выдавливает проповедников из арабских стран. В 2021 г. весь этот разрозненный инструментарий получил наднациональный юридический статус. Тюркский совет официально реорганизовали в Организацию тюркских государств (ОТГ)¹¹².

Цифры и завершенные объекты раскрывают реальный масштаб экспансии. Товарооборот Турции только с Казахстаном к концу 2022 г. превысил отметку в 6,3 млрд долл.¹¹³ Достоверность данного макроэкономического показателя подтверждается результатами перекрестного анализа: данные турецких ведомств полностью соотносятся с официальными сводками Бюро

¹¹² Омуралиев К. Кубанычбек Омуралиев: Слова Президента Ильхама Алиева «ОТГ -это «наша семья» выражают намерение сделать Организацию тюркских государств влиятельной силой на глобальной арене [Электронный ресурс] // AZERTAC. 2025. 25 сентября. URL: https://azertag.az/ru/xeber/kubanychbek_omuralyev_slova_prezidenta_ilhama_alieva_otg_eto_na_sha_semya_vyrazhayut_namerenie_sdelat_organizaciyu_tyurkskih_gosudarstv_vliyatelnoi_siloi_na_globalnoi_arene-3765791 (дата обращения: 30.03.2026).

¹¹³ Казахстан и Турция активизируют взаимодействие в рамках расширенного стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Vecher.kz. 2023. 4 февраля. URL: <https://vecher.kz/ru/article/kazahstan-i-tursiia-aktiviziruiut-vzaimodeistvie-v-ramkah-rasshirennogo-strategicheskogo-partnerstva.html> (дата обращения: 30.03.2026).

национальной статистики Республики Казахстан¹¹⁴. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТІКА) профинансировало сотни капитальныхстроек. В Бишкеке на деньги Анкары возведена огромная Центральная мечеть имени Имама Сарахси. Она вмещает 30 тыс. человек. Совместный Международный казахско-турецкий университет имени Х. А. Ясави в Туркестане монополизировал подготовку тюркологов. Дипломы выпускников признаются в Турции без дополнительных экзаменов. Дальнейшие параграфы детально разбирают каждый из этих четырех инструментов работы с суверенным пространством республик.

2.1 Финансово-экономические инструменты политики мягкой силы Турции в Центральной Азии

Главным инструментом финансового влияния Анкары в постсоветской географии является турецкое агентство по сотрудничеству и координации. Подход этого учреждения основан на распределении грантов, которые являются целевыми и не требуют возмещения. Отказ от традиционной западной кредитной системы создает условия для быстрого направления средств на проекты социальной инфраструктуры. Как строительство лечебных учреждений, так и процесс открытия субартезианских скважин осуществляются с отступлением от сложных административных формальностей. Этот тип гуманитарных инвестиций создает долгосрочную политическую привязанность как к региональному правящему классу, так и к простым людям.

Кыргызстан постоянно получает самую большую долю этой помощи. Больница кыргызско-турецкой дружбы, построенная в Бишкеке, является ярким

¹¹⁴ Статистика внешней торговли: публикации // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан: официальный сайт. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/publications/> (дата обращения: 06.06.2026).

примером этого с инвестициями около 12 млн долл.¹¹⁵ Этот медицинский комплекс на 72 койки оснащен современным оборудованием для сердечно-сосудистой хирургии и передан в ведение Министерства здравоохранения республики в целом без каких-либо кредитов. В то же время турецкие специалисты выполняют программу бурения скважин в сельскохозяйственных районах Ошской области. Эти инфраструктурные меры напрямую устраняют серьезную нехватку, такую как нехватка питьевой воды¹¹⁶. Зарубежные проекты компенсируют слабости местных государственных институтов. Сельские жители начинают рассматривать водопроводные трубы и больницы иностранного производства как ключевые факторы улучшения основных условий жизни.

Изменение внутренней политики Узбекистана проложило путь для притока целевых финансовых ресурсов в страну. ТІКА активизировала свою деятельность в области региональной логистики и медицины¹¹⁷. В 2018 г. узбекская сторона приобрела парк из 50 реанимационных машин для доставки в отдаленные районы¹¹⁸. Мобильное медицинское оборудование регулярно поставляется для удовлетворения потребностей труднодоступных деревень в

¹¹⁵ President Erdoğan Inaugurates the “Recep Tayyip Erdoğan Bishkek Kyrgyz-Turkish Friendship State Hospital” Built by TİKA [Электронный ресурс] // T.C. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı. 2024. 12 November. URL: <https://tika.gov.tr/en/president-erdogan-inaugurates-the-recep-tayyip-erdogan-bishkek-kyrgyz-turkish-friendship-state-hospital-built-by-tika/> (дата обращения: 30.03.2026).

¹¹⁶ TİKA, UNHCR agree to build \$62,000-canal basin which will supply water to two villages in Osh region [Электронный ресурс] // AKİpress. 2016. 23 December. URL: <https://akipress.com/news:586874> (дата обращения: 30.03.2026).

¹¹⁷ TİKA 2023 Faaliyet Raporu [Электронный ресурс] // T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı. Ankara, 2024. URL: официальный сайт TİKA (дата обращения: 29.09.2026).

¹¹⁸ Türkiye Shares Its Experience in Maternal and Child Health with Uzbekistan [Электронный ресурс] // T.C. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı. – 2022. – 31 May. – URL: <https://tika.gov.tr/en/detail-turkiye-shares-its-experience-in-maternal-and-child-health-with-uzbekistan/> (дата обращения: 30.03.2026).

Сурхандарьинской области. Общий объем гуманитарных проектов, реализованных в Узбекистане, увеличился до 50 млн долл.¹¹⁹

Бесперебойные поставки оборудования создают устойчивый позитивный образ Турции среди населения. Местные правящие круги прагматично используют внешние источники финансирования для быстрого снижения общественной напряженности в проблемных районах, не задействуя собственные внутренние ресурсы. Мягкая сила частично работает на стыке прямой благодарности сельского населения и прагматичного расчета ташкентских чиновников¹²⁰.

Высокий подушевой ВВП Казахстана заметно снижает потребность республики в базовых социальных грантах. Финансовые потоки сейчас перенаправлены в сектор исторического наследия и цифровизации. Агентство оказало серьезную поддержку масштабной реставрации мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане. Благодаря этому шагу турецкая сторона укрепила свой статус защитника общих святынь¹²¹. Технические гранты уходят на закупку компьютерного оборудования для школьных IT-лабораторий в Астане и Алматы. Республика воспринимает такую финансовую помощь как партнерскую поддержку нишевых культурных и образовательных проектов. Восстановление святынь укрепляет идеологический фундамент тюркского единства. Эффективность мягкой силы здесь проявляется не в спасении экономики. Она работает на постепенную историческую легитимацию.

¹¹⁹ A meeting with the President of the Cooperation and Coordination Agency [Электронный ресурс] // O'zbekiston Respublikasi Hukumat portal. 2020. 28 July. URL: <https://poland.mfa.uz/news/6212?language=en> (дата обращения: 30.03.2026).

¹²⁰ Белоглазов А.В., Надыров Р.Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX – начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. 2021. Т. 14, Вып. 7. С. 1381–1385. – URL: https://repository.kpfu.ru/?p_id=255674 (дата обращения: 30.03.2026).

¹²¹ Куспангалиев Б.У., Самойлов К.И., Приемец О.Н. Своеобразие развития композиции мавзолея-ханака Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане [Электронный ресурс] // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Технические науки и технологии. 2023. Т. 145, № 4. С. 213–225. DOI: 10.32523/2616-7263-2023-145-4-213-225. URL: <https://bultech.enu.kz/index.php/main/article/view/529> (дата обращения: 30.03.2026).

Государственный оператор активно действует в нетюркской среде Таджикистана. Фокус полностью смещен на социально уязвимые слои населения. На средства грантов в Душанбе реконструирован и оснащен реабилитационный центр для инвалидов и ветеранов. В сельских районах Хатлонской области возводятся современные тепличные комплексы. Готовые объекты безвозмездно передаются местным фермерским хозяйствам.

Мягкая сила в Таджикистане сведена к точечному позиционированию. Помощь инвалидам и аграриям формирует положительный имидж только среди конкретных целевых групп. Отсутствие языковой общности жестко ограничивает возможность масштабировать этот локальный успех на всю страну. Влияние носит ограниченный характер. Оно не трансформируется в мощный рычаг дипломатического давления на правительство в Душанбе.

Жесткая изоляция Туркменистана сводит социальные инициативы к очень узкой линейке проектов. Агентство не имеет свободного допуска к строительству новых светских школ или больниц. Деятельность в основном ограничена исторической реконструкцией. Крупнейшим завершенным объектом стала сложная реставрация мавзолея Султана Санджара в древнем Мерве¹²². Проект удалось реализовать исключительно после получения личного одобрения президента Туркменистана. Распространение социальной лояльности на массовом уровне практически не наблюдается. Рядовые граждане почти не контактируют с проектами в своей повседневной жизни. Реставрация древних гробниц устраивает политическое руководство. Однако она очень слабо генерирует симпатии со стороны широких слоев населения. В итоге инструмент мягкой силы остается полностью локализованным на уровне протокольных рукопожатий профильных министров.

¹²² В Туркменистане после реставрации открылся мавзолей Султана Санджара [Электронный ресурс] // Turkmenistan.ru. 2004. 18 ноября. URL: <https://www.turkmenistan.ru/ru/node/14778> (дата обращения: 30.03.2026).

Таблица 1: деятельность ТИКА в странах Центральной Азии

Показатели	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан	Туркменистан	Таджикистан
Общее количество проектов	Более 300 (официальный уровень)	Около 411 проектов в 2012–2017 гг. ¹²³	Более 900 проектов с 1992 г. до 2024 г. ¹²⁴	Единой общей цифры нет, но реализовано десятки гуманитарных и культурных проектов	Около 500 проектов с 1995 г. ¹²⁵
Период активности	1993–2024 гг.	1992–2018 гг.	1992–2024 гг.	С 1990-х гг.; реставрация мавзолея Санджара в 2004 г.	С 1995 г.; активная работа и по настоящее время
Общий объем помощи	Около 100 млн USD	Около 80,9 млн USD (1993–2018 гг.) ¹²⁶	Более 150 млн USD (оценка по проектам 1992–2024)	Отдельной публичной итоговой цифры нет; помощь в	Нет публичной сводной цифры; помощь в

¹²³ За пять лет ТИКА профинансировало 411 проектов в Кыргызстане // Economist.kg : финансовое издательство. 2019. 8 мая. URL: <https://economist.kg/novosti/2019/05/08/za-pyat-let-tika-profinansirovalo-411-proektov-v-kyrgyzstane/> (дата обращения: 22.04.2026).

¹²⁴ Uzbekistan – Tashkent Program Coordination Office // TİKA : official website. URL: <https://tika.gov.tr/en/office/uzbekistan-tashkent-program-coordination-office/> (дата обращения: 22.04.2026).

¹²⁵ ТИКА создал в Таджикистане «Центр планирования карьеры» // Анадолу : информ. агентство. 2023. 11 мая. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BC%D0%B8%D1%80/tika-%D1%81%D0%BE%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BB-%D0%B2-%D1%82%D0%B0%D0%B4%D0%B6%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B5-%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80-%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B5%D1%80%D1%8B-/2894470> (дата обращения: 22.04.2026).

¹²⁶ ТИКА // Donors.kg : ресурс о деятельности международных донорских организаций в Кыргызской Республике. URL: <https://donors.kg/ru/agentstva/90-tica> (дата обращения: 22.04.2026).

(оценочно)				основном гуманитарная и культурная	основном образовательная и культурная
Характер типичных проектов	Ремонт школ и больниц, водоснабжение, проект Аюбие, модернизация социальной инфраструктуры	Больница дружбы, водоснабжение, проект Аюбие, благотворительные и социальные программы	Ремонт и строительство медучреждений, школ, текстильных и аграрных проектов, благотворительных центров	Реставрация и сохранение памятников (Санджар, исторические города), сельскохозяйственные и образовательные инициативы	Центр карьерного планирования, цифровые лаборатории (CezeriLAB), аграрные и образовательные проекты

Турецкий крупный капитал заметно меняет архитектурный и экономический ландшафт Центральной Азии. Он выступает самостоятельным проводником политического влияния Анкары. Строительные корпорации уровня Sembol Construction и Rönesans Holding занимают ведущие позиции в возведении правительственных и коммерческих комплексов в Астане и Ташкенте. Подобные мегапроекты превратились в рабочий инструмент долгосрочной привязки местных элит¹²⁷. Однако экономическая экспансия уже вышла за пределы девелопмента. Промышленные предприятия массово открывают текстильные и химические фабрики полного цикла внутри специальных экономических зон

¹²⁷ Rönesans Signed the Financing Agreement for Central Asia's First PPP Healthcare Project [Electronic resource] // Rönesans Holding. 2024. 1 November. URL: <https://ronesans.com/en/news/central-asia-first-ppp-hospital-kokshetau-hospital-project> (дата обращения: 31.03.2026).

¹²⁷ Xudayberdiyeva Shohista Akmal qizi. Peculiarities of international agreements in the economic sphere regulating cooperation between Uzbekistan and Türkiye [Электронный ресурс] // Journal of Computational Analysis and Applications. 2024. Т. 33, № 6. С. 286–290. URL: <https://www.eudoxuspress.com/index.php/pub/article/view/754> (дата обращения: 31.03.2026).

Узбекистана¹²⁸. Создание новых рабочих мест формирует устойчивую лояльность среди местного рабочего класса. Финансовое благополучие этих людей теперь частично зависит от иностранных работодателей.

Турецко-казахстанский и Турецко-узбекский деловые советы выступают направляющим ядром всего этого финансового потока. Указанные институты координируют объемы прямых инвестиций. Они также напрямую лоббируют интересы зарубежного бизнеса в правительственных кабинетах региона. Это обеспечивает строительным и промышленным холдингам приоритетный доступ к государственным тендерам.

Холдинг Sembol Construction занял ключевое место в застройке правительственного квартала Астаны. Анатолийские инженеры спроектировали Дворец мира и согласия, стадион «Астана Арена» и мечеть Хазрет Султан. К 2023 г. общий приток прямых турецких инвестиций в казахстанскую экономику превысил 4,7 млрд долл.¹²⁹ Инфраструктурный гигант YDA Group построил основной корпус международного аэропорта Туркестана. Впоследствии компания получила этот объект в концессию. Турецко-казахстанский деловой совет при DEİK активно управляет координацией поступающих денежных потоков. Данная организация последовательно добивается выделения квот для 600 турецких подрядчиков на различных государственных тендерах. Интересы бизнеса лоббируются напрямую в профильных министерства¹³⁰.

Монументальная архитектура выполняет важную функцию визуального воздействия в Казахстане. Рядовые граждане ежедневно взаимодействуют с городской средой. Значительная ее часть спроектирована за счет иностранного

¹²⁹ Казахстан и Турция намерены довести товарооборот до 10 млрд долларов США [Электронный ресурс] // Казинформ. 2023. 11 сентября. URL: https://www.inform.kz/ru/tovarooborot-mezhdu-kazahstanom-i-turciey-prevysil-3-5-mlrd-dollarov_a4110215/ (дата обращения: 31.03.2026).

¹³⁰ Евразийский банк развития. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР – 2023 [Электронный ресурс] // ЕАБР. 2023. 19 декабря. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/monitoring-vzaimnykh-investitsiy-eabr-2023/> (дата обращения: 31.03.2026).

капитала. Технологическое лидерство турецких застройщиков формирует привлекательный образ передовой страны. Возникает четкий психологический эффект от футуристичных зданий Астаны. Это визуальное присутствие закрепляет авторитет Анкары в качестве надежного дополнения к подписанным дипломатическим пактам.

Узбекистан начал постепенно открывать внутренний рынок для зарубежных промышленных компаний с 2016 г. Вектор инвестиций ожидаемо сместился со строительства коммерческой недвижимости на тяжелую индустрию и энергетический сектор. Корпорация Cengiz Enerji запустила высокотехнологичные газопоршневые электростанции в Ташкентской и Сырдарьинской областях. Их суммарная мощность составляет 460 МВт. Подписанный контракт предусматривает право длительной технической эксплуатации объектов вплоть до 2047 г. Параллельно турецкие текстильные холдинги локализовали десятки производств полного цикла внутри специальных экономических зон «Навои» и «Ангрен». К 2023 г. двусторонний товарооборот приблизился к отметке в 3,1 млрд долл.¹³¹ Динамика роста подтверждается как турецкими источниками, так и официальными данными национального статистического ведомства Республики Узбекистан¹³². Стратегия Турецко-узбекского делового совета сфокусировалась на создании совместных предприятий. Новые заводы обеспечивают тысячи рабочих мест. Турецкие производственные стандарты постепенно переносятся на местную экономическую почву. В Узбекистане механизм мягкой силы опирается именно на массовое трудоустройство. Локализация фабрик в провинциях формирует

¹³¹ Турция и Узбекистан утроили объем торгового оборота [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. 2025. 3 апреля. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/турция-и-узбекистан-утроили-объем-торгового-оборота/3528279> (дата обращения: 31.03.2026).

¹³² Внешнеторговый оборот Республики Узбекистан (январь-декабрь 2023 года) // Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан : официальный сайт. URL: <https://stat.uz/images/uploads/reliz-2023/tashqisavdopresreliz2023dekabrru.pdf> (дата обращения: 06.06.2026)

целый слой рабочего класса. Благополучие этих людей в значительной мере зависит от турецких владельцев бизнеса. Анкара уверенно выступает в роли крупного индустриального донора. Экономическая привязка тысяч семей чаще всего конвертируется в устойчивую социальную лояльность на низовом уровне.

Закрытость туркменского рынка частично сглаживается крупными контрактами при прямой работе бизнеса с государством. Холдинг Rönensans Holding возвел аммиачно-карбамидный комплекс в Мары. Эта же компания построила завод по производству бензина из природного газа (GTG) в Ахалском велаяте. Стоимость данного объекта составила около 1,7 млрд долл.¹³³ Концерн Polimeks успешно завершил строительство Олимпийского городка в Ашхабаде. Общая стоимость крупных проектов, реализованных турецкими подрядчиками в республике, оценивается примерно в 50 млрд долл. Туркменистан занимает одно из первых мест на постсоветском пространстве по норме прибыли для строительного сектора Турции.

Турецкое влияние здесь почти полностью сосредоточено в самых верхних эшелонах власти. Тендеры часто проходят без должной прозрачности. Это сильно привязывает местных чиновников к турецким топ-менеджерам. Рядовые граждане практически полностью отрезаны от этой финансовой связи. Инструмент мягкой силы тут сработал иначе. Он частично превратился в жесткий и прагматичный лоббизм внутри правительственных кабинетов.

Кыргызстан привлекает в основном средний бизнес и различные добывающие компании. Консорциум Etî Vakır выкупил права на разработку золотого рудника Терексай. На начальном этапе работы с 2016 по 2020 гг. физические инвестиции в инфраструктуру местного горно-обогатительного

¹³³ Президент Туркменистана провел рабочее совещание на заводе по производству бензина из природного газа [Электронный ресурс] // Oilgas.gov.tm. 2021. 21 мая. URL: <https://mail.oilgas.gov.tm/ru/posts/news/2227/prezident-turkmenistana-provel-raboochee-soveshchanie-na-zavode-po-proizvodstvu-benzina-iz-prirodnogo-gaza> (дата обращения: 31.03.2026).

комбината составили примерно 100 млн долл. Общий планируемый объем инвестиций в проект оценивается приблизительно в 300 млн долл.¹³⁴ Премиальный гостиничный сектор в стране также плотно контролируется турецкими компаниями по франшизе. Масштаб капиталовложений здесь заметно уступает соседям по региону. Однако плотность присутствия турецких брендов в повседневном секторе остается высокой. Проникновение на базовом уровне через сферу услуг вызывает симпатию со стороны кыргызстанцев. Турецкий бизнес очень тесно сплелся с повседневным бытом Бишкека. Инвесторы контролируют популярные торговые центры. Это формирует у горожан массовую привычку к качественному сервису. В итоге обычный повседневный комфорт постепенно перерастает в доверие к государству-партнеру.

Таджикистан получает лишь минимальные объемы прямых инвестиций. Главным реализованным проектом турецкого капитала в стране стал завод по розливу напитков Coca-Cola İçecek. Стоимость этого промышленного объекта оценивается в 50 млн долл.¹³⁵ Подрядные организации соглашаются работать над местной автодорожной инфраструктурой только при одном условии. Им нужны твердые финансовые гарантии от международных институтов. Турецкий бизнес откровенно избегает рисков непредсказуемого инвестиционного климата. Дефицит крупных предприятий сильно ограничивает механизмы формирования лояльности в Таджикистане. Единичные заводы физически не способны обеспечить население массовыми рабочими местами. Изолированность бизнеса серьезно ограничивает рычаги прямого давления Анкары на политическую элиту. Финансовое присутствие пока так и не достигло нужной критической массы. Из-за этого запуск полноценной мягкой силы здесь остается невозможным.

¹³⁴ «Eti Bakyr Tereksai» LLC [Электронный ресурс] // ОАО «Кыргызалтын». URL: <http://en.kyrgyzaltyn.kg/branch/info/8> (дата обращения: 31.03.2026).

¹³⁵ Tajik parliament ratifies agreement on construction of Coca Cola bottling plant in Tajikistan [Электронный ресурс] // Asia-Plus. 2015. 11 February. URL: <https://old.asiaplustj.info/en/news/tajikistan/20150211/tajik-parliament-ratifies-agreement-construction-coca-cola-bottling-plant-tajikistan> (дата обращения: 31.03.2026).

Таблица 2 - Оценочные объемы накопленных турецких прямых инвестиций в страны Центральной Азии, млрд долл.

Страна Центральной Азии	Ориентировочный объем турецких инвестиций (в млрд USD, сток FDI)	Комментарий
Казахстан	4,0–4,3 млрд USD ¹³⁶	Одна из ключевых стран-приемников турецкого капитала; крупный рост в строительстве, энергетике и инфраструктуре.
Узбекистан	2,5–2,6 млрд USD ¹³⁷	Крупные проекты в энергетике, промышленности и логистике; Турция - третий по объему инвестор после Китая и России.
Туркменистан	1,0–1,1 млрд USD ¹³⁸	По данным EDB, крупнейшие турецкие проекты в энергетике и строительстве превысили 1,1 млрд USD.
Кыргызстан	0,3 млрд (около 300 млн USD)	Относительно небольшой, но устойчивый объем инвестиции в торговле, строительстве и инфраструктуре.
Таджикистан	0,17 млрд (около 170 млн USD) ¹³⁹	Существенно меньший, чем в других странах.

¹³⁶ Eurasian Bank for Reconstruction and Development (EDB). Monitoring of Mutual Investments on the Eurasian Continent, 2024–2025. Minsk, 2025. Режим доступа: <https://www.eabr.org/...> Дата обращения: 19.04.2026.

¹³⁷ Объем освоенных иностранных инвестиций по странам-инвесторам // Министерство инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан: официальный сайт. URL: <https://miit.uz/ru/menu/foreign-direct-investments> (дата обращения: 06.06.2026).

¹³⁸ OGT-Turkmenistan / TeF-Turkmenistan. EDB: Major Turkish Investments in Turkmenistan Exceed \$1.1 Billion, 2026. -Режим доступа: <https://www.ogt-turkmenistan.com/...> Дата обращения: 19.04.2026.

¹³⁹ Politics Today. A New Balance in Central Asia? 2024. Режим доступа: <https://politicstoday.org/a-new-balance-in-central-asia/> Дата обращения: 19.04.2026.

Транскаспийский маршрут – это не просто логистика. Анкара активно использует его как финансовый инструмент, чтобы крепко привязать к себе регион. Турция постепенно забирает часть транзитных потоков из Китая в Европу. Она строит новый инфраструктурный пояс в обход российской территории. Турецкие компании модернизируют порты Актау, Курык и Туркменбаши. Затем эти узлы связывают в общую региональную сеть с железной дорогой Баку - Тбилиси - Карс. Новые маршруты заметно увеличивают доходы стран-транзитеров. Бесперебойная работа Срединного коридора создает совершенно новую экономическую реальность. В ней турецкий капитал помогает государствам Центральной Азии обрести независимость в логистике.

Казахстан стал одним из главных центров Транскаспийского маршрута. Порты Актау и Курык взяли на себя основной поток грузов после закрытия привычных путей через Восточную Европу. Пропускная способность казахстанских морских портов сейчас приближается к 21 млн тонн в год¹⁴⁰. Такого результата добились за счет современных систем цифрового управления терминалами. В их числе активно применяются именно турецкие разработки. Кроме того, турецкие компании вместе с другими инвесторами вложили деньги в строительство сухих портов на границе с Китаем. Казахстанский оператор KTZ Express развивает сотрудничество с государственной транспортной компанией Турции TCDD Taşımacılık. Это происходит в рамках расширения Транскаспийского маршрута. В августе 2025 г. стороны подписали четырехстороннее соглашение. Оно касается грузоперевозок по Среднему коридору. Главный фокус сделан на маршруты Китай - Турция и Сиань - Стамбул.

¹⁴⁰Вопросы развития водного транспорта рассмотрели в Правительстве [Электронный ресурс] // Turan Times. 2023. 12 декабря. URL: <https://turantimes.kz/obschestvo/47633-voprosy-razvitiya-vodnogo-transporta-rassmotreli-v-pravitelstve.html> (дата обращения: 31.03.2026).

По данным KTZ Express, доставка контейнеров из Китая в Европу теперь занимает примерно от 14 до 16 дней¹⁴¹.

Казахстан использует турецкие логистические проекты для укрепления своего суверенитета. Местные элиты видят в Срединном коридоре надежный инструмент выживания на фоне жестких санкций против соседних стран¹⁴². Успешная перевалка миллионов тонн грузов делает Турцию крайне важным партнером для местной экономики. Здесь мягкая сила переходит в сугубо практическую и финансовую выгоду. Лояльность властей республики частично связана с тем, что турецкий маршрут почти не имеет альтернатив. Только так можно надежно отправлять казахстанский уран и зерно на мировые рынки.

Туркменистан доверил строительство своих главных морских ворот турецкому бизнесу. Холдинг Gar İnşaat построил и сдал в эксплуатацию новый международный порт Туркменбаши. Его стоимость составила 1,5 млрд долл. Площадь объекта достигает почти 1,3 млн кв м. Порт способен ежегодно обрабатывать до 400 тыс. TEU контейнеров¹⁴³. Этот проект включили в коридор «Ляпис-Лазури». В итоге туркменские транспортные сети прочно соединились с турецкими хабами. Закрытость страны никак не помешала турецким подрядчикам. Они стали безоговорочными лидерами в техническом обслуживании каспийского флота Туркменистана.

Туркменистан часто воспринимает транспортную интеграцию через призму обогащения узкой правящей группы. Контроль над портом Туркменбаши приносит значительную валютную выручку, часто обходящую стандартные

¹⁴¹ Контейнерные перевозки [Электронный ресурс] // KTZ Express. URL: <https://www.ktze.kz/ru/services/container-shipping> (дата обращения: 31.03.2026).

¹⁴² İpek S. Türkiye'nin Orta Asya'da Türk İşbirliğinin Sağlanması Stratejisi ve Orta Koridor Girişiminin Yapısal Sürdürülebilirliği [Электронный ресурс] / S. İpek // MANAS Journal of Social Studies. 2025. Vol. 14, No. 3. P. 833–845. DOI: 10.33712/mana.1749075. URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/mana/issue/95179/1749075> (дата обращения: 31.03.2026).

¹⁴³ Volumes of freight traffic via Caspian port of Turkmenbashi growing [Electronic resource] // Azernews. 2018. 13 October. URL: <https://www.azernews.az/region/143471.html> (accessed: 31.03.2026).

бюджетные механизмы. Рядовое население в значительной мере изолировано от логистических доходов. Турецкое влияние прочно бетонируется на уровне личных финансовых связей президентов и топ-менеджеров строительных корпораций, практически исключая широкую общественную или культурную симпатию.

Географическая замкнутость Узбекистана решается за счет новых транспортных центров. Ставка делается на авиацию и автомобили. Политический консенсус по этому вопросу был четко артикулирован на саммите Организации тюркских государств в Самарканде (11 ноября 2022 г.). В ходе мероприятия была подчеркнута критическая важность совместного развития Срединного транспортного коридора (Транскаспийского маршрута) и использования инструментов Тюркского инвестиционного фонда¹⁴⁴. В частности, руководством Узбекистана была поставлена задача «реализовать конкретные проекты по развитию Срединного транспортного коридора», предоставить бизнесу «более выгодные и короткие маршруты», а также «гарантировать тарифы и создать современную логистическую инфраструктуру»¹⁴⁵. Турецкие инвесторы профинансировали расширение складов внутри логистического хаба Навои. Товары из Ташкента отправляются грузовиками напрямую к каспийским портам. Северные маршруты при этом чаще всего обходят стороной. Двусторонние соглашения сильно упростили транзит турецких большегрузов. К 2023 г. объем автомобильных перевозок между странами приблизился к отметке в 20 тыс.

¹⁴⁴ Samarkand Declaration of the 9th Summit of the Organization of Turkic States [Электронный ресурс] // Organization of Turkic States. Samarkand, 2022. 11 November. URL: официальный сайт Organization of Turkic States (дата обращения: 29.09.2026).

¹⁴⁵ Состоялось заседание глав стран-участниц Организации тюркских государств // Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан. 11.11.2022. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5689> (дата обращения: 06.06.2026).

рейсов. Это сделало турецкий автопарк одним из ключевых операторов несырьевого экспорта Узбекистана¹⁴⁶.

Местный бизнес в Узбекистане остается в плюсе от снижения транспортных расходов. Прямой доступ к паромам на Каспии заметно сбивает розничные цены на импортные товары внутри страны. Для местных предпринимателей турецкие логистические компании стали надежным гарантом бесперебойных поставок. Так мягкая сила постепенно проникает в среду городского среднего класса. Это формирует реальный экономический запрос на более тесный политический союз с Анкарой.

Для Кыргызстана турецкие логистические сети стали шансом выйти из инфраструктурного тупика. Анкара выступает важным зарубежным лоббистом строительства железной дороги Китай - Кыргызстан - Узбекистан. Турецкие инженеры уже участвуют в проектировании сложных горных тоннелей на кыргызском участке будущей трассы. Но пока новые стальные пути только проектируются, транспортные компании Турции прочно удерживают рынок международных автоперевозок в республике. Около 70% всех европейских промышленных товаров попадают на оптовые рынки Бишкека и Оша именно на фурах с турецкими номерами. Дальнобойщики и сотрудники региональных складов – вот реальная база влияния Турции в Кыргызстане. В сфере международных автоперевозок созданы тысячи рабочих мест, которые буквально кормят семьи в депрессивных областях. Повседневная финансовая зависимость от зарубежных контрактов вызывает у простых людей искреннюю благодарность. В этом случае влияние строится не на высоких геополитических концепциях. Оно держится на стабильно выплачиваемых зарплатах.

¹⁴⁶ Hasanova N. Cargo transportation via Azerbaijan's Baku Port grows [Electronic resource] // AzerNews. 2024. 1 February. URL: <https://www.azernews.az/business/221081.html> (дата обращения: 31.03.2026).

С Таджикистаном ситуация совершенно иная. Сложный горный рельеф мешает включить страну в скоростные транзитные потоки Срединного коридора. У Душанбе нет прямого выхода к перевалке грузов на Каспии. К тому же старая советская железная дорога во многом просто несовместима с современными контейнерными терминалами. Сейчас турецкие инвестиции в транспортный сектор республики сводятся к точечному строительству складских ангаров вокруг столицы. На макроэкономику государства это никак не влияет. Страна временно оказалась отрезана от транспортной дипломатии Анкары из-за отсутствия явных транзитных перспектив. Таджикистан пока невозможно полноценно встроить в мировые товарные маршруты. А значит, масштабная экономическая интеграция попросту нерентабельна. В данном случае турецкая мягкая сила разбивается о суровые географические барьеры. Через логистику у Анкары сейчас нет прямых рычагов давления на правительство в Душанбе.

Весной 2023 г. заработал Тюркский инвестиционный фонд. Это событие перевело экономическую экспансию Анкары в формат официального сотрудничества на уровне институтов. Организация тюркских государств создала финансовый механизм развития со штаб-квартирой в Стамбуле¹⁴⁷. Уставной капитал фонда заявлен на уровне 500 млн долл.¹⁴⁸ Главное правило новой структуры - абсолютное корпоративное равенство. Финансовая нагрузка распределена строго поровну. Турция, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан и Кыргызстан обязаны внести равными траншами ровно по 100 млн долл.¹⁴⁹

¹⁴⁷ Decision of the Council of the Heads of State of the Organization of Turkic States on the Establishment of the Turkic Investment Fund [Электронный ресурс] // Organization of Turkic States. Samarkand, 2022. 11 November. URL: официальный сайт Organization of Turkic States (дата обращения: 29.09.2026).

¹⁴⁸ Turkic Investment Fund Holds its Inaugural Board of Governors Meeting in Istanbul [Электронный ресурс] // The Astana Times. 2024. 22 мая. URL: <https://astanatimes.com/2024/05/turkic-investment-fund-holds-its-inaugural-board-of-governors-meeting-in-istanbul/> (дата обращения: 31.03.2026).

¹⁴⁹ Turkic Investment Fund to begin financing projects in Q1 2026 [Electronic resource] // Kirgizistan-Türkiye Manas Üniversitesi. 2025. 8 December. URL:

Полномочия распределяются пропорционально. Право вето для какой-либо одной страны полностью исключено. Капитал фонда направляется на кредитование малого бизнеса, запуск совместных промышленных зон и поддержку логистических цепочек. По сути, идеологическое родство государств впервые обрело осязаемую общую кассу. И управляется она по строгим банковским стандартам.

Казахстан ратифицировал соглашение осенью 2023 г. Тем самым Астана первой юридически закрепила свои обязательства перед фондом. Сумма в 100 миллионов долларов для макроэкономических показателей казахстанского бюджета не является критической. Национальная экономика легко выдерживает эту нагрузку. Теперь правительство республики использует стамбульскую площадку для прямого софинансирования инфраструктурных узлов на Каспии. Местный бизнес, в свою очередь, получает доступ к турецким инженерным технологиям на равных условиях. Это позволяет избегать классических межправительственных займов у Анкары. Подобный инвестиционный паритет в корне меняет саму природу турецкого влияния в Казахстане. Одинаковые финансовые взносы разрушают привычную схему, когда страна зависит от щедрого иностранного инвестора. Астана выстраивает диалог с Анкарой в статусе абсолютно равного акционера. Совместное управление общим капиталом закрепляет за Турцией статус надежного модератора региональных рынков. И главное - это снимает любые подозрения в попытках навязать неоосманский диктат.

Узбекистан вступил в организацию ради серьезной диверсификации внешних займов. Узбекская экономика сейчас активно привлекает промышленные инвестиции. При этом Ташкент старается минимизировать политическую зависимость от конкретных стран доноров. Уставной взнос в 100

млн долл. дает резидентам узбекских специальных экономических зон одну важную гарантию. Они получают приоритетный доступ к льготным кредитным линиям новой структуры. Эти средства целенаправленно направляются в текстильные и агропромышленные кластеры. Расчет здесь простой готовая продукция должна уходить на экспорт обратно на анатолийский рынок.

Узбекские элиты действуют предельно прагматично. Они переводят идеологию пантюркизма в плоскость доступных производственных кредитов. Переход от двустороннего финансирования к многонациональному фонду сводит к минимуму политические риски для руководства страны. Чиновники могут безопасно пускать турецкий капитал в стратегические секторы экономики. Все это происходит под нейтральной вывеской международной организации. Симпатия к Турции в данном случае формируется максимально надежно через успешные бизнес кейсы местных фабрик.

Вступление Кыргызстана потребовало прямого участия высшего политического руководства. Для экономики страны квота в 100 млн долл. это весьма тяжелое бюджетное бремя. Из-за этого Бишкеку часто приходится пересматривать внутренние статьи расходов. Свой первый транш Министерство финансов республики перечислило в начале 2024 г. По сути, запуск фонда отменил старую застойную идею создать отдельный кыргызско-турецкий институт развития. Теперь финансирование предпринимателей из Бишкека перешло под строгий многосторонний контроль стамбульского офиса.

Кыргызстан демонстрирует политическую лояльность, которая подкреплена серьезным финансовым напряжением. Выплата столь крупного взноса напрямую связывает часть национального бюджета с турецкой экономической архитектурой. Частный сектор остро нуждается в ликвидных средствах. Именно это формирует протурецкое лобби внутри местного малого бизнеса. Турецкое влияние здесь базируется на самом простом факторе на повседневном выживании рядовых фермеров и рыночных торговцев.

Официальный Ашхабад выстраивает отношения с Организацией тюркских государств (ОТГ) в строго дозированном формате, умело маневрируя между дипломатической вежливостью и жесткой защитой национального суверенитета. На декларативном уровне Туркменистан демонстрирует готовность к диалогу. Так, в ходе встречи главы МИД Туркменистана Р. Мередова с Генеральным секретарем ОТГ К. Омуралиевым в декабре 2022 года в Ашхабаде, туркменская сторона подчеркнула заинтересованность в партнерстве исключительно с «мягкими» и консультативными структурами: ТЮРКБА, Тюркской торгово-промышленной палатой и Фондом тюркской культуры и наследия¹⁵⁰.

Однако эта гуманитарно-культурная открытость резко контрастирует с практическими шагами Ашхабада в сфере реальной экономической интеграции. Когда весной 2023 г. заработал Тюркский инвестиционный фонд Туркменистан решил сохранить за собой статус наблюдателя. Страна дистанцировалась от участия в формировании уставного капитала. Изоляционистская модель экономики Ашхабада просто не допускает передачи контроля над инвестиционными решениями любым наднациональным структурам. Жесткий туркменский нейтралитет тормозит механизмы финансового сближения. Ашхабад отказался оплачивать квоту. Тем самым он лишил Анкару рычагов наднационального давления на местную элиту. Турецкое влияние в этой стране остается запертым на уровне закрытых тендеров для строительных корпораций. Институциональная мягкая сила сталкивается с категорическим нежеланием туркменского руководства интегрировать свои банки в любые внешние союзы.

Что касается Таджикистана, то он практически полностью отсечен от участия в проекте. Отсутствие тюркских корней полностью лишает таджикский

¹⁵⁰ Обсуждены вопросы сотрудничества Туркменистана с Организацией тюркских государств // Официальный сайт Министерства иностранных дел Туркменистана. 12.12.2022. URL: <https://www.mfa.gov.tm/en/news/3526> (дата обращения: 06.06.2026).

бизнес доступа к кредитному портфелю фонда. Республике остаются лишь обычные двусторонние коммерческие контракты. Этнический фильтр фонда четко показывает физические границы турецкой стратегии в Таджикистане. Исключение персоязычной республики из кредитных механизмов полностью обрывает логику проникновения мягкой силы. Влияние Анкары имеет очень строгие географические пределы. Этот механизм работает исключительно там, где денежные потоки можно юридически привязать к лингвистической и исторической общности.

Трансформация финансовых инструментов Анкары теперь жестко привязана к экономическим моделям конкретных стран региона. Астана окончательно избавилась от статуса получателя иностранных дотаций. Выплата 100 миллионов долларов в уставный капитал Тюркского инвестиционного фонда перевела двусторонние отношения в формат корпоративного паритета. Равное распределение финансовых долей уничтожило старые страхи перед неоосманским диктатом. Это легализовало Турцию в качестве безопасного модератора общих транскаспийских бюджетов.

Узбекистан использует турецкие деньги исключительно для форсированной индустриализации. По состоянию на 2025 год количество зарегистрированных предприятий с турецким капиталом в Узбекистане приблизилось к отметке в 2100 единиц¹⁵¹. Большинство из них локализовано в текстильных кластерах. Прямые иностранные инвестиции физически привязывают узбекских рабочих к производственной экосистеме инвесторов из Стамбула. Трудоустройство на этих фабриках превратило идеологию пантюркизма в измеримый материальный прагматизм.

¹⁵¹ В Узбекистане растет число предприятий с участием турецкого капитала // Национальный комитет по статистике Республики Узбекистан. 2025. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/65891-zbekistonda-turkiya-kapitali-ishtirokidagi-korkhonalar-soni-ortib-bormo-da-3> (дата обращения: 22.04.2026).

Кыргызстан расплачивается за турецкие инфраструктурные проекты политической и экономической уступчивостью. Бюджет республики критически зависит от внешних грантов. Только по линии правительственного агентства ТИКА в стране реализовано свыше тысячи проектов. В их число входит полное финансирование строительства Бишкекской государственной больницы дружбы Кыргызстана и Турции. Выделение кредитных линий через турецкие банки формирует целый пул кыргызских предпринимателей. Они начинают активно лоббировать интересы Турции на уровне региональных коммерческих объединений.

Туркменистан при этом жестко пресекает любые попытки региональной финансовой интеграции. Национальная доктрина изоляционизма позволяет местной элите передавать турецким компаниям закрытые строительные тендеры. Их общая стоимость уже превышает 50 млрд долл.¹⁵² Однако руководство категорически запрещает создавать совместные инвестиционные банки. Турецкие капиталы остаются запертыми внутри закрытых элитных контрактов. Рядовые граждане Туркменистана полностью исключены из этих огромных финансовых потоков.

Таджикистан сильно выделяется на фоне остальных государств Центральной Азии. Эта страна является персоязычной. Республика не входит в Организацию тюркских государств. Исследователи подчеркивают один важный момент. Данный фактор объективно сужает рамки двустороннего сотрудничества. Масштабы партнерства заметно уступают уровню взаимодействия Анкары с тюркоязычными странами участницами ОТГ. По итогам 2023 г. общий объем товарооборота достиг отметки в 571 млн долл.¹⁵³. Эта сумма включает в себя как

¹⁵² Erdoğan: Turkish companies completed projects worth approximately \$55 billion in Turkmenistan [Электронный ресурс] // Kırgızistan-Türkiye Manas Üniversitesi. 2025. 15 декабря. URL: <https://turksam.manas.edu.kg/index.php/en/turkiye-2/9980-turkish-companies-implement-19-projects-worth-usd10-billion-in-turkmenistan> (дата обращения: 31.03.2026).

¹⁵³ Atamali K. Türkiye and Tajikistan: Evolution of Bilateral Relations / K. Atamali // Russia and the Moslem World. 2025. № 4 (330). P. 15–27. DOI: 10.31249/rmw/2025.04.02.

экспортные поставки, так и импорт. При этом таджикские предприниматели оказались юридически отрезаны от льготного кредитования. Региональные фонды Анкары для них просто недоступны.

Оценка распространения и эффективности турецкой мягкой силы через призму экономики демонстрирует весьма четкие результаты. В Казахстане крупный финансовый взнос в общую кассу полностью изменил ситуацию. Мягкая сила Анкары перестала восприниматься как внешняя экспансия. Теперь она выступает важнейшим элементом институционального доверия местной элиты. В Узбекистане работает более 2100 предприятий с участием турецкого капитала. Они обеспечивают колоссальный социальный охват. Лояльность к Турции здесь надежно подкрепляется стабильными заработными платами простых рабочих. В Кыргызстане масштабное финансирование строительства больниц и школ дало свой эффект. Оно частично поглотило бюджетную независимость Бишкека. Политические решения местного руководства теперь существенно привязаны к финансовым траншам из Стамбула. В Туркменистане огромные строительные сметы принесли выгоду преимущественно самим подрядчикам. Идеологическая мягкая сила здесь заметно снижается. Это происходит по причине строго ограниченного доступа инвесторов к банковскому и общественному секторам. В Таджикистане особая языковая специфика серьезно затруднила работу ряда турецких кредитных институтов. Финансовое проникновение Анкары оказалось полностью остановлено на границах персоязычного региона.

2.2 Научно-образовательное измерение мягкой силы Турции в государствах Центральной Азии.

Турецкая образовательная политика в Центральной Азии изначально строилась на делегировании полномочий негосударственному сектору. Анкара

адаптировала сеть частных лицеев, возникшую в 1990-х гг., под инструмент своей мягкой силы. Турецкое государство оказывало символическую и материальную поддержку этим школам, рассматривая их как важный канал распространения турецкого языка, культуры и политического влияния в регионе. Приход к власти Партии справедливости и развития (2002) закрепил этот подход на правительственном уровне. Государственная казна не несла прямых расходов. Бизнес-структуры самостоятельно финансировали возведение кампусов от Бишкека до Астаны. В качестве примера можно привести кыргызстано-турецкую образовательную сеть «Себат» (позднее переименованную в «Сапат»). Она охватила все регионы республики и выпустила тысячи специалистов, которые впоследствии заняли посты в экономическом и управленческом блоке страны.

Переход к институциональной централизации произошел за несколько лет до разрыва властей с частными фондами. Учреждение правительственной стипендиальной программы Türkiye Bursları в 2012 г. стало первым шагом к институциональной централизации образовательной мягкой силы¹⁵⁴. Управление по делам соотечественников за рубежом (YTB) начало напрямую оплачивать обучение студентов из Центральной Азии в государственных университетах Турции¹⁵⁵. Финансовые потоки контролировались напрямую Анкарой. Студентам предоставляли полный пакет: бесплатное обучение, проживание, медицинскую страховку и билеты на самолет. К 2014 г. ежегодное количество заявок из региона превысило десятки тысяч, что позволило правительству проводить жесткий целевой отбор кандидатов. Инициатива окончательно перешла от частных региональных лицеев к турецкому казначейству.

¹⁵⁴ Türkiye Scholarships and the Scope of Turkish Diplomacy [Электронный ресурс] // Politics Today. 2018. 6 December. URL: <https://politicstoday.org/turkiye-scholarships-and-the-scope-of-turkish-diplomacy/> (дата обращения: 31.03.2026).

¹⁵⁵ Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. 2023 Yılı Faaliyet Raporu [Электронный ресурс] // YTB. Ankara, 2024. URL: официальный сайт YTB (дата обращения: 29.09.2026).

Июльский политический кризис 2016 г. стал катализатором зачистки независимого образовательного сектора. Экспорт академических услуг перешел в статус абсолютной государственной монополии.

Фонд Maarif получил исключительные права на открытие зарубежных школ (Закон № 6721¹⁵⁶). Институт Юнуса Эмре расширил свои функции до координатора культурной дипломатии. Культурные центры в столицах центральноазиатских республик физически вошли в состав турецких дипломатических миссий. Анкара оказывала прямое политическое давление на правительства стран региона с требованием закрыть или национализировать неподконтрольные лица. Образовавшийся инфраструктурный вакуум методично заполнялся филиалами правительственного фонда. Многосторонняя правительственная интеграция стала финальным этапом формирования новой системы. Организация тюркских государств запустила программу академического обмена Orhun¹⁵⁷. Этот механизм адаптировал принципы европейской системы мобильности для высших учебных заведений тюркского мира. Партнерские университеты внедрили процедуру взаимного признания дипломов и запустили ротацию преподавателей. Студенты профильных заведений, таких как Кыргызско-Турецкий университет «Манас» и Международный казахско-турецкий университет имени Х. А. Ясави, получили возможность проходить семестровое обучение в Турции без потери академической разницы. В рамках Тюркского совета университеты-участники из стран тюркского мира внедрили систему взаимного признания дипломов и

¹⁵⁶ Турция. Законы. Türkiye Maarif Vakfı Kanunu: Kanun No. 6721: [принят 17 июня 2016 г.] // TBMM: [официальный сайт Великого национального собрания Турции]. URL: <https://www.tbmm.gov.tr/Yasama/Kanun/f72877be-1374-037b-e050-007f01005610> (дата обращения: 30.03.2026).

¹⁵⁷ Regulation on the Orkhun Exchange Program of the Turkic Council Turkic University Union [Электронный ресурс] // Organization of Turkic States. İstanbul, 2021. 4 November. URL: официальный сайт Organization of Turkic States (дата обращения: 29.09.2026).

ротации преподавательского состава¹⁵⁸. За период 2002–2025 гг. турецкая мягкая сила полностью лишилась автономности. Выдача любого государственного гранта или квоты жестко привязана к актуальной внешнеполитической доктрине страны.

Правительство Казахстана заблокировало попытку Анкары установить монополию в сфере школьного образования. Осенью 2016 г. 27 казахско-турецких лицеев избежали перехода под контроль правительственного фонда Maarif. Астана выбрала путь реорганизации вместо прямой национализации. Учебные заведения продолжили работу как сеть лицеев «Білім-инновация». Управление полностью перешло к профильному министерству республики. Привлеченных из Турции преподавателей оперативно заменили местными педагогическими кадрами. Фокус обучения сместился на казахстанские стандарты и локальную юрисдикцию. Подобный юридический маневр помог сохранить престижный образовательный бренд. Одновременно он отсекает прямое политическое влияние внешних структур. В сегменте средних школ турецкая «мягкая сила» лишилась управленческих рычагов, превратившись исключительно в историческое наследие.

В секторе высшего образования односторонний патронаж сменился паритетом. До начала 2010-х гг. Международный казахско-турецкий университет имени Х.А. Ясави (МКТУ) массово выпускал бакалавров гуманитарных направлений. Турецкий бюджет полностью покрывал расходы на их обучение. Такая финансовая модель ежегодно обеспечивала бесплатными дипломами тысячи казахстанских студентов. После 2016 г. двусторонняя стратегия подверглась радикальному пересмотру. Астана и Анкара утвердили новый устав университета с равными долями финансирования. Приоритетом стали совместные грантовые исследования, а не массовые квоты. Актуальные

¹⁵⁸ Çelik Y. Education Diplomacy Within the Framework of the Organization of Turkic States 2040 Vision: The Orhun Exchange Program // Journal of Turkish Studies. 2025. Vol. 27, No. 1. P.

инвестиции идут на интеграцию казахстанских ученых в единое научное пространство тюркского мира.

Статус хаба программы обмена Orhun окончательно закрепил за МКТУ эту новую модель. В рамках Организации тюркских государств стабильно растет квота на академическую мобильность. Исследователи регулярно работают на базе совместных проектов между Назарбаев Университетом и Ближневосточным техническим университетом (ODTÜ) в Анкаре. Эта практика формирует прямые связи внутри технологической элиты¹⁵⁹. Потеряв влияние в школьном секторе, Турция выстроила институциональное доверие с казахстанским руководством. Равное финансирование науки помогло легализовать иностранное присутствие и снять обвинения во вмешательстве во внутренние дела республики. Турецкая «мягкая сила» адаптировалась. Ее реализация в Казахстане теперь возможна только при полном соблюдении суверенитета партнера.

Финансовое доминирование позволяет Анкаре использовать Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (КТУ) для формирования лояльной управленческой элиты. С 2002 г. турецкий бюджет ежегодно выделяет около 30 миллионов долларов на развитие кампуса и стипендиальные программы¹⁶⁰. Эти инвестиции полностью покрывают обучение кыргызских студентов на турецком языке по стратегическим направлениям, включая инженерию и журналистику. Выпускники вуза целенаправленно трудоустраиваются в медиа-рынок и правительственный сектор Кыргызстана. Формируется устойчивая прослойка молодых технократов. Они выступают прямыми проводниками политических интересов Турции внутри кыргызского государственного аппарата.

¹⁵⁹ Institute of Applied Mathematics (METU). Colloquia Seminar: A New Coherent Multivariate Average-Value-at-Risk [Электронный ресурс] // LinkedIn. 2024. 21 April. URL: https://www.linkedin.com/posts/iam-metu_seminar-appliedmath-odtu-activity-7188137275321438208-ts8O (дата обращения: 31.03.2026).

¹⁶⁰ Пиримбаев Ж. Кыргызско-турецкое сотрудничество в сфере образования [Текст] / Ж. Пиримбаев // Общество и экономика. 2023. № 2. С. 103–110. URL: <http://library.volnc.ru/article/view?id=118765> (дата обращения: 31.03.2026).

Политический кризис 2016 г. перевел турецкую стратегию в фазу открытого столкновения с местными элитами из-за образовательной сети «Себат». На тот момент в ее учреждениях обучалось свыше 12 тыс. детей. Бишкек отклонил официальный ультиматум Анкары о немедленной ликвидации 16 лицеев и международного университета «Ала-Тоо». Вместо закрытия кыргызские власти провели ребрендинг сети в «Сапат». Дополнительно Министерство образования КР вошло в состав учредителей с долей 30%. Исчерпав дипломатические ресурсы, турецкое руководство перешло к силовым методам. Спецоперация турецкой разведки MIT по захвату руководителя сети Орхана Инанды в июле 2021 г. прямо в центре Бишкека продемонстрировала радикальную смену приоритетов. Турция проигнорировала государственный суверенитет Кыргызстана для физической зачистки неподконтрольной инфраструктуры. На данном этапе мягкая сила окончательно приняла форму политического шантажа.

Жесткое экономическое давление привело к принудительной легализации фонда Maarif на кыргызской территории. Угроза блокировки совместных экономических проектов осенью 2021 г. заставила руководство Кыргызстана выдать лицензию турецкой государственной структуре. Местные власти обеспечили фонд инфраструктурой на безвозмездной основе. В частности, мэрия Бишкека передала земельные участки и готовые здания под запуск первого школьного комплекса общей площадью 11 тыс. кв. м. Новая образовательная монополия вытесняет конкурентов административными рычагами. Аттестаты Maarif теперь жестко привязаны к квотам правительственной стипендии Türkiye Bursları. Турецкая республика восстанавливает идеологический контроль в регионе. Доступ к престижному зарубежному образованию предоставляется исключительно в обмен на абсолютную политическую лояльность официальной Анкаре. Успешность данной стратегии принудительной лояльности наглядно подтверждается современной дипломатической повесткой. Во время

государственного визита Р.Т. Эрдогана в Кыргызстан 5 ноября 2024 г., который ознаменовал вывод двусторонних отношений на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства, президент Садыр Жапаров в своем заявлении для прессы особо подчеркнул «важность совместных образовательных проектов и укрепления духовных связей». Таким образом, институциональные уступки Бишкека, сделанные под давлением в 2021 г., сегодня официально легитимизируются на высшем государственном уровне как проявление исторического братства и взаимовыгодного гуманитарного сотрудничества¹⁶¹.

Во время правления И. Каримова турецкие академические инициативы в Узбекистане находились под жестким политическим прессингом. Резкое охлаждение двусторонних отношений в 1999 г. запустило процесс планомерного демонтажа образовательной инфраструктуры Анкары. Ташкент опасался неконтролируемого экспорта политического ислама. Большая часть совместных лицеев была закрыта на рубеже десятилетий, однако отдельные учреждения продолжали функционировать вплоть до конца 2000-х гг. в условиях постоянного контроля со стороны местных спецслужб. Окончательный разрыв произошел в 2008 г., когда Узбекистан в одностороннем порядке аннулировал все межправительственные соглашения с Турцией в сфере образования. Период с 2008 по 2016 год характеризовался полным отсутствием институциональных каналов для работы турецкой мягкой силы. Любые попытки Стамбула транслировать свои ценности через студенческие обмены жестко блокировались суверенными барьерами республики.

Смена политического курса в 2016 г. перевела взаимодействие в формат строго лимитированного партнерства. Узбекское руководство категорически отказалось допускать в страну школы правительственного фонда Maarif. Прямая

¹⁶¹ Заявление Президента Садыра Жапарова для прессы по итогам переговоров с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики. 05.11.2024. URL: <https://president.kg/ru/news/21/26116> (дата обращения: 06.06.2026).

идеологическая обработка молодежи осталась недоступной для внешних игроков. Ташкент перехватил и удержал инициативу. Анкаре пришлось экстренно адаптировать механизмы влияния под конкретные индустриальные запросы экономики республики. В 2019 г. факультет имени Ибн Сины турецкого Университета медицинских наук (SBÜ) начал работу в Бухаре¹⁶². Турецкие инвесторы оснастили лаборатории в строгом соответствии со стандартами собственного Минздрава. Обучение будущих врачей работе на турецком диагностическом оборудовании напрямую формирует лояльную корпоративную базу внутри критически важного сектора узбекского здравоохранения.

Успешную медицинскую модель оперативно масштабировали на подготовку технической элиты. Осенью 2020 г. ташкентский филиал Университета экономики и технологий (TOBB ETÜ) начал полноценный набор абитуриентов¹⁶³. Учебные программы здесь сфокусированы на инженерии, архитектуре и электронной коммерции. Утратив трибуну для преподавания гуманитарных нарративов, Турция получила эффективный инструмент конструирования профессиональных навыков будущих технократов. Прямо со студенческой скамьи инженеры осваивают турецкие строительные регламенты. Классическая «мягкая сила» на узбекской территории трансформировалась в технологический прагматизм. Высшая школа структурно привязывает крупнейший внутренний рынок региона с населением 36,7 млн человек к промышленным стандартам Турецкой Республики. Практика доказывает, что технологический трансфер через совместные прикладные исследования

¹⁶² В Бухаре откроются филиал и клиника Турецкого университета медицинских знаний [Электронный ресурс] // MED.UZ / Министерство здравоохранения Республики Узбекистан. 2019. 3 апреля. URL: <https://med.uz/ses/surkhandarya/news/detail.php?ID=62859> (дата обращения: 31.03.2026).

¹⁶³ Turkic Council Welcomes the Opening of TOBB University of Economics and Technology (TOBB ETU) in Tashkent : [site] / Turkic States. 2020. 13 July. URL: <https://turkicstates.org/en/news/turkic-council-welcomes-the-opening-of-tobb-university-of-economics-and-technology-tobb-etu-in-tashkent> (date of access: 28.03.2026).

конвертируется в политическое доверие надежнее прямолинейной пропаганды.

Правительство Туркменистана инициировало процесс закрытия сети турецких школ в 2010–2011 гг. Данные образовательные учреждения функционировали на территории республики с середины 1990-х гг. Местные власти реализовали превентивные административные меры за несколько лет до внутривнутриполитического раскола в Турецкой Республике (2013) и попытки государственного переворота (2016). Автономный статус иностранных учебных заведений был квалифицирован руководством страны как угроза национальной безопасности. Профильные ведомства зафиксировали риски распространения политического ислама. К августу 2011 г. школы были закрыты по всей стране, за исключением одной в Ашхабаде¹⁶⁴. Ликвидация Международного туркмено-турецкого университета к августу 2014 г. стала финальным этапом сворачивания академического партнерства¹⁶⁵. Единственный профильный иностранный вуз в столице прекратил свою деятельность. Инфраструктура внешнего гуманитарного влияния была полностью демонтирована решением туркменского руководства. В результате применения этих мер Анкара лишилась легальных площадок для образовательной работы внутри республики.

Сокращение институциональной базы привело к резкому изменению миграционных потоков. Строгий лимит квот в национальных университетах стимулировал массовый выезд абитуриентов за границу. Турецкая сторона адаптировала свою стратегию, увеличив прием туркменских граждан в государственные вузы. Согласно статистике Совета по высшему образованию Турецкой Республики, к началу 2023 учебного года в стране обучалось 22 204

¹⁶⁴ Ashdown N. The Fate of Turkmenistan's Gülenists [Электронный ресурс] / N. Ashdown // The Diplomat. 2019. October. URL: <https://magazine.thediplomat.com/2019-10/read?page=Lpi2orMrstQ-QXCs9Qk> (дата обращения: 01.04.2026).

¹⁶⁵ Особенности вовлечения туркменских новобранцев в ряды экстремистов [Электронный ресурс] // Ислам в СНГ. 2016. 31 мая. URL: <http://islamsng.com/tkm/news/10780> (дата обращения: 01.04.2026).

студента из Туркменистана¹⁶⁶. Эта группа образовала крупнейшую иностранную академическую диаспору. Географический вектор применения мягкой силы полностью сместился в юрисдикцию Турции.

Анкара сфокусировалась на абсорбции туркменских абитуриентов в собственной академической среде. Стандартные программы высшего образования занимают от четырех до шести лет. В течение этого времени студенты находятся вне зоны контроля туркменских силовых структур. Изучение корпоративной этики и турецких моделей государственного управления происходит напрямую через погружение в открытую рыночную экономику. Ограничительные меры Ашхабада обеспечили высокую долгосрочную эффективность иностранных программ. Возвращаясь в республику или устраиваясь в международные коммерческие структуры, выпускники формируют лояльную кадровую базу. На практике они интегрируют протурецкие экономические интересы в рабочий процесс в обход внутренних барьеров туркменского режима.

Персоязычный статус Таджикистана блокирует базовые механизмы турецкой гуманитарной экспансии. Отсутствие общего этнолингвистического фундамента делает классические инструменты пантюркизма неэффективными на территории республики. Турецкие образовательные инициативы столкнулись с жесткими системными ограничениями. В 2015 г. правительство Таджикистана ликвидировало образовательную компанию «Шалола», закрыв шесть действовавших турецких лицеев¹⁶⁷. Лингвистическая дистанция превратила

¹⁶⁶ Töre M. Türkmenistan-Türkiye Yükseköğretim İlişkileri [Электронный ресурс] / M. Töre // TÜDAS 2025 Bildiriler Kitabı. 2025. Cilt II. URL: https://www.academia.edu/144615058/T%C3%9CRKMN%C4%B0STAN_T%C3%9CRK%C4%B0YE_Y%C3%9CKSEK%C3%96%C4%9ERET%C4%B0M_%C4%B0L%C4%B0%C5%9EK%C4%B0LER%C4%B0 (дата обращения: 01.04.2026)..

¹⁶⁷ В Таджикистане закрывают таджикско-турецкие лицеи [Электронный ресурс] // Азия-Плюс. 2015. 20 мая. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20150520/v-tadzhikistane-zakryvayut-tadzhiksko-turetskie-litsei> (дата обращения: 01.04.2026).

республику в периферийную зону для турецкой мягкой силы. Анкара утратила возможность формировать массовую лояльность на основе языковой и культурной близости.

Стратегия Турции трансформировалась в утилитарную технологическую альтернативу иранскому влиянию. Тегеран активно использует языковое родство, финансируя гуманитарные кафедры и теологические программы обмена. Анкара противопоставила этому точечную подготовку светской технической интеллигенции. Государственные квоты по программе Türkiye Bursları для Таджикистана остаются минимальными на фоне Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. Данный факт подтверждает общую специфику распределения турецких образовательных ресурсов в Центральной Азии. Приоритет при отборе отдается исключительно медицинским, инженерным и IT-специальностям. Таджикские студенты интегрируются в производственные цепочки турецкой экономики, а не в культурную среду. Практика работы со сложным промышленным оборудованием формирует прочную технологическую привязку будущих кадров. В данном контексте мягкая сила полностью лишается эмоциональной окраски. Выпускники возвращаются в республику прямыми носителями турецких инженерных стандартов. Они образуют профессиональное корпоративное лобби в противовес иранской религиозной номенклатуре.

Прагматичный подход подкрепляется инвестиционной политикой Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (TIKA). Организация не финансирует создание масштабных лингвистических центров на территории республики. Выделяемые бюджеты направляются на открытие современных физических лабораторий в Техническом университете имени М. Осими и закупку реанимационного оборудования для медицинских колледжей Хатлонской области. Анкара осознанно отказалась от прямой конкуренции за влияние на широкие слои персоязычного населения. Долгосрочное турецкое присутствие конструируется через подготовку узкого класса технократов, от

профессионализма которых напрямую зависит индустриальное развитие таджикского государства.

Трансформация турецких инвестиций за два десятилетия вывела академические проекты из зоны культурного просвещения в сектор опосредованного корпоративного лоббирования. Выпускники образовательных программ больше не выступают в роли обычных ретрансляторов языка и культуры. В современных условиях они функционируют как критически важный мост для проникновения и закрепления транснационального капитала.

Казахстан инкорпорировал часть бывших студентов в советы директоров квазигосударственного сектора. Выпускники казахско-турецких лицеев, переформатированных местными властями в суверенную сеть «Білім-Инновация», занимают управленческие позиции в дочерних структурах фонда «Самрук-Казына» и IT-секторе. Мягкая сила Анкары частично капитализируется через Ассоциацию казахстанско-турецких бизнесменов (КАТІАД). Двуязычные инженеры и юристы с турецкими дипломами осуществляют правовое сопровождение контрактов холдингов из Турецкой Республики в сфере строительства дорог и логистических хабов. Знание специфики турецкого корпоративного права позволяет им эффективно снижать бюрократические барьеры. Данный механизм обеспечивает приток прямых иностранных инвестиций без формирования прямой политической зависимости Астаны от Анкары.

Кыргызстан демонстрирует радикально иную схему монетизации образовательных активов. Депрессивная местная экономика не способна самостоятельно генерировать престижные рабочие места. Диплом Кыргызско-Турецкого университета «Манас» выступает гарантированным пропуском к закрытым социальным лифтам. Показатель профильного трудоустройства выпускников данного вуза стабильно превышает 70% в первый год после защиты. Формируя кадровый резерв, Анкара получает рычаги управления ключевыми

отраслями. Выпускники факультета коммуникаций массово заполняют редакции региональных медиа, усиливая протурецкую информационную повестку внутри республики. Специалисты с турецким бэкграундом формируют основу линейного управленческого персонала для компаний ТР на золоторудных месторождениях. Академические инвестиции конструируют лояльность будущей кыргызской элиты, структурно привязывая ее финансовое благополучие к турецким экономическим проектам.

Политика Узбекистана перевела гуманитарное влияние в плоскость целенаправленной промышленной экспансии и масштабного тендерного лоббизма. Узбекские технократы, прошедшие обучение в Турции во время первой волны обменов 1990-х гг., при администрации Ш. Мирзиёева массово интегрировались во властные структуры. Мягкая сила на данном этапе конвертируется в крупные контракты на приватизацию. Выходцы из совместных академических программ целенаправленно заводят на внутренний рынок генерации электроэнергии корпорации уровня Cengiz Enerji и Aksa Energy. Наличие диплома инженера турецкого образца становится решающим фактором при выборе газовых турбин из ТР для проектирования новых теплоэлектростанций в Бухарской и Сырдарьинской областях. Лояльность руководящих кадров базируется на едином понимании технологических процессов. Республика структурно привязывает собственную критическую инфраструктуру к турецким подрядчикам. Влияние Анкары переходит в скрытую фазу, получая максимальную защиту от конъюнктурных политических колебаний.

Изоляция Туркменистана спровоцировала формирование масштабного теневого экономического симбиоза. Десятки тысяч туркменских студентов осели в стамбульских районах Фатих и Аксарай. Данная группа образовала прочную неформальную логистическую артерию. Физически отрезанная от легальных каналов политического влияния на родину молодежь монополизировала трафик

челночной торговли и параллельного импорта. Выпускники и отчисленные студенты стабильно снабжают закрытые туркменские рынки турецким текстилем, автозапчастями и медикаментами. Инструменты мягкой силы Анкары функционируют в этой среде вне прямого контроля официальных государственных институтов. Пребывание в условиях свободной рыночной экономики привело к созданию замкнутой транснациональной коммерческой сети. Финансовое выживание диаспоры напрямую зависит от строгого соблюдения миграционных и таможенных регламентов принимающей стороны.

Таджикистан представляет собой зону лимитированного, но точечного индустриального проникновения. Турецкие дипломы таджикских специалистов не выступают катализатором массовых политических движений. Данные академические активы обслуживают конкретные двусторонние производственные линии. Подготовка инженеров по правительственным квотам строго синхронизирована с реализацией промышленных проектов. Характерным примером служит запуск совместного предприятия по сборке турецких автобусов AKIA Avesto Automotive Industry в Душанбе. Ограниченные образовательные гранты демонстрируют высокую целевую эффективность. Ежегодно десятки выпускников занимают должности главных технологов и профильных переговорщиков на подобных предприятиях. Политическая лояльность персоязычного населения не является приоритетом для Турции. Анкара конструирует узкую прослойку лояльных технократов. Данная группа критически необходима для обеспечения бесперебойной работы турецкого промышленного оборудования и защиты прямых капиталовложений на периферии региона.

2.3 Культурно-гуманитарное измерение мягкой силы Турецкой Республики в Центральной Азии

Трансформация турецкой внешнеполитической парадигмы произошла на фоне системного кризиса архитектуры безопасности на Ближнем Востоке. Анкара дистанцировалась от жестких геополитических конструкций концепции «Стратегической глубины» А. Давутоглу. Исходя из прагматичных расчетов, администрация Р.Т. Эрдогана утвердила доктрину «Предприимчивой и гуманитарной внешней политики» (*Girişimci ve İnsani Dış Politika*). В официальный терминологический аппарат прочно вошел концепт гуманитарной дипломатии (*İnsani Diplomasi*). Государства Центральной Азии были концептуально закреплены в правительственных документах через категорию «Родственные общины» (*Akraba Topluluklar*). Данная формулировка выходит за рамки филологического нюанса: юридический статус «родственников» легитимизирует проникновение турецких институтов в информационное поле суверенных республик под эгидой внутрисемейной солидарности. Статистика подтверждает масштаб этих намерений: по итогам 2022 г. Турция выделила на официальную гуманитарную помощь 0,86% своего национального дохода, возглавив глобальный рейтинг доноров в соотношении с объемом национальной экономики¹⁶⁸.

Монополия на смыслопроизводство в регионе была делегирована государственным медиахолдингам. Телеканал «TRT Avaz» и информационное агентство «Anadolu» формируют консолидированную повестку, структурно отличающуюся от западных моделей нововещания. Турецкие редакции в Астане, Бишкеке и Ташкенте отошли от практики механического перевода

¹⁶⁸ Türkiye has always been the most charitable country [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. 2022. 27 July. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/turkiye-has-always-been-the-most-charitable-country/2646652> (дата обращения: 01.04.2026).

правительственных новостей. Их деятельность сфокусирована на адаптации локальных информационных поводов и их переформатировании в русле пантюркистского нарратива. В мае 2023 г. государственная телерадиокомпания TRT запустила глобальную цифровую платформу «Tabii», обеспечив пользователям из Центральной Азии мгновенный доступ к контенту с профессиональным переводом¹⁶⁹. В данном контексте журналистика выступает инструментом прямой синхронизации политических реакций, при котором освещение международных событий транслируется аудитории суверенных республик исключительно сквозь призму государственных интересов Турецкой Республики.

Степень проникновения этой идеологической конструкции неравномерна. Инструменты калибруются под каждую конкретную страну региона.

В Казахстане высокий уровень цифровизации национального медиарынка обусловил потребность в высокотехнологичных решениях со стороны Анкары. Агентство Anadolu заключило прямые меморандумы об обмене контентом с государственным медиахолдингом «Kazinform». Это позволило обеспечить бесшовную интеграцию турецкой повестки в казахстанские новостные ленты. Влияние мягкой силы на данном направлении носит подчеркнуто прагматичный характер и дистанцируется от имперского пафоса. Турецкие медиа целенаправленно формируют имидж своей страны как равноправного технологического партнера и донора. Подобная стратегия демонстрирует высокую эффективность: в информационном пространстве Казахстана турецкий вектор пользуется высоким уровнем доверия, что генерирует устойчивую

¹⁶⁹ Akaydin Aydın A. TRT's International Digital Platform “Tabii” and Transmission of Turkish Culture Through TV Series [Электронный ресурс] / A. Akaydin Aydın // Examining Cultural Influences on Media, Technology, and Narratives. Hershey: IGI Global, 2025. P. 118–142. DOI: 10.4018/979-8-3373-1957-5.ch006. URL: <https://www.igi-global.com/chapter/trts-international-digital-platform-tabii-and-transmission-of-turkish-culture-through-tv-series/382525> (дата обращения: 01.04.2026).

общественную поддержку инициативам Организации тюркских государств (ОТГ).

Транзит политической власти в Узбекистане предоставил турецким медиаструктурам доступ к ранее закрытому рынку. Информационная экспансия реализуется преимущественно через механизмы масштабной копродукции. Показательным примером служит премьера в 2021 г. совместного исторического сериала «Я – Джалалиддин» (Mendirman Jaloliddin), реализованного турецким продюсером Мехметом Боздагом при прямой поддержке правительства Узбекистана. Эффективность турецкой мягкой силы в республике продемонстрировала беспрецедентный рост. В краткосрочной перспективе Анкаре удалось полностью нивелировать негативные последствия двадцатилетнего периода дипломатического охлаждения. Исторические симпатии узбекского общества были оперативно конвертированы в лояльность по отношению к современному внешнеполитическому курсу Турции.

Институциональная слабость национальных государственных медиаинститутов делает Кыргызстан наиболее уязвимым для внешних информационных интервенций. Журналисты агентства Anadolu непосредственно интегрированы во внутривнутриполитические процессы республики. В период кыргызско-таджикских пограничных конфликтов турецкие государственные СМИ активно транслировали исключительно позицию Бишкека. Данная медийная поддержка была четко синхронизирована с поставками ударных беспилотных летательных аппаратов Bayraktar TB2¹⁷⁰. Турецкая информационная кампания успешно закрепила в массовом сознании кыргызстанцев образ Анкары как ключевого и надежного военно-политического союзника.

¹⁷⁰ Kyrgyzstan becomes latest buyer of Turkish combat drones [Electronic resource] // Daily Sabah. 2021. 22 October. URL: <https://www.dailysabah.com/business/defense/kyrgyzstan-becomes-latest-buyer-of-turkish-combat-drones> (дата обращения: 01.04.2026).

В Туркменистане внутреннее информационное пространство остается максимально изолированным. Доступ турецкого контента жестко регламентируется государственным аппаратом. Трансляция программ телеканала «TRT Avaz» официально разрешена, однако эфирная сетка подвергается строгой локальной цензуре. Допустимый контент ограничивается музыкальными, кулинарными и нейтральными историческими передачами. Политическая журналистика Анкары полностью лишена доступа к туркменской аудитории. Следовательно, эффективность турецкого влияния сохраняется на уровне фоновой культурной симпатии, не обладая потенциалом для трансформации в инструмент формирования внутривнутриполитической повестки.

Таджикистан, будучи единственным персоязычным государством региона, выпадает из стандартной парадигмы тюркоязычного братства. Анкара была вынуждена концептуально адаптировать свой подход специально для Душанбе. Взамен лингвистической общности турецкие медиа продвигают концепт «гуманитарной дипломатии» (*İnsani Diplomasi*) с выраженным акцентом на исламскую солидарность. Информационные сюжеты турецких СМИ, посвященные Таджикистану, преимущественно фокусируются на открытии гуманитарных инфраструктурных объектов. Общий уровень медийного присутствия ТР остается крайне низким. Эффективность турецкой мягкой силы в республике носит исключительно точечный характер и ограничивается формированием лояльности среди узкой консервативно-религиозной прослойки населения.

Институциональная архитектура Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) претерпела кардинальную трансформацию своего функционала за последнее десятилетие. Организация традиционных фольклорных фестивалей уступила место жесткой координации гуманитарной политики государств-членов. В современных реалиях Анкара целенаправленно использует штаб-квартиру организации и аффилированную Тюркскую академию

в качестве легитимных инструментов для планомерного демонтажа советского лингвистического и культурного наследия в регионе.

9–11 сентября 2024 г. в Баку прошел процесс формализации отказа региона от кириллицы. Комиссия Организации тюркских государств утвердила проект Единого тюркского алфавита. Документ содержит 34 буквы на основе латинской графики. Эта структура напрямую копирует турецкую фонетическую матрицу¹⁷¹. Подписи под соглашением поставили лингвисты всех тюркоязычных стран Центральной Азии. Турция получила легитимный механизм для ускорения языковых реформ. Законодательная смена графики физически изолирует новые поколения местных элит от российской базы знаний. Происходит автоматическая переориентация на академические и медийные стандарты Анкары.

Администрация президента Казахстана запустила процедуру латинизации еще в 2017 г. Процесс сразу затормозился. Возникли затяжные споры технических специалистов вокруг использования диграфов и апострофов. За пять лет профильные ведомства сменили три черновых варианта графики. Осеннее утверждение единого стандарта в 2024 г. предоставило властям готовый наднациональный шаблон и сняло внутреннее напряжение¹⁷². Эффективность турецкой мягкой силы здесь достигает высоких значений. Анкара заняла позицию институционального модератора, избегая роли прямого диктатора реформы. В Алматы и Астане латиница стремительно вытесняет кириллицу в городской

¹⁷¹ Почта Ю.М., Гузаеров Р.И. Латинизация языка под руководством Турции как инструмент формирования новой идентичности для тюркских постсоветских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26, № 1. С. 143–154. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-143-154. URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/38675> (дата обращения 03.04.2026)

¹⁷² Бертоло Ф., Сафронова Л., Муратказин М. Переход казахского языка на латиницу: исторический и социокультурный вектор // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. 2025. № 4(87). DOI: 10.51889/2959-6017.2025.87.4.016. URL: <https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/2403> (дата обращения: 04.04.2026).

навигации. Государственные СМИ системно внедряют турецкие заимствования для замены русских политических или технических терминов.

Переход узбекской письменности на латиницу юридически состоялся в 1993 г. Десятилетиями в стране сохранялось параллельное использование кириллицы из-за издержек выбранной графики. Ситуация кардинально изменилась в 2021 г. Правительство директивно обновило правила. Изменилось написание четырех букв для максимального приближения к нормам Турции¹⁷³. Присоединение узбекской делегации к бакинскому консенсусу финализировало этот процесс. Влияние Анкары на языковую среду Узбекистана стало необратимым. Образовательные учреждения используют турецкие материалы без дополнительной графической адаптации. Финансовые затраты Турции на экспорт идеологического контента сократились практически до нуля.

Законодательство Кыргызстана пока сохраняет доминирующие позиции кириллицы. Статус русского языка как официального зафиксирован в Конституции республики. Инициативы депутатов Жогорку Кенеша по переходу на латиницу в 2022 и 2023 гг. жестко блокировались аппаратом президента. Руководство страны избегает резких шагов из-за рисков политической реакции Москвы. Подписание кыргызскими делегатами проекта Единого тюркского алфавита фиксирует тактический успех структур ТЮРКСОЙ. Эффективность лингвистической политики Турции в республике пока минимальна. Инструмент используется исключительно как механизм отложенного давления. Анкара сосредотачивает усилия на формировании лояльного ядра внутри кыргызской научной интеллигенции для подготовки базы под будущий графический транзит.

Туркменские власти реализовали латинизацию административным путем в начале 1990-х гг. Широкое общественное обсуждение не проводилось. Разработчики конструировали туркменский алфавит на базе турецкого стандарта.

¹⁷³ Худайбергенова У. К. Реформа алфавита в Узбекистане: история, вызовы и перспективы // Многоязычие в образовательном пространстве. 2025. Т. 17. № 1. С. 40–47.

Отличия касались лишь нескольких специфических фонем. Участие Ашхабада в унификации 2024 г. носило номинальный характер. Трансляция турецкой мягкой силы через язык работает максимально глубоко на структурном уровне, но упирается в закрытость местного политического режима. Идентичность графики позволяет гражданам свободно потреблять турецкий контент. Жесткая государственная цензура информационного поля лишает Анкару возможности конвертировать эту лингвистическую близость во внутривнутриполитическое влияние.

Реализация политики мягкой силы Турции сопровождается изменением историографической базы региона. Национальные образовательные стандарты постсоветских государств постепенно дополняются транснациональным пантюркским компонентом. Финансовые потоки направляются на целевую реставрацию объектов исторического наследия. Восстановление архитектурных сооружений обеспечивает интеграцию стран региона в общую историко-культурную систему координат с административным центром в Турецкой Республике. Институциональным инструментом выступает Международная тюркская академия. Разработанный учебник «Общая тюркская история» (Ortak Türk Tarihi) унифицирует разрозненные территориальные концепции государств Центральной Азии¹⁷⁴.

Интеграция турецких концептов на территории Республики Казахстан осуществляется за счет инвестиций в инфраструктуру города Туркестан. Реставрация мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави сопровождалась поэтапным политическим закреплением нового статуса локации. Весной 2021 г. прошел неформальный саммит Тюркского совета. Итоговая официальная декларация глав государств зафиксировала статус Туркестана как духовной столицы тюркского мира. Государственный аппарат Казахстана использует фигуру Ясави для

¹⁷⁴ Учебники «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература», «География тюркского мира» [Электронный ресурс] // Türk Akademisi / Turkic Academy. 2023. 20 October. URL: <https://turkicacademy.org/ru/proekt/uchebniki-obshchaya-tyurkskaya-istoriya-obshchaya-tyurkskaya-literatura-geografiya-tyurkskogo-mira> (дата обращения: 04.04.2026).

реализации собственных идеологических задач. Совпадение интересов позволяет профильным ведомствам избегать прямых административных конфликтов. Факультативное преподавание курса общей истории для учащихся 8-х классов переводит внешнеполитическое влияние Анкары в нормативно-образовательную плоскость.

Нормативно-правовая и образовательная база Республики Узбекистан выстроена вокруг исторического наследия империи Амира Тимура. Сражение 1402 г. при Анкаре между армиями Тимура и Баязида I выступает ограничительным фактором для пантюркской интеграции. Турецкие государственные структуры изменили стратегию взаимодействия с официальным Ташкентом. Ключевым проектом стало финансирование реконструкции комплекса Имама аль-Бухари вблизи Самарканда. Фокус двустороннего сотрудничества смещен с военно-политической истории на академический ислам. Инструменты мягкой силы реализуются исключительно через взаимодействие с суфийским тарикатом Накшбандия. Узбекская сторона сохраняет жесткий контроль над историческим дискурсом. Деятельность турецких организаций лимитирована статусом технических подрядчиков по реставрации. Данный формат исключает возможность прямого влияния на формирование государственной идентичности Узбекистана.

Отсутствие масштабных средневековых объектов на территории Кыргызской Республики компенсируется работой с литературным фондом. Общими историческими маркерами назначены эпос «Манас» и произведения Чингиза Айтматова. Ассимиляция местных концептов включает физическую визуализацию объектов. 31 августа 2021 г. на территории муниципалитета Анкары состоялось официальное открытие монумента герою эпоса Манасу¹⁷⁵.

¹⁷⁵ Turkic Council attended the opening ceremony of the monument for “Er Manas” in Ankara [Электронный ресурс] // Организация тюркских государств. 2021. 31 августа. URL: <https://www.turkicstates.org/en/news/turkic-council-attended-the-opening-ceremony-of-the-monument-for-er-manas-in-ankara> (дата обращения: 04.04.2026).

Подобные мероприятия переводят кыргызское национальное наследие в категорию общетюркских активов. Администрация в Бишкеке поддерживает культурные обмены на официальном уровне. Проникновение иностранных образовательных модулей в государственные учебные заведения строго регламентируется министерствами. Текущее влияние Турецкой Республики ограничивается протокольными взаимодействиями политических элит без системного охвата образовательного сектора Кыргызстана.

Государственный аппарат Туркменистана официально базирует этногенез нации на происхождении от огузских племен. Турецкая Республика использует этот факт для формирования совместной исторической платформы. Инвестиции в реставрацию мавзолея султана Санджара на территории древнего Мерва обеспечили архитектурное присутствие Анкары. Сельджукские памятники переведены в юридический статус совместного достояния. Ашхабад применяет данный аргумент строго для внешней дипломатической легитимации. Протокольные контакты фиксируют формальное согласие сторон. Национальные службы безопасности Туркменистана при этом жестко пресекают распространение идей пантюркизма внутри страны. Политика мягкой силы лишена физических каналов для социальной мобилизации туркменского населения.

Иранская лингвокультурная специфика исключает интеграцию Республики Таджикистан в проект «Великого Турана». Национальная историография Душанбе выстроена строго вокруг государственности Саманидов. Государственные структуры планомерно ликвидируют оставшуюся тюркскую топонимику в рамках административных реформ. Взаимодействие сторон сужено до совместного контроля над одиночными суфийскими объектами. Турецкая культурная дипломатия базируется на биографии философа Джалаладдина Руми. Ученый родился в границах исторической Бактрии. Захоронение находится в турецком городе Конья. Этот исторический объект остается единственным

функционирующим каналом межгосударственной памяти¹⁷⁶. Элита Таджикистана непреклонно блокирует попытки иностранной ревизии истории Центральной Азии. Эффективность пантюркских нарративов равна нулю. Инструментарий мягкой силы Анкары локализован вокруг точечных религиозных маркеров. Институциональные перспективы идеологического расширения полностью отсутствуют.

Управление спортивно-массовыми проектами позволяет Анкаре контролировать кочевнический дискурс в регионе. Оседлое государство взяло на себя прямое администрирование концепции неономадизма. Штаб-квартира Всемирной конфедерации этноспорта (WEC) официально зарегистрирована в Стамбуле. Руководящий пост занимает Неджмеддин Билал Эрдоган¹⁷⁷. Турецкие профильные ведомства осуществили управленческий перехват Всемирных игр кочевников. Первые три турнира состоялись на побережье Иссык-Куля за счет ресурсов государственного бюджета Кыргызстана. Четвертые соревнования прошли осенью 2022 г. в турецком муниципалитете Изник. Правительство Турции профинансировало мероприятие в полном объеме. Турнир зарегистрировал официальное участие свыше 3000 спортсменов из 102 стран¹⁷⁸. Вложенный финансовый ресурс трансформировал локальный среднеазиатский фестиваль в международную структуру. Традиционные спортивные дисциплины выведены из-под контроля национальных федераций. Их интеграция под

¹⁷⁶ Perspectives of Tajik-Turkish relations in the field of culture discussed in Dushanbe [Электронный ресурс] // Khovar. 2017. 23 June. URL: <https://eng.khovar.tj/2017/06/perspectives-of-tajik-turkish-relations-in-the-field-of-culture-discussed-in-dushanbe/> (дата обращения: 04.04.2026).

¹⁷⁷ SALTO-YOUTH. Dünya Etnospor Konfederasyonu [World Ethnosport Confederation] [Электронный ресурс] // SALTO-YOUTH. URL: <https://www.salto-youth.net/tools/otlas-partner-finding/organisation/duenya-etnospor-konfederasyonu-world-ethnosport-confederation.18810> (дата обращения: 04.04.2026).

¹⁷⁸ IV Всемирные игры кочевников завершились церемонией закрытия, подготовленной ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] // TURKSOY. 2022. 3 October. URL: <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/iv-vsemirnye-igry-kochevnikov-zavershilis-ceremoniej-zakrytiya-podgotovlennoj-tyurksoj> (дата обращения: 04.04.2026).

управление турецких институтов формирует наднациональную лояльность целевых групп.

Республика Казахстан обладает достаточным финансовым ресурсом для самостоятельного проведения масштабных этноспортивных мероприятий. В сентябре 2024 г. Астана организовала Пятые Всемирные игры кочевников. Объем государственного финансирования турнира составил 5,7 млрд тенге¹⁷⁹. Инструментарий мягкой силы Турции в этой ситуации ограничен. Происходит лишь частичная интеграция профильных казахстанских спортивных федераций в административный аппарат Всемирной конфедерации этноспорта (WEC). Взаимодействие государств носит паритетный характер. Казахстанский правительственный сектор эксплуатирует инфраструктуру соревнований для международной презентации собственной национальной концепции «Великой степи». Организационное присутствие турецкой стороны фиксируется на высоком уровне. Прямая идеологическая субординация Астаны при этом полностью отсутствует.

Интеграция Республики Узбекистан в общетюркские спортивные структуры потребовала кардинального изменения государственной риторики. Ранее Ташкент жестко дистанцировался от кочевнического исторического дискурса. Переломным этапом стало официальное присоединение страны к Организации тюркских государств. Турецкие функционеры Всемирной конфедерации этноспорта внедрили узбекскую национальную борьбу «кураш» в регламент международных турниров. Это дало измеримый результат. На Четвертых играх кочевников в Изнике (2022 год) сборная Узбекистана завоевала значительное количество призовых мест. Этноспортивная дипломатия зафиксировала высокую политическую результативность. Спортивные

¹⁷⁹ Смирнова Г. Н. Кипрушина И. И., Пугачев И. Ю. Перспективные предикторы реализации V Всемирных игр кочевников Астана-2024 в развитии национальных и технических видов спорта // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2024. Т. 19, № 4. С. 326–330.

мероприятия выступают функциональной платформой для сближения оседлой и кочевой исторических идентичностей. Узбекский административный аппарат планомерно вовлекается в пантюркские проекты без открытого сопротивления.

Дефицит бюджетных средств вынудил Кыргызстан отказаться от суверенных прав на Всемирные игры кочевников. После 2018 г. юридический и организационный контроль над турниром перешел к турецким структурам. Соревнования в турецком Изнике спровоцировали аппаратный и общественный конфликт. Турецкие организаторы в одностороннем порядке модифицировали технический регламент традиционной кыргызской игры «кок-бору»¹⁸⁰. Изменения были продиктованы исключительно стандартами телевизионного вещания. Иностранное финансирование физически сохранило международный статус проекта. Однако административный диктат Анкары вызвал протесты со стороны кыргызских профильных федераций. Механизм мягкой силы опирается здесь строго на финансовую зависимость Бишкека. Главным распорядителем национального спортивного бренда Кыргызстана официально стал Стамбул.

Правительство Туркменистана регламентирует участие национальных спортивных делегаций в проектах WEC по жесткому нормативному принципу. Выезд атлетов на зарубежные соревнования контролируется профильными государственными ведомствами. Контакты строго дозированы. Ашхабад эксплуатирует международные площадки только для презентации ахалтекинской породы лошадей и национальной борьбы «гореш». Прямой доступ турецких спортивных менеджеров к инфраструктуре Туркменистана заблокирован на государственном уровне. Практическая реализация мягкой силы Анкары имеет нулевой социальный эффект. Протокольные взаимодействия на аренах не трансформируются в общественные связи. Туркменское руководство привлекает

¹⁸⁰ The greatest games on earth -and in space [Электронный ресурс] // Hyphen. 2024. 19 September. URL: <https://hyphenonline.com/2024/09/19/world-nomad-games-the-greatest-games-on-earth-and-in-space/> (дата обращения: 04.04.2026).

ресурсы пантюркских этноспортивных проектов сугубо для внешней легитимации действующего политического режима.

Лингвокультурная специфика персоязычного Таджикистана исключает его полноценную интеграцию в идеологический конструкт неонамадизма. Участие спортивных делегаций республики в дисциплинах «гуштингири» и «бузкаши» (национальные аналоги игры с тушей козла) регламентируется исключительно необходимостью поддержания паритетного статуса на региональных аренах. Попытки аппарата Всемирной конфедерации этноспорта внедрить общетюркский нарратив сталкиваются с концептуальным сопротивлением. Инструментарий мягкой силы на данном направлении не достигает целевых показателей. Взаимодействие профильных ведомств локализовано строго в рамках физических состязаний. Таджикские атлеты классифицируют турниры WEC как стандартные международные чемпионаты, полностью игнорируя интеграционные установки Анкары.

Экспорт турецкого телевизионного контента формата «dizi» функционирует как высокорентабельный механизм социального инжиниринга. Финансовые поступления от реализации прав на трансляции исчисляются сотнями миллионов долларов. Коммерческая выгода дополняется долгосрочным социокультурным программированием зарубежных аудиторий. Ротация современных мелодрам унифицирует региональные стандарты за счет массовой интеграции турецких интерьерных, гастрономических и текстильных решений в бытовые практики. Производство исторических сериалов решает иные задачи государственного уровня. Целевым группам транслируются пантюркистские идеологемы с визуальным закреплением за Анатолией статуса цивилизационного ядра. Степень проникновения данного продукта на рынки Центральной Азии напрямую лимитируется политической конъюнктурой каждого отдельного государства.

Рынок телевизионного вещания Республики Узбекистан прошел стадию радикальной нормативно-правовой перестройки. В 2012 г. администрация Ислама Каримова заблокировала эфирную ротацию турецких медиапроектов по причине идеологических разногласий. Смена правительственного курса инициировала запуск масштабной телевизионной копродукции. В феврале 2021 г. в сетке телеканала Milliyy TV состоялся релиз исторического сериала «Я – Джалалиддин» (Mendirman Jaloliddin)¹⁸¹. Реализацию проекта курировал создатель франшизы «Воскресший Эртугрул» Мехмет Боздаг. Биография хорезмского героя была алгоритмизирована под турецкий кинематографический стандарт. Инструменты аудиовизуальной мягкой силы обеспечили синхронизацию исторической памяти узбекского населения с анатолийскими концептами. У молодежной аудитории формируется устойчивый стереотип: производство качественного национального эпоса требует обязательного технологического партнерства с турецкими киностудиями.

Медиахолдинги Казахстана осуществляют регулярные закупки лицензий на трансляцию зарубежных сериалов. Процедура обязательного дубляжа контента для государственных и частных телеканалов (Qazaqstan, Astana TV) форсирует внедрение иностранных моделей в локальную казахскоязычную среду. Статистика просмотров фиксирует стабильное доминирование исторической драмы «Основание: Осман» (Kuruluş Osman) в прайм-тайм. Потребление развлекательных форматов конвертируется в экономические показатели. Растет потребительский спрос на продукцию турецких брендов одежды, мебельных фабрик и медицинский туризм. Прагматичный вектор телевизионной экспансии обеспечивает выполнение поставленных задач. Аудиовизуальный продукт продвигает не столько глобальную идеологию, сколько социально

¹⁸¹ V series on the life of Jalaluddin Khwarazmshah goes on air [Электронный ресурс] // Geo TV. 2021. 17 February. URL: <https://www.geo.tv/latest/335462-tv-series-on-the-life-of-jalaluddin-khwarazmshah-goes-on-air> (дата обращения: 04.04.2026).

привлекательную модель технологичного, светского государства с сохраненными традиционными институтами. Предлагаемая матрица полностью удовлетворяет запросы формирующегося среднего класса Республики Казахстан.

Дефицит государственного бюджета в медийном секторе Кыргызской Республики стимулирует массовые закупки зарубежного телевизионного контента. Главная телерадиовещательная корпорация страны (КТРК) регулярно заполняет сетку прайм-тайма многосерийной продукцией турецкого производства. Аудиовизуальные инструменты мягкой силы напрямую корректируют демографические процессы. Органы ЗАГС в региональных центрах фиксируют устойчивый рост количества новорожденных, получающих имена популярных турецких экранных персонажей. Трансляция консервативно-исламских моделей поведения вступает в административный конфликт. Этот вектор противоречит нормативным светским установкам официального Бишкека. Информационная политика Анкары формирует лояльную целевую аудиторию, которая начинает проецировать кинематографические образы исторических султанов на действующих политических лидеров Турции.

Нормативно-правовая база Туркменистана предусматривает жесткую цензуру телевизионного вещания с полной блокировкой иностранных форматов. Население массово обходит государственные ограничения. Граждане устанавливают недорогие частные антенны для прямого приема сигнала с турецкого спутника «Türksat». Лингвистическая близость языков огузской группы позволяет туркменской аудитории потреблять телевизионный продукт без технического перевода и потери изначального смысла. Визуализация турецких мегаполисов генерирует у зрителей запрос на социальную мобильность. Механизмы мягкой силы не способны скорректировать закрытый внешнеполитический курс Ашхабада. Политическое влияние полностью заблокировано государством. Однако медиапродукция успешно управляет демографическими потоками, прочно закрепляя за Турецкой Республикой статус

приоритетного маршрута для трудовой миграции населения. Образ Стамбула на экранах прочно ассоциируется с недостижимой социальной мобильностью и экономическим благополучием¹⁸².

Аудитория Республики Таджикистан отторгает историко-политические нарративы турецкого кинематографа из-за принадлежности государства к иранской языковой группе. Дистрибьюторы закупают преимущественно современные бытовые мелодрамы. Доставка контента потребителю идет через трансляции в русском дубляже. Также активно задействуются иранские спутниковые сети формата «GEM TV» с прямым переводом материалов на фарси. Военные эпопеи о государстве Сельджуков лишены идеологического резонанса. Реализация политики мягкой силы ограничивается исключительно товарно-коммерческим сектором. Аудиовизуальные проекты обеспечивают стабильный импорт турецких стандартов исламской одежды и внедряют регламенты халяльной индустрии в таджикское общество. Институциональные инструменты для перевода сформированного потребительского спроса в геополитическую лояльность Душанбе к пантюркским инициативам отсутствуют.

Механизмы экстренного гуманитарного реагирования Турецкой Республики напрямую интегрированы во внешнеполитический контур. Управление по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (AFAD) и Турецкий Красный Полумесяц (Türk Kızılay) выполняют функции операторов политики мягкой силы. Правительственный аппарат Анкары применяет ликвидацию последствий катастроф и эпидемий для реализации концепции «государства-покровителя» (Hamili Devlet). Стандартная терминология международных организаций при оказании помощи заменяется турецкими ведомствами на формулировку «Kardeşlik Görevi» (братский долг).

¹⁸² Türk F., Karakuzu T., Özdemir A., Limon İ. Yumuşak Güç Bağlamında Orta Asya'da Türk Dizileri ve TRT Kurumunun Rolü [Электронный ресурс] / F. Türk, T. Karakuzu, A. Özdemir, İ. Limon // Elektronik Siyaset bilimi araştırmaları Dergisi. 2023. Cilt 14, Sayı 26. S. 1–28. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=1108990> (дата обращения: 04.04.2026).

Утвержденный лексикон позиционирует гуманитарное вмешательство как регламентную поддержку равных партнеров. В период первой волны распространения COVID-19 логистика медицинских грузов осуществлялась бортами A400M ВВС Турции в 156 государствах. Транзитные коридоры для республик Центральной Азии функционировали по приоритетному протоколу с задействованием квот президентского резерва¹⁸³. Оценка результативности экстренной дипломатии формируется на основе дифференцированного анализа по каждой стране региона.

Техногенная авария 1 мая 2020 г. на Сардобинском водохранилище в Республике Узбекистан потребовала немедленной эвакуации 70 тыс. жителей затопленных территорий¹⁸⁴. Структуры AFAD и TİKA развернули координационные центры в Сырдарьинской области ровно за 48 часов с момента прорыва плотины. Оперативность выстраивания логистических цепочек турецкими ведомствами превзошла скорость реакции локального административного аппарата. Физическое присутствие профильных специалистов в зоне бедствия обеспечило прямую визуализацию турецкой мягкой силы. Восстановление инфраструктурных объектов сопровождалось целенаправленной коммуникацией с пострадавшими гражданами. Проведенная гуманитарная операция сформировала устойчивое восприятие Анкары как приоритетного союзника среди уязвимых групп сельского населения.

Вооруженные конфликты весны 2021 и осени 2022 гг. в Баткенской области на кыргызско-таджикской границе сопровождались выводом 130 тыс. мирных граждан из зоны боевых действий. Турецкий Красный Полумесяц

¹⁸³ Turkey's COVID-19 Diplomacy in Central Asia [Электронный ресурс] // The Diplomat. 2020. 19 August. URL: <https://thediplomat.com/2020/08/turkeys-covid-19-diplomacy-in-central-asia/> (дата обращения: 04.04.2026).

¹⁸⁴ The Diplomat. 70,000 Evacuated After Breach in Uzbek Dam, Investigation Into Failure Launched [Electronic resource] // The Diplomat. 2020. 4 May. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/70000-evacuated-after-breach-in-uzbek-dam-investigation-into-failure-launched/> (дата обращения: 04.04.2026)

организовал поставки многоместных палаток и медикаментов в одностороннем порядке, направив транши исключительно кыргызской стороне¹⁸⁵. Администрация AFAD использовала этот кризисный трек для институциональной поддержки правительства в Бишкеке. Избирательность экстренной помощи зафиксировала статус Турции как главного международного донора республики в период обострения конфликта. Механизмы мягкой силы охватили широкие социальные слои через раздачу продовольствия и предметов первой необходимости. Подобная адресная доставка грузов интерпретируется кыргызским обществом как материальное подтверждение неформальных гарантий безопасности в рамках профильных структур тюркской интеграции.

Правительство Республики Казахстан поддерживает строго паритетный формат взаимодействия с турецкими экстренными ведомствами. Весенние паводки 2024 г. затопили более 10 тыс. жилых объектов в северных и западных регионах страны. Логистическая реакция Анкары последовала незамедлительно. Борта военно-транспортной авиации доставили 50 тонн специализированного груза, включающего промышленные помпы, генераторы и многоместные палатки¹⁸⁶. Операция была официально регламентирована под эгидой Организации тюркских государств. Дипломатический корпус попытался интегрировать техническую поставку оборудования в концепцию исторического долга. Однако объем национальной экономики позволяет Астане жестко лимитировать любые формы внешнего патронажа. Институциональная эффективность турецкой гуманитарной миссии фиксируется исключительно в транспортно-логистическом сегменте. Присутствие структур AFAD не

¹⁸⁵ Anadolu Ajansı. Turkish Red Crescent to aid Kyrgyzstan after border clashes [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. 2021. 11 мая. URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkey/turkish-red-crescent-to-aid-kyrgyzstan-after-border-clashes/2236506> (дата обращения: 04.04.2026).

¹⁸⁶ The Astana Times. International Support Flows to Kazakhstan Amid Devastating Floods [Электронный ресурс] // The Astana Times. 2024. 17 April. URL: <https://astanatimes.com/2024/04/international-support-flows-to-kazakhstan-amid-devastating-floods/> (дата обращения: 04.04.2026).

конвертируется в политическое доминирование. Инструменты мягкой силы блокируются информационной политикой местных медиа, которые классифицируют передачу техники как стандартную межгосударственную помощь без идеологической подоплеки.

Лингвистическая специфика персоязычного населения Таджикистана вынуждает турецкие фонды корректировать операционные протоколы. Риторика тюркской интеграции полностью исключается из официальных коммуникаций. Управление AFAD и Турецкий Красный Полумесяц выстраивают работу на базе универсальных исламских концептов. География природных катастроф напрямую определяет зоны технического вмешательства. Горно-Бадахшанская автономная область подвержена регулярным сходам разрушительных селей и требует постоянного обновления инфраструктуры здравоохранения. В апреле 2023 года медицинские учреждения региона получили целевое оборудование на сумму 497 тысяч долларов¹⁸⁷. Финансирование выделялось правительством Таджикистана, однако данный сектор планомерно подготавливается под программы международного сотрудничества профильных турецких организаций. Нормативная база Душанбе жестко регламентирует потоки внешних инвестиций. Информационное освещение гуманитарных поставок сведено к техническим отчетам. Инструментарий мягкой силы лишен институциональной возможности для идеологического расширения. Государственный аппарат принимает медикаменты через процедуру подписания накладных на уровне министерств, полностью блокируя прямой контакт иностранных фондов с местным населением.

Нормативно-правовая база Туркменистана полностью исключает реализацию классических механизмов дипломатии катастроф. Государственная

¹⁸⁷ Горный Бадахшан получил мобильное эпидемиологическое оборудование на \$497 тысяч [Электронный ресурс] // СНГ ТОДНЯ. 2023. 17 апр. URL: <https://sng.today/dushanbe/29116-gornyj-badashan-poluchil-mobilnoe-jepidemiologicheskoe-oborudovanie-na-497-tysjach.html> (дата обращения: 20.04.2026).

доктрина официально не признает наличие внутренних кризисных ситуаций. Во время глобальной пандемии коронавирусной инфекции правительство в Ашхабаде отрицало факт распространения заболевания и ограничило доступ международных медицинских миссий. Турецкий административный аппарат был вынужден использовать альтернативные логистические цепочки. Крупные партии средств индивидуальной защиты и медикаментов юридически переоформлялись как стандартные коммерческие закупки Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Туркменистана. Поставщики неукоснительно соблюдали требования местного нормативного режима. Институциональные логотипы благотворительных организаций в обязательном порядке демонтировались с транспортируемых грузов. Законодательный запрет на деятельность зарубежных спасательных структур внутри страны обнуляет политическую результативность подобных контактов. Специальные ведомства контролируют все внешние коммуникации. Продвижение турецкой мягкой силы через экстренный менеджмент физически заблокировано. Правительство централизованно аккумулирует поступающие ресурсы, сохраняя абсолютную административную монополию на управление системой здравоохранения.

Министерство культуры и туризма Турецкой Республики администрирует профильную грантовую программу TEDA. Проект официально функционирует с 2005 года. Данный институциональный механизм обеспечивает прямое целевое финансирование зарубежных издательств для перевода национальной литературы. Правительственный аппарат целенаправленно переносит финансовый фокус с массового телевизионного вещания на академическую среду. Подобное перераспределение государственных ресурсов решает задачу внедрения турецких политологических концептов в оборот профильных ведомств Центральной Азии. Политика мягкой силы получает инструменты для прямого воздействия на интеллектуальные центры.

Издательский сектор Республики Казахстан планомерно осваивает выделенные квоты по линии программы TEDA. Налажен выпуск крупных тиражей переведенных трудов турецких историков, включая монографии И. Ортайлы. В 2022 г. на Евразийской международной книжной выставке в Астане турецкий павильон презентовал переводы концептуальных работ по геополитике, предлагая казахской интеллигенции альтернативу российским евразийским концепциям¹⁸⁸.

Местные исследовательские структуры начали системно опираться на турецкую методологию при составлении внутриведомственных аналитических отчетов. Статистика цитируемости регистрирует увеличение доли ссылок на анатолийские источники среди казахских специалистов по международным отношениям. Взаимодействие расширяется на культурный сектор через аппарат Международной организации ТЮРКСОЙ. Проведение театральных фестивалей на сценах Алматы и Астаны обеспечивает включение турецкой драматургии в утвержденные репертуарные планы государственных учреждений.

До 2016 года импорт турецкой академической литературы в Республику Узбекистан блокировался внутренними административными регламентами. Изменение внешнеполитической доктрины Ташкента сняло ограничения на работу в издательской отрасли. Выставочные стенды на площадке «Tashkent Book Fest» формируются преимущественно из исторической документалистики и научных исследований. Текущая нехватка квалифицированных переводчиков технической прозы компенсируется профильными стажировками. В марте 2023 г. на территории Стамбула заработала «Турецко-узбекская литературная переводческая мастерская». Практика совместного производства реализуется и на региональных театральных площадках. Хорезмский областной театр драмы в

¹⁸⁸ Жигульская Д.В., Цветкова А.С. Центральная Азия и Южный Кавказ в евразийской интеграции Турции [Текст] // Ближний и Постсоветский Восток. 2025. № 1 (9). С. 20-29. DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.03. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/784373962/> (дата обращения: 04.04.2026).

2021 г. выпустил спектакль о полководце Джелаладдине Мангуберди с обязательным привлечением группы турецких режиссеров. Адаптация архивных материалов происходит по заранее согласованным лекалам.

Нормативная база академического сотрудничества с Кыргызской Республикой опирается на деятельность совместных образовательных учреждений. Базовым оператором программы выступает издательский центр Кыргызско-Турецкого университета «Манас». Организация переводит специализированные экономические учебники и юридическую документацию для обеспечения учебного процесса в местных университетах. Турецкая сторона активно интегрирует свои ресурсы в повестку Иссык-Кульского форума имени Чингиза Айтматова. Признавая Айтматова классиком турецкой литературы и издавая его труды миллионными тиражами в Турции, Анкара формирует у кыргызской интеллигенции чувство равноправного интеллектуального¹⁸⁹. Такие финансовые вливания выравнивают статус сторон в двустороннем интеллектуальном диалоге. Использование переводной методологической базы в профильных вузах закрепляет зависимость кыргызской образовательной системы от иностранных учебных стандартов. Реализуемая политика мягкой силы приобретает стратегический долгосрочный характер. Трансляция правовых и экономических нормативов перестает зависеть от любых изменений политического руководства страны.

Административно-правовой режим Туркменистана регламентирует жесткие ограничения на импорт зарубежной политологической литературы. Турецкий дипломатический корпус перевел фокус целевых программ на деполитизированный культурный сектор. Инструменты мягкой силы применяются строго локально. В 2024 г. государственные институты Анкары

¹⁸⁹ Küçük K., Ünal U., Bekturgan Kızı T., Köçörbay Uulu S. Chyngyz Aitmatov's Works As a Soft Power Element of the Turkic World [Электронный ресурс] // MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2024. Cilt 13, Sayı 4. S. 1349-1363. DOI: 10.33206/mjss.1490464. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-cite-file/1490464/type/6> (дата обращения: 04.04.2026).

организовали цикл научных симпозиумов и профинансировали перевод произведений к 300-летию туркменского поэта Махтумкули Фраги. Встречным шагом официального Ашхабада стало выданное разрешение на публикацию антологии турецкого мистика Юнуса Эмре. Подобный формат взаимодействия обеспечивает стабильный контакт с местной номенклатурой. Результативность двусторонних проектов оценивается через физическое присутствие разрешенного контента в контролируемом информационном поле. Академический обмен фиксирует консенсус правительственных элит без масштабирования программ на массовую аудиторию.

Лингвистическая специфика Республики Таджикистан блокирует использование пантюркистских интеграционных моделей. Базовым механизмом коммуникации между профильными ведомствами Душанбе и Анкары становится персидское историческое наследие Джелаладдина Руми. Усыпальница философа находится в турецком городе Конья. Целевые фонды Турецкой Республики стабильно выделяют гранты на проведение совместных конференций для зарубежных религиоведов. Финансовые транши полностью покрывают процессы перевода суфийских трактатов и оплату командировочных расходов таджикских специалистов на ежегодные фестивали дервишей. Институциональное присутствие Турции сталкивается с прямым конкурентным противодействием со стороны иранских государственных структур. Политика мягкой силы регистрирует результативность исключительно среди узкопрофильных исследователей ислама. Светский управленческий аппарат страны остается вне зоны досягаемости турецких академических инициатив.

Правительственный аппарат Анкары планомерно перераспределяет внешнеполитические ресурсы с министерского уровня на структуры гражданского общества. Базовым оператором утвержденных программ выступает Министерство молодежи и спорта Турции (Gençlik ve Spor Bakanlığı). Взаимодействие осуществляется через широкую сеть аффилированных

ассоциаций. Бюджетные организации реализуют международную инициативу «Gençlik Kampları». Государство полностью оплачивает транспортную логистику, проживание и культурно-образовательный блок для тысяч молодых делегатов из иностранных государств. Трансляция гендерных установок в рамках мягкой силы базируется на продвижении регламентированных социальных ролей. Зарубежной аудитории демонстрируется обновленный статус турецкой женщины. Данный субъект совмещает высокую экономическую активность в бизнесе с неукоснительным соблюдением традиционных семейных норм.

Институциональный контур взаимодействия с Казахстаном базируется на поддержке женского предпринимательства. Ассоциация KAGİDER выстроила прямые коммерческие связи с Альянсом женских сил Казахстана. В ноябре 2021 г. на базе Стамбула прошло первое профильное заседание Комитета женщин-предпринимателей при Союзе торгово-промышленных палат тюркских стран¹⁹⁰. Спустя три месяца состоялся специализированный бизнес-форум. Мероприятие объединило делегатов из всех тюркоязычных государств, при этом казахстанская сторона сформировала одну из самых многочисленных групп участников.

Министерство молодежи и спорта Турции реализует программы интеграции через международные лагеря в Анталье и Трабзоне. Ведомство устанавливает строгие целевые квоты для государств-партнеров. Данные 2019 г. подтверждают присутствие 320 человек из семи стран в анталийском лагере. Языковая программа 2025 г. охватила 121 студента из Казахстана¹⁹¹. Стандартный лекционный формат здесь полностью исключен. Организаторы сместили фокус на спортивные состязания и этнокультурные площадки для формирования устойчивых горизонтальных связей между сверстниками. Параллельно форумы

¹⁹⁰ В Стамбуле прошел бизнес-форум женщин-предпринимателей [Электронный ресурс] // Azerbaijan24.com. 2022. 28 февраля. URL: <https://www.azerbaycan24.com/ru/v-stambule-proshel-biznes-forum-zhenshtin-predprinimateley/> (дата обращения: 04.04.2026).

¹⁹¹ 2025 Turkish Language and Culture Summer Camp [Электронный ресурс] // Ibn Haldun Üniversitesi. 2025. 14 Ağustos. URL: <https://tomer.ihu.edu.tr/en/2025-turkish-language-and-culture-summer-camp> (дата обращения: 04.04.2026).

для бизнеса интегрируют казахстанский капитал в турецкие логистические и текстильные цепочки. Выпускники молодежных программ десятилетней давности сегодня работают в маслихатах и профильных министерствах. Создается лояльный кадровый резерв государственного управления без прямого политического вмешательства.

Доступ структур турецкой мягкой силы к узбекской молодежи был официально открыт в 2017 г. Использование механизмов Организации тюркских государств позволило оперативно переформатировать региональные проекты под задачи Анкары. В 2022 г. Бухара получила статус первой «Молодежной столицы тюркского мира»¹⁹². Работа профильных неправительственных организаций в регионах Узбекистана локализована исключительно вокруг прикладных социально-экономических задач. Агентство ТІКА оборудует центры женского ремесленничества на территории Ферганской долины. Осуществляются прямые закупки промышленных швейных машин. Турецкие специалисты проводят технические обучающие курсы для многодетных матерей. Регулярное присвоение узбекским городам статуса молодежных центров легитимизирует институциональное лидерство Турции среди постсоветского поколения. Волонтерские и спортивные проекты здесь выступают первичным инструментом влияния, временно оттесняя форматы гендерной дипломатии.

Законодательная база Кыргызстана обеспечивает турецким структурам возможность прямого финансирования неправительственного сектора. В республике автономно функционируют десятки совместных молодежных центров. Их бюджет формируется в обход официальных каналов Бишкека. Ассоциация выпускников турецких вузов в Кыргызстане реализует программы

¹⁹² Официальный сайт Организации тюркских государств. 4th Young Leaders Forum of the Organization of Turkic States held in Bukhara, and Bukhara declared as the First Youth Capital of the Turkic World [Электронный ресурс] // Организация тюркских государств. 2022. 5 June. URL: <http://turkicstates.org/en/news/4th-young-leaders-forum-of-the-organization-of-turkic-states-held-in-bukhara-and-bukhara-declared-as-the-first-youth-capital-of-the-turkic-world> (дата обращения: 04.04.2026).

поддержки предпринимательства через бизнес-инкубаторы, ярмарки вакансий и школы лидерства. Инфраструктура университета Манас выступает базой для Молодежного клуба тюркского мира. Эта организация проводит экологические сборы в акватории Иссык-Куля. Сельские школьники регулярно привлекаются к обучающим хакатонам по цифровой грамотности. Агентство ТІКА напрямую снабжает региональные медиацентры компьютерным оборудованием. Параллельно функционируют механизмы правовой интеграции. Турецкие фонды выделяют финансирование на адаптацию трудовых мигрантов. Ежегодно несколько тысяч кыргызских женщин, работающих в сфере стамбульского патронажа, получают бесплатную юридическую помощь через двусторонние платформы. Институциональное присутствие турецких организаций минимизирует риски при смене политического руководства в республике. Политика мягкой силы здесь выполняет функцию регулятора социального напряжения вокруг миграционных процессов.

Административная система Туркменистана исключает деятельность независимых молодежных и женских организаций. Двустороннее взаимодействие реализуется исключительно по линии профильных министерств. Интеграция туркменских студентов в международные лагеря GSB происходит строго на основе списков Министерства иностранных дел Туркменистана. Отсутствие легальных механизмов работы внутри страны заставило турецкую сторону перенести активность на диаспору. Основная операционная деятельность развернута в стамбульских районах Аксарай и Кумкапы. Там базируются «Общество солидарности туркменских мигрантов» и Платформа туркменских женщин. Данные структуры аккумулируют фонды взаимопомощи. Собранные средства направляются на оплату экстренных медицинских услуг, репатриацию тел погибших и работу адвокатов по легализации статуса рабочих. Женские объединения финансируют содержание кризисных квартир. Для детей мигрантов без полного пакета документов организованы неофициальные детские

сады. Реализация политики мягкой силы на территории самой туркменской республики ограничена жесткими рамками. Механизмы молодежной дипломатии охватывают только представителей государственного аппарата, получающих квоты на зарубежные выезды.

Взаимодействие с Таджикистаном выведено за рамки общих молодежных форматов. Профильные турецкие ведомства реализуют здесь точечные инфраструктурные проекты. В период с 2021 по 2023 год инженеры из Турции ввели в эксплуатацию пять тепличных комплексов на территории Хатлонской области, документально передав управление этими аграрными объектами местным женским кооперативам¹⁹³. Политических лозунгов в этих инициативах нет. Выстраивается прямая экономическая ассоциация: Турция обеспечивает работой и финансовой автономией уязвимые слои таджикских женщин. Влияние Турции на гражданское общество Таджикистана точечно. Гендерная повестка жестко привязана к базовой продовольственной безопасности. Анкара даже не пытается интегрировать таджикскую молодежь в свои идеологические матрицы, рассматривая республику лишь как зону поддержания имиджа страны-донора, а не как часть глобального стратегического проекта по конструированию единого социокультурного пространства.

Анкара системно перестраивает историческую базу Центральной Азии через предоставление исследователям региона неограниченного доступа к фондам Османского архива (Cumhurbaşkanlığı Devlet Arşivleri Başkanlığı). Монополия российских и советских хранилищ на формирование прошлого уступает место тюркоцентричной историографии. Турецкие государственные гранты адресно финансируют изучение антиколониальных восстаний в Туркестане и эмиграции национальной интеллигенции начала XX века. Особый

¹⁹³ TİKA supports agricultural production in Tajikistan [Электронный ресурс] // TuraNews.kz. 2023. 8 April. URL: <https://turanews.kz/en/news/tika-supports-agricultural-production-in-tajikistan/> (дата обращения: 04.04.2026).

упор делается на приватизацию наследия джадидизма. Турция институционально закрепляет за собой статус исторического убежища для тюркских просветителей, предлагая республикам готовый научный фундамент для выстраивания суверенной идентичности.

В Казахстане научное финансирование сконцентрировано вокруг изучения наследия Мустафы Чокая и деятелей партии «Алаш». Турецкое историческое общество (Türk Tarih Kurumu) оплачивает издание многотомных сборников. Эти материалы детально фиксируют контакты казахской политической элиты с официальным Стамбулом в период с 1917 по 1920 год¹⁹⁴. Казахстанским докторантам ежегодно выделяются правительственные квоты для работы в стамбульских хранилищах. Открытие турецких реестров позволило местным историкам диверсифицировать исследовательскую базу. Введение в научный оборот переписки лидеров Туркестанской автономии изменило подходы к изучению ранних этапов государственности. Грантовая поддержка архивных изысканий перевела научные контакты в статус системного инструмента политики мягкой сил».

Институциональная привязка к турецким архивным фондам обеспечила академической элите Казахстана глубокую диверсификацию источниковой базы. Монополия российских исследователей на оценку политических процессов начала XX века ликвидирована. Целевые гранты Анкары ускорили кристаллизацию исторического наследия партии «Алаш». Турецкий вектор прочно интегрирован в фундамент современной казахской национальной идентичности.

В период с 2002 по 2016 год взаимодействие Узбекистана и Турции в историко-академической сфере находилось в состоянии глубокой стагнации.

¹⁹⁴ Визит в Турецкое историческое общество [Электронный ресурс] // Институт философии, политологии и религиоведения. 2022. 4 ноября. URL: <https://iph.kz/en/events/vizit-v-turetskoe-istoricheskoe-obshchestvo/> (дата обращения: 06.04.2026).

Государственный аппарат Ислама Каримова жестко регламентировал любые гуманитарные контакты. Доступ узбекских ученых к турецким фондам блокировался. Изучение наследия джадидов подвергалось строгой идеологической цензуре, исключая пантюркистские трактовки. Дипломатическое охлаждение между Ташкентом и Анкарой заморозило совместные научно-исследовательские проекты, оставив монополию на формирование исторического нарратива исключительно за внутренними государственными институтами Узбекистана.

С 2016 г. правительство Шавката Мирзиёева инициировало масштабный пересмотр исторической парадигмы. Просветители-джадиды получили официальный статус интеллектуальных основателей современной узбекской нации. Турецкие фонды оперативно синхронизировали свою финансовую деятельность с новым внутривластным курсом Ташкента. Организовано спонсирование серии профильных международных симпозиумов в Стамбуле и Ташкенте. Научные сессии посвящены изучению трудов Абдурауфа Фитрата и Махмудходжи Бехбуди. Отдельный транш турецких грантов направлен на исследование Туркестанского национально-освободительного движения. Работа с османскими документами позволила узбекским историкам ввести в официальный академический оборот термин «движение курбаши» (Korbaşı Hareketi). Советский идеологический концепт «басмачества» планомерно вытесняется¹⁹⁵. Институциональное закрепление Анкары в статусе соорганизатора исторических исследований вывело турецкое влияние за пределы университетских лабораторий. Оценки восстаний начала прошлого века в новых узбекских школьных учебниках напрямую коррелируют с турецкими историографическими стандартами.

¹⁹⁵ Yeşilot O. The Basmachi Movement in the Light of Soviet Archival Documents [Текст] / O. Yeşilot // (Статья). 2021. URL: <https://avesis.mcbu.edu.tr/yayin/70f444ff-85a1-4a88-afcf-33672b18c42b/the-basmachi-movement-in-the-light-of-soviet-archival-documents-sovyet-arsiv-belgeleri-isiginda-basmaci-hareketi> (дата обращения: 06.04.2026).

Эффективность трансляции деколониального дискурса в Узбекистане носит тотальный характер. Приватизация наследия джадидов позволила Анкаре синхронизировать свою мягкую силу с официальным курсом Ташкента. Турция успешно закрепила за собой статус главного хранителя узбекской исторической памяти. Влияние выходит за пределы университетов. Терминология и оценки восстаний начала прошлого века в узбекских школьных учебниках теперь часто ассоциируется с турецких историографических образцов.

Академическое сообщество Кыргызстана использует фонды Турецкой Республики для документального переосмысления событий восстания 1916 года (Уркун). Кыргызские исследователи получают турецкие правительственные гранты на выявление османских дипломатических депеш. Указанные документы фиксируют процессы массовой миграции кыргызского населения и реакцию Стамбула на действия регулярной царской армии. Выявленные архивные материалы публикуются в ведущих кыргызских научных журналах.

Совместные исторические комиссии завершили перевод десятков мемуаров османских офицеров, находившихся в Центральной Азии в начале прошлого века. Формируется строгая документальная база для обоснования дискурса о национальной катастрофе. Точечная архивная экспансия Турции создает устойчивый нарратив вокруг проблематики «1916 года». Турецкие научные структуры выступают системными спонсорами антиколониальных исследований в республике. Инвестиции в исторические изыскания гарантируют Анкаре долгосрочную лояльность кыргызской гуманитарной интеллигенции, рассматривающей Турцию в качестве единственного стратегического союзника при пересмотре имперского прошлого.

Специфика государственного устройства Туркменистана детерминирует смещение фокуса турецкой архивной дипломатии с антиколониальной проблематики на академическую медиевистику. Официальный Ашхабад жестко ограничивает исследования, связанные с вооруженным сопротивлением

советской власти. В качестве компенсаторного механизма Анкара предоставляет туркменским ученым целевой доступ к фондам периода Сельджукской империи. Турецкие высшие учебные заведения функционируют как эксклюзивные платформы для публикации работ туркменских исследователей по этногенезу и миграции огузских племен. Данный формат формирует безопасный контур исторического взаимодействия, полностью исключая внутриполитические риски для туркменского руководства.

Институциональное закрепление партнерства состоялось в 2023 г. посредством подписания официального меморандума между архивными ведомствами двух государств. Практическим результатом стало проведение в 2024 г. в Ургенче (Узбекистан) международной конференции по истории огузов и сельджуков, соорганизатором которой выступил турецкий Сельджукский университет при активном участии туркменской академической делегации. Вместе с тем, влияние Турции на интерпретацию новейшей истории Туркменистана остается нулевым. Строгий государственный контроль блокирует любые внешние попытки конструирования деколониального дискурса. Эффективность архивной дипломатии Анкары строго лимитирована рамками Средневековья, что препятствует конвертации научного обмена в измеримый политический капитал или формирование массовой лояльности.

В условиях ираноязычной лингвокультурной среды Таджикистана архивная стратегия Турции локализована исключительно вокруг изучения финального этапа существования Бухарского эмирата. Ключевым сюжетом выступает военно-политическая деятельность Энвер-паши, убитого в 1922 г. на территории современного Бальджуанского района республики. Приоритетность данного вектора подтверждается системным финансированием: от совместных экспедиций по эксгумации останков в 1996 г. до работы современных

двусторонних комиссий¹⁹⁶. Турецкие специалисты при институциональном содействии таджикских краеведов осуществляют историческую реконструкцию маршрутов османских офицеров в Памирском регионе. Параллельно Анкара передает Душанбе османские документы, описывающие структуру административного управления горными бекствами.

Тем не менее, распространение турецкого исторического влияния в Таджикистане носит маргинальный характер. Совместные академические изыскания строго ограничены фигурой Энвер-паши и не обладают инструментарием для формирования общенационального нарратива. Отсутствие тюркской языковой общности и специфика таджикского деколонизального дискурса, базирующегося на персидском государственном наследии (эпоха Саманидов), исключают масштабную имплементацию пантюркистских концептов, включая наследие джадидизма. В рамках двусторонних гуманитарных контактов Турция сохраняет функционал ситуативного архивного донора, не претендуя на роль концептуального идеологического ориентира для Душанбе.

Территория Турецкой Республики выполняет функцию масштабного института социальной инженерии для центральноазиатского региона. Ежегодно сотни тысяч граждан республик Центральной Азии интегрируются в турецкие городские агломерации. Осуществляется процесс стихийной транснациональной социализации. Мигранты аккумулируют светскую городскую культуру, бытовые паттерны и потребительские стандарты вне прямого воздействия государственных механизмов. Реэмигранты, возвращаясь в страны исхода, выступают в роли неформальных проводников турецких социокультурных и экономических стандартов.

¹⁹⁶ Tajiks to excavate body of Enver Pasha [Electronic resource] // UPI Archives. 1996. 24 July. URL: <https://www.upi.com/Archives/1996/07/24/Tajiks-to-excavate-body-of-Enver-Pasha/6210838180800/> (дата обращения: 06.04.2026).

Граждане Республики Казахстан формируют сегмент инвестиционной и высококвалифицированной миграции. Базовый поток генерируется представителями городского среднего класса, приобретающими недвижимость в анатолийском регионе¹⁹⁷. По итогам 2022 г. казахстанские инвесторы приобрели 2702 объекта жилой недвижимости, закрепившись в десятке ключевых иностранных покупателей¹⁹⁸. Данный тип миграции носит проектный характер. Возвратная мягкая сила конвертируется в прямую имплементацию турецких корпоративных и архитектурных стандартов в Астане и Алматы. Открытие резидентами профильных дизайнерских и урбанистических бюро формирует устойчивый спрос на турецкие инфраструктурные решения. Казахстанская бизнес-элита адаптирует турецкие протоколы делового администрирования. Механизмы миграционной социализации в Казахстане обладают высокой добавленной стоимостью, закрепляя за Турцией статус технологичного партнера премиум-сегмента и обеспечивая лояльность экономической элиты.

В Узбекистане динамика миграционных процессов в турецком направлении имеет четкую хронологическую дихотомию. В период с 2002 по 2016 год, в эпоху президентства Ислама Каримова, данный вектор находился в условиях жестких административных ограничений. Действие разрешительной системы выезда за рубеж (выездные визы) и системное охлаждение двусторонних дипломатических отношений между Ташкентом и Анкарой искусственно блокировали масштабную трудовую миграцию. Интеграция в турецкую экономику сводилась к маргинальному сегменту теневой «челночной» торговли.

¹⁹⁷ Abuova A., Baigabylov N., Abdikakimov M., Aubakirova S., Assylkhanova G. Turkic Integration and Some Aspects of Assessing Migration Potential on the Case of Kazakhstan and Turkey // Dve Domovini / Two Homelands. 2024. № 60. P. 45-62. URL: <https://doaj.org/article/30ed553c4c7e49faa9f8d42d91ae3268> (дата обращения: 06.04.2026).

¹⁹⁸ Kursiv Media Kazakhstan. Казахстанцы заняли пятое место среди иностранцев по покупке жилья в Турции в 2022 году [Электронный ресурс] // Kursiv Media Kazakhstan. 2023. 18 января. URL: https://kz.kursiv.media/2023-01-18/labs-turkey/?utm_source=in_materials (дата обращения: 06.04.2026).

Абсолютная монополия на абсорбцию узбекских трудовых ресурсов в этот период принадлежала Российской Федерации, а влияние турецкой потребительской культуры на внутриузбекский рынок было минимальным.

Ситуация претерпела радикальную трансформацию после 2016 г. в рамках курса реформ Ш. Мирзиёева. Либерализация институциональной среды и отмена барьеров на выезд перенаправили значительные миграционные потоки в Турцию. Стамбул начал активно конкурировать с российскими мегаполисами за узбекскую рабочую силу. По данным Госкомстата Узбекистана за 2022 год, официальный отток трудовых мигрантов в турецкую юрисдикцию составил 13 400 человек (рост на 60% к 2021 г.)¹⁹⁹. При этом фактические демографические показатели многократно превышают официальную статистику за счет неформальной занятости. Узбекские рабочие массово интегрируются в стамбульские текстильные кластеры, логистические цепи и розничную торговлю, ассимилируя турецкую производственную этику. Возвратная миграция стала системным катализатором структурных изменений в малом бизнесе Узбекистана. Десятки тысяч реэмигрантов, выступая микроинвесторами, физически трансформируют городскую инфраструктуру. В спальных районах Ташкента и Самарканда формируются плотные сети предприятий общепита формата «lokanta» и профильных объектов сферы услуг (барбершопы), функционирующие строго по стамбульским стандартам. Влияние турецкой мягкой силы приобрело массовый низовой характер, обеспечивая органичную и устойчивую интеграцию турецких экономических моделей и стандартов масс-маркета в повседневный быт республики.

Ключевым вектором трудовой миграции из Кыргызстана выступает туристический кластер анатолийского и эгейского побережий Турецкой

¹⁹⁹ Сколько и куда уехало узбекистанцев за рубеж? Озвучены данные за 2022 год [Электронный ресурс] // Daryo.uz. 2023. 7 февраля. URL: <https://daryo.uz/ru/2023/02/07/skolko-i-kuda-uehalo-uzbekistancev-za-rubez-ozvuceny-dannye-za-2022-god> (дата обращения: 06.04.2026).

Республики. Ежегодно значительный массив кыргызских граждан абсорбируется гостиничным сектором Турции. Высокая степень лингвистической адаптивности обеспечивает глубокую интеграцию в профессиональную среду, позволяя работникам достигать свободного уровня владения турецким языком в течение одного рабочего сезона. Аккумулированный финансовый капитал систематически реинвестируется в рекреационную инфраструктуру Кыргызстана, в частности, кардинально трансформируя курортную зону озера Иссык-Куль. Реэмигранты выступают проводниками институциональных изменений, имплементируя турецкие корпоративные протоколы сферы гостеприимства (включая систему «all inclusive»). Турецкие стандарты сервиса инкорпорированы в качестве профессионального эталона для профильного сектора Бишкека. Эффективность транснациональной социализации в Кыргызстане демонстрирует максимальные показатели в рамках гостинично-ресторанного бизнеса, где реэмигранты фактически монополизировали индустрию. Турецкая Республика выполняет функцию бесплатного образовательного хаба для подготовки квалифицированных кадров, конвертируя это в формирование лояльной потребительской базы для турецкого экспорта²⁰⁰.

Формирование туркменской диаспоры в Турции представляет собой специфический социально-политический феномен. До официальной отмены безвизового режима в 2022 г. Стамбул функционировал как главный безопасный миграционный хаб для сотен тысяч граждан Туркменистана. По статистическим данным на сентябрь 2022 г., легальный статус пребывания имели около 230 000 туркменских граждан, сформировавших в районах Аксарай и Кумкапы зоны компактной транснациональной социализации²⁰¹. Систематическая практика

²⁰⁰ Саманчина Ж., Элебаева А. Перспективы учебной миграции из Кыргызстана в Турцию [Электронный ресурс] / Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. Вып. 1. С. 154–161. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2015/journal_rus/cac-01/11.shtml (дата обращения: 06.04.2026).

²⁰¹ Rozyyeva G. Bread, Weddings, and Belonging: The Quiet Cultural Revival of Turkmens in Istanbul [Электронный ресурс] / G. Rozyyeva // Progres. 2025. 15 August. URL:

применения Анкарой миграционных амнистий и списание административных штрафов за нарушение визового режима выступили мощным инструментом гуманитарной консолидации. Следствием этого стало формирование масштабной сети неформальной логистики. Через механизмы карго-перевозок в институционально закрытое пространство Туркменистана системно проникают турецкие потребительские стандарты и светские социокультурные тренды. Диаспора посредством челночной торговли диктует паттерны бытового потребления в Ашхабаде. Турецкая юрисдикция приобрела для туркменских мигрантов статус альтернативного социального пространства. Эффективность турецкой мягкой силы на данном направлении носит беспрецедентный характер: Анкара успешно модерирует потребительские предпочтения туркменского общества, функционально обходя механизмы строгой государственной цензуры, а устойчивые транснациональные связи диаспоры стимулируют перманентный спрос на турецкие товары.

Таджикские коммерсанты регулярно закупают там крупные партии текстильной продукции и строительных материалов. Из-за маятникового характера поездок культурная ассимиляция не происходит. В страну исхода транслируется исключительно товарная эстетика. На рынках Душанбе турецкие бренды физически вытесняют недорогую китайскую продукцию. Покупатели приравнивают турецкую маркировку к высокому социальному статусу. Влияние Турции в Таджикистане локализовано в товарно-денежной плоскости. Трудовая миграция не приводит к заимствованию бытовых паттернов или политических взглядов. Результативность ограничивается показателями экономического спроса²⁰². Социализация останавливается на этапе фиксации качественного превосходства турецкого импорта над товарами азиатских конкурентов.

<https://progres.online/society/bread-weddings-and-belonging-the-quiet-cultural-revival-of-turkmens-in-istanbul/> (дата обращения: 06.04.2026).

²⁰² Rakhmonov A.Kh. Turkey as a new direction of labor migration from Tajikistan against the background of the economic crisis in Russia [Текст] / A.Kh. Rakhmonov // Консолидация

Таблица 3. Динамика миграции из Центральной Азии в Турцию

Страна	2018 (чел.)	2019 (чел.)	2022 (чел.)	2023– 2024 (чел.)	Примечание
Туркменистан	35 тыс.	80 тыс.	100 тыс.	120 тыс.	Лидер по приросту (+129%)
Узбекистан	100 тыс.	120 тыс.	145 тыс.	200 тыс.	6% от всех узбекских мигрантов
Кыргызстан	20 тыс.	25 тыс.	40 тыс.	60 тыс.	Рост после 2020 г.
Таджикистан	15 тыс.	20 тыс.	30 тыс.	45 тыс.	Трудовые визы
Общий приток из ЦА	200 тыс.	300 тыс.	400 тыс.	500 тыс.+	Оценка по Турции ²⁰³

Политика мягкой силы Турции в Центральной Азии реализуется через комплексный управленческий алгоритм. Анкара синхронизировала историческую ретроспективу с текущими внешнеполитическими задачами.

Институты конструируют общую историческую память. Правительственные структуры поддерживают деколониальный дискурс и запускают программы лингвистической интеграции. Параллельно идет масштабный экспорт социальных практик. Инструментами воздействия выступают телевизионный контент, спортивные мероприятия и возвратная миграция. Турецкие организации присутствуют в большинстве социальных ниш.

российского общества в новых геополитических реалиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием I Лапинские чтения. Вологда: ВолНИЦ РАН, 2023. С. 241–244. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/613655628/> (дата обращения: 06.04.2026).

²⁰³ Ритм Евразии. Турция не спешит открывать свой рынок труда для мигрантов из Средней Азии [Электронный ресурс] // Ритм Евразии. 2025. 21 апр. URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news-2025-04-21--turcija-ne-speshit-otkryvat-svoj-rynok-truda-dlja-migrantov-iz-srednej-azii-79835> (дата обращения: 20.04.2026).

Инфраструктура влияния напрямую охватывает академические архивы, медийное пространство, каналы экстренной помощи и молодежный неправительственный сектор.

Выбранная стратегия обеспечила создание лояльной целевой аудитории. Опираясь на эту социокультурную базу, Анкара продолжает формировать устойчивое политическое и информационное присутствие в республиках региона.

2.4 Религиозный фактор как инструмент мягкой силы Турции в Центральной Азии

Приход к власти Партии справедливости и развития радикально перекроил архитектуру турецкого влияния за рубежом. Ислам перестал восприниматься государственным аппаратом как внутривнутриполитическая угроза светскому строю и превратился в утилитарный инструмент конструирования международной привлекательности. Анкара осознанно монетизировала общую конфессиональную идентичность. Отказ от жесткого кемалистского секуляризма позволил турецкой дипломатии заговорить с мусульманскими обществами Центральной Азии на абсолютно понятном им языке ценностей. Вектор изменился. Религия стала фундаментальной несущей конструкцией мягкой силы. Она формирует глубокую эмоциональную привязанность региональных элит и широких масс отнюдь не через банальное экономическое принуждение. Связь строится через тонкие механизмы исламской солидарности и трансляцию разделяемых смыслов.

Успешная монополизация экспорта анатолийской модели ислама стала прямым ответом на глубинные фобии центральноазиатских правительств. Страх оправдан. Политические режимы в Ташкенте Астане и Бишкеке предельно жестко блокируют радикальные течения ближневосточного толка. Арабский

салафизм или иранский политический шиизм напрямую воспринимаются местными администрациями в качестве колоссальной угрозы национальной безопасности. Турецкое руководство филигранно предложило закрыть образовавшийся теологический вакуум абсолютно безопасным продуктом. Выбор пал на ханафитский мазхаб и матуридистскую акиду²⁰⁴. Данная версия ислама активно продвигается в качестве исторически родственной тюркским народам концепции. Она позиционируется как интеллектуально просвещенная и совершенно толерантная к институтам светского государства идеология. Экспортируя подобный умеренный стандарт, Турецкая Республика полностью снимает тревожность местных властей. Эффект достигнут. Центральноазиатские элиты совершенно добровольно открывают двери турецким образовательным и религиозным фондам. Они прагматично используют турецкое теологическое влияние как легальную вакцину против радикального экстремизма. Модель работает. Государственный аппарат Турции получает прямой доступ к форматированию мировоззрения тысяч верующих. Теология безупречно конвертируется в классическую мягкую силу. Анкара надежно закрепляет за собой статус безальтернативного идеологического патрона при полном и безоговорочном согласии самих объектов влияния.

Персональный брендинг Реджепа Тайипа Эрдогана функционирует в качестве мощного самостоятельного магнита политического притяжения²⁰⁵. Риторика бескомпромиссной защиты мирового мусульманства работает в обход громоздких официальных дипломатических протоколов. Она мощно резонирует

²⁰⁴ Гарбузарова Е.Г. Роль исламского фактора во внешней политике Турции в Центральной Азии [Текст] / Е.Г. Гарбузарова // Исламоведение. 2023. Т. 14, № 3 (57). С. 105-115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-islamskogo-faktora-vo-vneshney-politike-turtsii-v-tsentralnoy-azii> (дата обращения: 09.04.2026).

²⁰⁵ Cornell S.E. Türkiye's Return to Central Asia and the Caucasus [Текст] / ed. by S.E. Cornell. Washington; Stockholm: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2024. 100 p. URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/240622TRCA_merged.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

с внутренними запросами консервативного населения Ферганской долины или юга Казахстана. Жесткая публичная реакция турецкого лидера на маргинальные акции с сожжением Корана в Европе генерирует колоссальный резерв низовой симпатии. Аналогичный эффект вызывает пламенная защита прав палестинцев с высокой трибуны 78 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Авторитет непрерывно растет. Местные политические лидеры плотно скованы рамками многовекторной дипломатии. Они старательно избегают резких заявлений по глобальной исламской повестке. Возникающий идеологический пробел моментально заполняет президент Турции. Образ «глобального защитника Уммы» аккумулирует политический капитал внутри центральноазиатских обществ. Симпатии широких масс формируют естественный рычаг неформального давления на правительства региона. Власти республик вынуждены учитывать интересы Анкары при принятии суверенных внешнеполитических решений, опасаясь разочаровать собственное население, чья культурная и религиозная лояльность уже смещена в сторону Турции.

Управление по делам религий (Diyanet) превратился из бюрократического регулятора во внешнеполитический инструмент Анкары²⁰⁶. Прямое государственное финансирование позволяет структуре открывать представительства при посольствах во всех столицах Центральной Азии. Турецкие советники по религиозным вопросам интегрируются в работу местных муфтиятов. Они привозят готовую теологическую методологию, типовые тексты пятничных проповедей и спонсорские деньги. Институциональная зависимость формируется незаметно. Региональное духовенство привыкает опираться на бесплатную турецкую экспертизу. Diyanet перехватывает управление конфессиональной повесткой без политического давления. Религия прямо

²⁰⁶ Korkut Ş. The Diyanet of Turkey and Its Activities in Eurasia after the Cold War [Text] / Ş. Korkut // Acta Slavica Iaponica. 2010. Tomus 28. С. 117–139. URL: <https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/acta/28/06Korkut.pdf> (дата обращения: 09.04.2026).

конвертируется в ресурс влияния. Местные имамы начинают воспринимать турецкое государство как естественного защитника своих интересов и ежедневно транслируют эту лояльность тысячам прихожан.

Образовательные квоты работают как конвейер по производству протурецкой номенклатуры. Турецкий религиозный фонд (Türkiye Diyanet Vakfı) ежегодно изымает наиболее перспективную молодежь из Центральной Азии для обучения на теологических факультетах университетов Мармара и Анкары. Программы охватывают полный цикл содержания студента. К началу 2022 года фонд официально отчитался о подготовке более 11 тысяч иностранных выпускников по своим исламским грантам²⁰⁷. Академическая миграция намертво привязывает будущих духовных лидеров к социокультурной матрице Турции. Студенты неизбежно впитывают государственную идеологию принимающей страны. Возвращаясь домой, эти кадры занимают административные посты в духовных управлениях, медресе и центральных мечетях Бишкека, Оша или Туркестана. Они добровольно лоббируют турецкие интересы. Государство получает армию бесплатных проводников своей повестки. Идеологическая обработка в студенческие годы трансформируется в долгосрочную политическую лояльность. Новые имамы синхронизируют публичные фетвы с геополитическим курсом Анкары.

Низовое проникновение мягкой силы обеспечивается агрессивной социальной благотворительностью. Турецкий Красный Полумесяц и профильные правительственные вакуфы систематически разворачивают масштабные гуманитарные интервенции. Процесс точечно активизируется исключительно в священный месяц Рамадан. Оплата многотысячных массовых уличных ифтаров на территории Ферганской долины формирует прочную прямую эмоциональную

²⁰⁷ Kelkitli F.A. The Role of International Educational Exchange in Turkish Foreign Policy as a Reconstructed Soft Power Tool [Текст] // All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace. 2021. Vol. 10, no. 1. P. 41–58. URL: <https://easiv.arel.edu.tr/xmlui/handle/20.500.12294/2832> (дата обращения: 09.04.2026).

связь между малоимущими слоями населения и государственным бюджетом Турецкой Республики.

Специальный проект Diyanet под названием «Пусть моим подарком будет Коран» позволил физически распространить более 1,5 млн экземпляров священной книги²⁰⁸. ексты были предварительно переведены на казахский и кыргызский языки. Масштаб охвата впечатляет. Поступающие гуманитарные грузы предельно жестко брендируются узнаваемой национальной турецкой символикой. Вектор сместился. Исламская благотворительность окончательно перестает быть классической анонимной милостыней. Она стремительно трансформируется в высокоточный прагматичный инструмент завоевания массовых общественных симпатий. Лояльность регионального демографического большинства буквально покупается через системное закрытие базовых потребностей миллионов верующих. Стратегия работает безупречно. Тщательно выверенный имидж невероятно щедрого покровителя делает абсолютно любые антитурецкие политические дискурсы глубоко маргинальными. Данный фундаментальный фактор напрямую заставляет светские правительства центральноазиатских республик постоянно оглядываться на протурецки настроенное общество. Подобный учет внутренних настроений становится обязательным при выстраивании любого политического диалога с официальной Анкарой.

Возведение культовых сооружений османского типа выходит за рамки простой архитектурной или культурной экспансии, приобретая строгий теологический функционал. Центральная мечеть Бишкека имени Имама Сарахси, профинансированная турецкой стороной на сумму 35 млн долл. работает как главный операционный центр Diyanet в Кыргызстане. Огромный комплекс на 20

²⁰⁸ Kahveci H., Bonnenfant I.K. Turkish Foreign Policy Towards Central Asia: An Unfolding of Regionalism and Soft Power [Текст] // All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace. 2023. Vol. 12, no. 2. P. 195–218. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/allazimuth/issue/78005/1310530> (дата обращения: 09.04.2026).

тыс. прихожан физически монополизирует духовное пространство столицы. Архитектура здесь служит лишь оболочкой для ежедневного импорта турецкой религиозной повестки. За кафедрой стоят местные имамы, прошедшие многолетнюю стажировку в образовательных центрах Турции. Пятничные проповеди строго синхронизируются с умеренным ханафитским дискурсом Анкары, отрезая верующих от влияния радикальных ближневосточных проповедников. Население еженедельно потребляет религиозные смыслы в интерьерах, транслирующих эстетическую и финансовую мощь турецкого государства. Мягкая сила трансформируется из абстрактной симпатии в осязаемую институциональную лояльность. Прихожане подсознательно связывают чистоту и безопасность своей веры с турецким государственным покровительством.

Инвестиции правительственного агентства ТИКА в реставрацию исламских святынь целенаправленно капитализируют сакральную память региона. Если в гуманитарном измерении восстановление исторических зданий просто продвигает туристический бренд и культурное присутствие Турции, то в координатах религиозной дипломатии этот процесс напрямую легитимизирует духовное лидерство Анкары²⁰⁹. Масштабная реконструкция комплекса основателя суннитского вероучения Абу Мансура аль-Матуриди в Самарканде, реализованная при полном инженерно-финансовом обеспечении турецких фондов стала мощным политико-теологическим посланием. Турция физически закрепила за собой статус безальтернативного наследника и защитника традиционного центральноазиатского ислама. Узбекские и казахстанские государственные элиты крайне настороженно пресекают прямое спонсирование

²⁰⁹ Balci B. Turkey in Central Asia: Contribution of State and Non-Governmental Actors in the Development of a Turkish Islamic Influence in the Post-Soviet Republics [Текст] // *Revue internationale de politique comparée*. 2014. Vol. 21, no. 1. P. 9–31. URL: <https://shs.cairn.info/journal-revue-internationale-de-politique-comparee-2014-1-page-9?lang=en> (дата обращения: 09.04.2026).

своих рядовых мечетей зарубежными структурами. Возрождение общих суфийских и матуридистских корней изящно пробивает эту стену административного недоверия. Финансируя гробницы почитаемых шейхов, Анкара формирует на низовом уровне образ бескорыстного хранителя веры предков. Ресурс турецкого влияния опирается на самые глубокие религиозные чувства населения. Искренняя признательность за спасение священных объектов автоматически проецируется верующим обществом на современную турецкую внешнюю политику, заставляя местные правительства учитывать этот устойчивый протурецкий сентимент в двусторонних отношениях.

До 2013 г. архитектура турецкого влияния в Центральной Азии опиралась на модель идеологического аутсорсинга. Государственный аппарат делегировал экспорт своей социокультурной привлекательности транснациональной исламской сети Фетхуллаха Гюлена. Сотни образовательных учреждений от казахского фонда «KATEV» до кыргызской сети лицеев «Себат» функционировали как автономные инкубаторы по выращиванию лояльной элиты. Выпускники этих школ получали качественное светское образование, глубоко пропитое идеями умеренного турецкого ислама и уважением к деловой культуре Анатолии. Анкара годами использовала этот ресурс как бесплатный авангард своей дипломатии. Сетевые структуры обеспечивали максимально плотное проникновение в ткань центральноазиатских обществ. Мягкая сила Турции росла за счет формирования огромной прослойки бизнесменов, чиновников и журналистов, которые говорили на турецком языке и считали турецкую модель развития эталонной.

Попытка военного переворота 2016 г. спровоцировала коллапс этой системы и поставила под угрозу весь накопленный репутационный капитал. Турецкое правительство столкнулось с необходимостью мгновенно уничтожить инструмент, который само же десятилетиями взращивало. Жесткий ультиматум Анкары с требованием ликвидировать гюленовские учреждения натолкнулся на

сопротивление суверенных администраций. Кыргызское руководство в 2017 г. отказалось закрывать школы, просто переименовав сеть из «Себат» в «Сапат» и введя своих чиновников в состав учредителей. Трансформация мягкой силы стала вопросом политического выживания турецкой стратегии в регионе. На смену ликвидируемым частным сетям пришел государственный Фонд «Маариф» (Türkiye Maarif Vakfı). Дипломатический корпус Турции предложил центральноазиатским лидерам новую сделку. Свой внутренний институциональный кризис Анкара мастерски переупаковала в экспортный продукт абсолютной безопасности.

Турецкие переговорщики сыграли на базовых страхах центральноазиатских автократий перед неподконтрольными религиозными организациями. Передача образовательных и духовных рычагов официальным правительственным ведомствам стала продаваться как гарантия коллективной стабильности. Если раньше привлекательность строилась на гибкости независимых проповедников, то теперь она начала базироваться на легальной мощи государства. Фонд «Маариф» агрессивно вытесняет остатки старых структур. В сентябре 2021 г. в Бишкеке открылся первый официальный образовательный комплекс турецкого госфонда, сразу приняв 1200 кыргызских школьников²¹⁰. «Diyanet» одновременно замкнул на себя все программы подготовки лояльных теологов. Государственная монополия не снизила уровень турецкого влияния, а лишь изменила его природу. Местные элиты охотно принимают эту модель. Они предпочитают иметь дело с понятным государственным бюджетом Турции, а не с теневыми финансовыми потоками транснациональных сект. Централизация управления ресурсами позволила

²¹⁰ Kaplan H. Türkiye'nin Eğitim Diplomasisinde Türkiye Maarif Vakfının Rolü [Текст] // Akademik İncelemeler Dergisi. 2022. Vol. 17, no. 1. P. 45-62. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/akaf/article/1209119> (дата обращения: 09.04.2026).

Анкаре сохранить статус главного социокультурного и религиозного ориентира в регионе, полностью очистив этот процесс от рисков непредсказуемости.

Региональный ландшафт Центральной Азии функционирует как высококонкурентный рынок теологических идеологий. Анкара выстраивает архитектуру своего влияния отнюдь не в изоляции. Процесс идет в жестком институциональном противоборстве с масштабными проектами Саудовской Аравии Катар и Ирана. Арабский экспорт салафизма несет в себе мощный заряд политической дестабилизации и прямо отрицает традиционные институты²¹¹. Местные автократии абсолютно обоснованно воспринимают ближневосточные благотворительные фонды в качестве колоссальной угрозы светскому государственному устройству. Риски слишком велики. Одновременно Тегеран упирается в непреодолимый конфессиональный барьер. Любые попытки продвижения иранской доктрины среди суннитского большинства исторически отторгаются местным населением. Изоляция очевидна. На этом фоне турецкая дипломатия блестяще капитализирует глубинные страхи центральноазиатских столиц перед радикализацией. Государственный аппарат продает свой вариант ханафитского мазхаба как единственную функциональную альтернативу. Привлекательность подобной турецкой модели для светских элит кроется в ее абсолютной лояльности к государственным институтам²¹². Анкара надежно гарантирует безопасность религиозного импорта. Она генерирует колоссальный объем политического доверия. Религиозная экспансия стремительно превращается в безупречную мягкую силу. Правительства сами добровольно

²¹¹ Venetis E. The Struggle between Turkey & Saudi Arabia for the Leadership of Sunni Islam [Текст] : Working Paper No 39/2014. – Athens: ELIAMEP, 2014. 28 p. URL: https://kipdf.com/the-struggle-between-turkey-saudi-arabia-for-the-leadership-of-sunni-islam_5b024dd28ead0ea3668b45b3.html (дата обращения: 09.04.2026).

²¹² Tol G. Turkey's Bid for Religious Leadership [Текст] // Foreign Affairs. 2019. January 10. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2019-01-10/turkeys-bid-religious-leadership> (дата обращения: 09.04.2026).

открывают границы для турецких теологов ради полной нейтрализации арабского влияния.

Грамотное конструирование имиджа золотой середины опирается на конкретные аппаратные решения стран реципиентов. Власти Узбекистана после долгих десятилетий жесткого изоляционизма столкнулись с невероятно острым дефицитом квалифицированных кадров при открытии собственного религиозного пространства. Кризис назрел. Ташкент целенаправленно и жестко заблокировал саудовские образовательные гранты. Был сделан однозначный стратегический выбор в пользу передовой турецкой экспертизы. В 2018 г. Управление мусульман Узбекистана подписало исторический меморандум о стратегическом партнерстве исключительно с Diyanet. Документ легализовал прямые стажировки узбекских имамов в городах Анкара и Конья. Светская номенклатура прагматично интегрирует турецкий продукт ради собственного аппаратного выживания. Данная модель полностью удовлетворяет растущий духовный запрос населения независимых республик. Вектор определен. Турецкая парадигма предлагает уникальную формулу социальной адаптации. Это полноценная интеграция в глобальную исламскую умму без малейшего разрушения национальной идентичности. Духовная гегемония Анкары безупречно конвертируется в реальный геополитический капитал. Тотальная зависимость от турецкой теологической методологии напрямую заставляет столицы макрорегиона активно поддерживать инициативы Турции на профильных площадках Организации исламского сотрудничества. Религиозная лояльность успешно проецируется на сферу реальной дипломатии.

Российский формат государственного управления религией также критически проигрывает анатолийскому бренду в жесткой борьбе за умы молодежи. Официальные духовные управления внутри Российской Федерации воспринимаются в странах Центральной Азии как крайне неповоротливые

структуры с тотальным силовым контролем²¹³. Напротив, Турция предлагает обществу гораздо более привлекательный и динамичный формат исламской жизни. Массового потребителя невероятно привлекает органичный синтез религиозной консервативности с передовым технологическим и экономическим прогрессом. Молодой верующий в городах Шымкент или Наманган видит в популярных турецких сериалах и публичных политиках наглядное доказательство важного тезиса. Успешное современное государство можно легко строить без отказа от строгой исламской этики. Формируется максимально устойчивый когнитивный стереотип успешности. Религия окончательно перестает ассоциироваться с ближневосточной архаикой или жесткими рамками постсоветского администрирования. Экспорт турецкого ислама формирует на огромном пространстве от Каспийского моря до гор Тянь Шаня колоссальную массу граждан. Их симпатии к Анкаре продиктованы исключительно глубокими ценностными установками. Культурное доминирование достигается отнюдь не силовым давлением. Оно становится результатом абсолютно добровольного выбора местного населения в пользу наиболее гармоничной модели мироустройства.

Цифровая инфраструктура Управления по делам религий Турции эффективно взламывает административные барьеры закрытых политических систем Центральной Азии. Барьеры рушатся. Государственный аппарат в городах Ашхабад и Ташкент десятилетиями предельно жестко фильтрует печатную исламскую литературу и физическое присутствие любых иностранных проповедников. Анкара обходит данную внутреннюю цензуру напрямую через экраны персональных смартфонов. Мобильное приложение Diyanet успешно объединяет обширную базу онлайн фетв тафсиры и точное расписание намазов.

²¹³ Укенов А. Религия как инструмент «мягкой силы» в международных отношениях [Текст] // Al-Farabi. 2021. Т. 76, № 4. DOI: 10.48010/2021.4/1999-5911.15. URL: <https://alfarabijournal.org/index.php/journal/article/view/653> (дата обращения: 09.04.2026).

Программный продукт стремительно преодолел порог в 10 миллионов уникальных скачиваний на популярной платформе Google Play. Охват колоссален. Прямой цифровой доступ к сознанию молодежи работает в обход официальных региональных муфтиятов. Пользователь мгновенно получает квалифицированные ответы на сложные теологические вопросы напрямую из столицы Турции. Местные имамы полностью исключаются из информационной цепочки. Технологическое доминирование гарантированно обеспечивает идеологическую гегемонию. Турецкие цифровые платформы аккумулируют огромную аудиторию. Они надежно привязывают ежедневные духовные практики мусульман региона к турецкой интерпретации ислама. Религиозное влияние становится персональным непрерывным и абсолютно независимым от текущей дипломатической конъюнктуры между странами. Оно напрямую конвертируется в устойчивую лояльность рядовых граждан к турецкому государству.

Массовый кинематограф мастерски переупаковывает сложную академическую теологию в предельно привлекательный визуальный продукт. Исторические сериалы «Воскресший Эртугрул» и «Основание Осман» активно закупаются крупнейшими телеканалами Узбекистана и Казахстана. Экранизация богатой османской истории создает идеальный идеологический гибрид. В нем религиозная идентичность органично сливается с политическим величием тюркских народов. Режиссеры показывают ислам отнюдь не как архаичный набор бытовых запретов. Он предстает как передовая идеология великих строителей трансконтинентальной империи. Массовый зритель в Центральной Азии жадно потребляет данный нарратив как собственную славную историческую память. Герои на экране постоянно используют сложную ханафитскую терминологию. Они регулярно цитируют реальных суфийских шейхов анатолийской школы и защищают социальную справедливость под эгидой ислама. Государственный медиахолдинг TRT успешно монетизирует этот беспрецедентный зрительский

интерес. Структура непрерывно транслирует привлекательный образ современной Турции. Мягкая сила работает. Глубокая эмоциональная эмпатия к вымышленным персонажам трансформируется в устойчивую геополитическую симпатию²¹⁴. Миллионы молодых людей подсознательно начинают воспринимать Анкару абсолютно законным лидером всего суннитского тюркского мира. Процесс формирует колоссальный резерв влияния. Местные политические элиты в городах Бишкек Астана и Ташкент вынуждены постоянно учитывать данный мощный общественный фактор.

Организация тюркских государств логично завершает архитектурное оформление регионального лидерства Анкары. Разрозненные религиозные контакты переводятся в строгий наднациональный формат. Институционализация завершена. Официальное учреждение Совета глав мусульманских религиозных управлений стран участниц четко фиксирует важный аппаратный переход. Прежний неформальный обмен делегациями сменяется жесткой институциональной субординацией. Глава турецкого Diyanet Али Эрбаш физически усадил за один стол руководителей муфтиятов Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Азербайджана под собственным аппаратным патронажем. Турецкое государство монополизирует право модерировать исламский дискурс. Формируется общая духовная идентичность. В ней Анкара выступает безальтернативным центром гравитации, а местные теологические школы окончательно теряют полную автономию. Мягкая сила достигает пиковой эффективности, превращая разрозненные муфтияты в единый механизм трансляции протурецкой повестки. Третье заседание Совета муфтиев, прошедшее в октябре 2023 г. в Туркестане, выработало алгоритмы синхронизации фетв для аудитории, превышающей 150 миллионов мусульман макрорегиона.

²¹⁴ Türk F., Karakuzu T., Özdemir A., Limon İ. Yumuşak Güç Bağlamında Orta Asya'da Türk Dizileri ve TRT Kurumunun Rolü [Текст] // Trakya Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi. 2023. Cilt 14, № 26. S. 1-28. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=1108990> (дата обращения: 09.04.2026).

Теологическая повестка начинает обслуживать внешнюю политику напрямую. Имамы в мечетях Бишкека или Самарканда публично молятся за успех общих тюркских интеграционных проектов, легитимизируя экономические инициативы Турции через сакральные тексты. Религия превращается в эмоциональный клей.

Национальные администрации центральноазиатских республик одобряют турецкое доминирование ради сохранения внутренней стабильности. Компромисс найден. Diyanet передает партнерам готовую бюрократическую матрицу контроля над верующими. Система эффективно блокирует масштабную ближневосточную радикализацию. Согласие на интеграцию в профильный Совет муфтиев становится абсолютно прагматичной платой за прямой доступ к турецкой академической и финансовой инфраструктуре. Новая наднациональная надстройка физически отсекает конкурентов из стран Персидского залива от влияния на формирование исламского права в Евразии. Барьеры выстроены. Анкара возводит глухую институциональную стену вокруг своей операционной зоны. Лояльность многочисленной паствы теперь обеспечивается комплексно. Работают не только турецкие сериалы или благотворительные фонды. Огромную роль играют официальные директивы собственных национальных муфтиев. Они плотно интегрированы в турецкую геополитическую орбиту. Цель достигнута. Религиозная дипломатия кристаллизуется в долгосрочный внешнеполитический ресурс. Культурное присутствие Турецкой Республики становится структурно необратимым процессом.

Массовая трудовая миграция превращает рядовых граждан независимых республик Центральной Азии в автономные транзитные узлы турецкого геополитического влияния. Вектор задан. Ежедневно 100 000 и более человек физически абсорбируют религиозный и культурный код Анатолии. Рабочие из Ферганы или Оша покидают родину исключительно ради банального экономического выживания. Они мгновенно попадают в мощный идеологический инкубатор. Официальные сводки Управления по делам миграции

МВД Турции за 2023 год фиксируют нахождение в стране 109 039 легальных резидентов из Туркменистана. Одновременно получают вид на жительство 73 688 граждан Узбекистана²¹⁵. Огромная масса выходцев из постсоветского пространства глубоко интегрируется в повседневную духовную жизнь турецких городов. Мигранты совершают регулярные намазы в мечетях государственного управления Diyanet. Там они еженедельно слушают профильные проповеди. В них ханафитский ислам неразрывно спит с фундаментальной идеей сильного турецкого государства. Узбекский или туркменский строитель возвращается на родину с прочно укоренившейся ментальной ассоциацией. Политический образ Реджепа Тайипа Эрдогана сливается с концепцией глобального защитника всех мировых мусульман.

Возвращение этих людей домой запускает эффективный механизм низовой проекции турецкой привлекательности. Транзит завершен. Огромная диаспора переносит усвоенную модель ислама обратно в свои консервативные махалли. Процесс радикально меняет социальный ландшафт целых регионов без малейшего участия официального дипломатического корпуса Анкары. Система работает автономно. Бывшие мигранты добровольно пропагандируют турецкий образ жизни среди родственников и соседей. Они транслируют конкретные поведенческие паттерны: от манеры обсуждать религиозные вопросы до копирования турецкой политической риторики в бытовых разговорах. Эта транзитная лояльность обладает абсолютной искренностью. Авторитарные режимы Центральной Азии не способны заблокировать такой массовый экспорт симпатии, так как он физически исходит от их собственных граждан в формате социальных связей. Государственный бренд Турции проникает на самый глубинный уровень. Религиозная дипломатия Анкары получает бесплатно

²¹⁵ Antalya News. Число иностранцев, проживающих в Турции с разрешением на жительство, упало до 1 миллиона 107 тысяч [Текст] // Antalyanews.ru. 2024. URL: <https://antalyanews.ru/2024/01/16/chislo-inostrancev-prozhivayushhih-v-turczii-s-razresheniem-na-zhitelstvo-upalo-do-1-milliona-107-tysyach/> (дата обращения: 09.04.2026)

работающую армию неофициальных послов. Они ежедневно доказывают своим соотечественникам превосходство турецкой социально-политической модели над суровыми местными административными реалиями.

Архитектура турецкого влияния достигла максимальной плотности на территории Кыргызстана. Бишкек в значительной мере открыл свое духовное поле для структур из Анкары, конвертировав религиозную лояльность в инфраструктурные мегапроекты. В 2018 г. Управление по делам религий Турции («Diyanet») завершило строительство Центральной мечети имени Имама Сарахси в кыргызской столице, инвестировав в проект 35 млн долл. Храм вмещает примерно 20 тыс. прихожан и архитектурно ориентирован на османскую классику. Турецкая мягкая сила здесь работает напрямую: кыргызские граждане ежедневно молятся в пространстве, визуально и семантически связанном с анатолийской культурой. Духовная инфраструктура существенно закрепляет статус Турции как одного из главных религиозных патронов республики.

Астана и Ташкент выстроили жесткие прагматичные фильтры, значительно ограничивая прямую теологическую экспансию при сохранении доступа к турецким финансам. Элиты этих стран охотно принимают гранты по линии агентства ТИКА на реставрацию исламских святынь, но строго контролируют иностранных проповедников, запрещая им диктовать содержание пятничных хутб. Казахстанские власти в октябре 2011 г. приняли закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», аппаратно ограничивший работу зарубежных миссионеров на своей территории, введя жесткие правовые рамки²¹⁶. Мягкая сила Турции локализуется в основном в академическом и инфраструктурном сегментах. Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане

²¹⁶ Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 года № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (старая редакция) [Текст] // Информационная система ПАРАГРАФ. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33880342 (дата обращения: 09.04.2026).

функционирует на турецкие дотации, однако учебные программы хорошо модерируются казахстанским правительством. Узбекское руководство привлекает турецких подрядчиков преимущественно для модернизации мемориального комплекса Имама Бухари в Самарканде. Правительство усиливает контроль над попытками распространять суфийские тарикаты анатолийского толка среди местных верующих, извлекая главным образом финансовую и архитектурную выгоду из двусторонних отношений.

Проекция турецкого ислама в значительной мере разбивается о гибридные лингвистические и политические барьеры в двух других республиках региона. Персоязычный Таджикистан часто отторгает теологию, связанную с пантюркистскими проектами, демонстрируя сопротивление «анатолийскому» влиянию. Душанбе ориентируется на собственную традицию с сильным влиянием персидской культуры, по преимуществу воспринимая турецкий религиозный продукт как чуждый, сугубо политизированный инструмент. Туркменистан резко ограничивает мягкую силу Анкары через строгий государственный изоляционизм. Ашхабад существенно ограничил работу иностранных теологических фондов, включая официальный турецкий «Diyanet». Трансграничное влияние сталкивается с жесткими внутренними ограничениями. Официальным турецким структурам практически закрыт доступ к туркменской пастве, что существенно снижает эффективность религиозной дипломатии Турции в этой стране.

Вывод о главе.

Стратегия турецкой мягкой силы в Центральной Азии окончательно утратила черты абстрактного романтического пантюркизма. Анкара в значительной мере выстроила прагматичную систему влияния. Она практически гибко адаптируется под политический ландшафт конкретной республики. Академические проекты больше не несут исключительно гуманитарную миссию. Они все чаще превращаются в скрытый механизм корпоративного лоббирования.

Турецкие вузы и лицеи бесперебойно поставляют лояльную двуязычную технократию. В Казахстане и Узбекистане эти кадры органично вырастают в квазигосударственный сектор. Знание языка и корпоративного права позволяет им существенно обеспечивать тендерный успех и юридическое прикрытие для турецкого транснационального капитала. Кыргызстан через образовательные институты формирует новую элиту, часто отдавая Анкаре контроль над ключевыми медиа и управлением профильными предприятиями. В Туркменистане и Таджикистане работает иной подход. Дипломы там в основном обслуживают сугубо утилитарные задачи. Они волонтерно конструируют сети теневого импорта или готовят узкопрофильных инженеров для совместных сборочных линий. Гуманитарное влияние напрямую капитализируется.

Культурная экспансия усиливает этот экономический фундамент. Она часто работает как единообразная матрица. Турецкая дипломатия в заметной степени сшила историческую память и современность. Продвижение деколониального дискурса подкрепляется масштабным экспортом образа жизни. Популярные телевизионные сериалы этноспорт и профильные молодежные организации создают эффект почти тотального социального присутствия. Возникает достаточно прочная социокультурная база. Фундамент заложен. Именно на ней официальная Анкара постепенно выстраивает свое долгосрочное информационное доминирование. Религиозный вектор логично довершает общую архитектуру влияния. Однако его реальная эффективность часто жестко лимитирована суверенными барьерами. Преграды существуют. Наиболее заметного успеха Турецкая Республика достигла на территории Кыргызстана. Бишкек существенно открыл собственное духовное пространство. Данный шаг позволил Анкаре надежно закрепить статус одного из главных религиозных патронов через масштабные инфраструктурные проекты. Успех очевиден. Астана и Ташкент выставили жесткие прагматичные фильтры. Контроль усилен. Национальные правительства охотно абсорбируют турецкие финансовые гранты

на реставрацию исторических святынь. Одновременно они крайне осторожно блокируют прямую теологическую экспансию анатолийских миссионеров. Баланс соблюден. В государствах Таджикистан и Туркменистан турецкий ислам практически полностью отторгается местными элитами. Изоляция сохраняется. Персоязычная специфика и глубокий государственный изоляционизм в значительной степени сводят религиозную дипломатию к абсолютно минимальному уровню.

Турецкая проекция в Центральной Азии стала сложной и гибридной моделью. Историческая близость служит одной из стартовых площадок. Реальная власть куется через интеграцию в экономику, медиа и духовную инфраструктуру. Этот многомерный интерфейс показывает высокую устойчивость. Он в значительной мере защищает геополитические интересы Турции и делает ее присутствие в регионе почти независимым от ситуативных политических колебаний

ГЛАВА 3. Эффективность использования мягкой силы Турецкой Республикой в Центральной Азии

Третья глава переводит фокус исследования в сугубо практическую плоскость. Охватывая период с 2002 по 2025 год, текст оценивает реальную результативность турецкой стратегии в государствах Центральной Азии. Разбор строится на фиксации прямых последствий гуманитарного и институционального проникновения.

Стартовый раздел инвентаризирует накопленные достижения Анкары. Анализ фокусируется на механизмах трансформации базового экспорта культуры

в устойчивое политическое присутствие. Изучается процесс конвертации образовательных проектов, языковых программ и медийных кампаний в конкретные дипломатические дивиденды. Первоначальная опора на историческую общность давно переросла в прагматичный инструмент продвижения долгосрочных экономических интересов. В этом блоке оцениваются конкретные сектора, где турецкая сторона добилась максимального имиджевого отклика.

Беспрепятственная реализация внешнеполитических доктрин невозможна. Второй параграф вскрывает структурные ограничения, тормозящие турецкую экспансию. Национальные правительства республик жестко контролируют гуманитарный сектор, периодически замораживая работу иностранных структур ради защиты суверенитета. Плотная региональная конкуренция дополнительно сужает пространство для маневра. Опираясь на выявленные барьеры, финальная часть главы разрабатывает прикладные пути модернизации политики Анкары. Итоговые рекомендации предлагают адаптивные алгоритмы координации ведомств, позволяющие повысить эффективность дипломатии и усилить влияние Турции в условиях меняющейся геополитической архитектуры.

3.1 Анализ результатов и достижений в реализации политики мягкой силы Турции в Центральной Азии

Анализ турецких внешнеполитических результатов напрямую опирается на выстроенную материальную базу. Двадцать лет потребовалось Анкаре для развертывания плотной сети профильных институтов в центральноазиатских республиках. Идеологемы об историческом и языковом единстве остаются за рамками этого параграфа. Предметом рассмотрения выступают исключительно функционирующие механизмы, доказавшие свою жизнеспособность на постсоветском пространстве.

Образовательный трек обеспечил наиболее ощутимую отдачу. Массовое выделение правительственных стипендий превратилось в устойчивый канал подготовки лояльных кадров. Одновременно активизировалась полномасштабная медийная экспансия. Систематический запуск специализированных телевизионных программ вкупе с агрессивным экспортом турецкого кинематографа кардинально переформатировали культурный фон принимающих республик²¹⁷. Информационное пространство изменилось. Дальнейший текст детально препарирует скрытые алгоритмы функционирования описанных инструментов. Собранная эмпирическая база неопровержимо доказывает их колоссальный потенциал в области прямой трансформации массовых общественных настроений.

Вливания гуманитарного характера абсолютно целенаправленно конвертируются в глубокое экономическое проникновение. Этот механизм работает безупречно. Активная деятельность профильных правительственных фондов гарантирует непрерывное и стабильное финансирование ключевых локальных инициатив. Масштабное возведение современных медицинских комплексов наряду с реставрацией исторических архитектурных памятников и комплексным технологическим оснащением образовательных учреждений формируют исключительно благоприятную почву. Возникает прочный фундамент общественного доверия. Данная основа служит идеальным трамплином для полноценного входа турецкого коммерческого сектора на внутренние рынки государств. Изучение массива реализованных инфраструктурных проектов наглядно иллюстрирует феноменальный прагматизм турецкой дипломатии. Накопленная имиджевая симпатия стремительно трансформируется в многомиллионные подписанные торговые контракты. Экономика закрепляет политический успех.

²¹⁷ Yilmaz A.N. Culture and art as a means of national promotion for a positive image: Turkey's cultural soft power potential // Development Compilation. 2019. Vol. 15. N. 1. P. 113-142.

Главным измеримым итогом турецкой гуманитарной стратегии стала успешная институционализация региональных симпатий. Десятилетия работы образовательных фондов и языковых центров сформировали критическую массу доверия среди центральноазиатских элит. Высшей точкой конвертации этой мягкой силы в жесткий геополитический актив стал Стамбульский саммит 2021 г., переформатировавший Тюркский совет в Организацию тюркских государств (ОТГ)²¹⁸. Анкара доказала способность превращать общую историческую память в функционирующий политический альянс. Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан согласились делегировать часть координирующих функций наднациональным структурам. Это прямое достижение культурной дипломатии, преодолевшей традиционный постсоветский изоляционизм республик.

Прямым следствием сформированного идеологического доверия стало принятие документа «Видение Тюркского мира – 2040²¹⁹». Национальные правительства добровольно обязались синхронизировать свои цифровые, таможенные и логистические протоколы под эгидой общих тюркских институтов «Видение Тюркского мира – 2040». Документ принят 12.11.2021 Советом глав государств ОТГ. Подобный уровень экономической интеграции невозможен без предварительной глубокой обработки общественного сознания инструментами мягкой силы. Турция добилась уникального психологического результата. Местные управленцы перестали воспринимать турецкие инициативы как внешнюю экспансию, признав их вектором собственного национального развития.

²¹⁸ Налбандян К.С. Организация тюркских государств как инструмент усиления международного влияния Турции // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 6. С. 2676-2688. URL: <https://etnopolitolog.ru/iages/6992023/Налбандян%20К.С.%20Вопросы%20НиФО%20№%206-2023.pdf>

²¹⁹ Türk Dünyası Vizyonu – 2040 [Электронный ресурс] / Türk Devletleri Teşkilatı. İstanbul, 2021. 12 Kasım. 17 s. Режим доступа: <https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения: 10.06.2026).

Материализация накопленного культурного капитала обеспечила рывок в транспортном секторе. Достигнутый уровень политической лояльности позволил участникам ОТГ в 2022 г. подписать Соглашение о международных комбинированных грузоперевозках. Бюрократические барьеры рухнули. Объем транзитных грузов через Каспий по итогам первого года работы соглашения вырос на 33%, превысив отметку в 1,5 млн тонн²²⁰. Эффективность турецкой дипломатии здесь абсолютна. Гуманитарный базис позволил Анкаре выстроить международную архитектуру, решения которой теперь контролируют логистику и торговлю целого макрорегиона.

Капитализация сформированного политического доверия наиболее рельефно проявилась в секторе крупного инфраструктурного строительства. Турецкие мегакорпорации, такие как Rönesans, ENKA и Cengiz Holding, фактически монополизировали рынки возведения правительственных объектов в Астане, Ташкенте и Бишкеке. Получение эксклюзивных контрактов на строительство столичных аэропортов, медицинских кластеров и министерских комплексов происходит преимущественно в формате закрытых государственных тендеров. Отсутствие международной конкуренции здесь является прямым результатом накопленной гуманитарной лояльности. Региональные политические элиты успешно прошли через турецкие образовательные и культурные инициативы. Возник закономерный результат. Данные группы воспринимают подрядчиков из Турецкой Республики в качестве носителей абсолютно безопасной и родственной модели государственного развития. Инструментарий мягкой силы сработал как стопроцентный фильтр доверия. Психологические барьеры рухнули. Подобная трансформация позволила официальной Анкаре

²²⁰ КазТАГ. Объем перевозок грузов по Транскаспийскому маршруту вырос почти в три раза [Текст] / КазТАГ. 2023. 9 февраля. URL: <https://kaztag.kz/ru/news/obem-perevozok-gruzov-po-transkaspiskomu-marshrutu-vyros-pochti-v-tri-raza> (дата обращения: 09.04.2026).

беспрепятственно интегрироваться в процессы создания стратегической инфраструктуры суверенных республик.

Геоэкономическое освоение макрорегиона опирается на глубокую физическую переориентацию центральноазиатских транзитных потоков. Процесс идет стремительно. Замыкание региональной логистики на турецкие морские порты посредством Транскаспийского международного транспортного маршрута представляет собой колоссальный дипломатический триумф. Пропускная способность обозначенного Срединного коридора к началу 2024 г. значительно превысила 2,7 млн тонн грузов. Зафиксирован беспрецедентный рост транзита. Показатели увеличились на 86% за два года. Сухопутные республики добровольно согласились инвестировать миллиардные капиталы в развитие альтернативной артерии. Подобный шаг стал возможным исключительно благодаря феноменально успешному экспорту пантюркистской идеологии. Концепт сработал. Общая культурная идентичность быстро конвертировалась в максимально прагматичный инструмент обеспечения региональной безопасности. Турецкая Республика перестала выступать простым привлекательным гуманитарным ориентиром. Государство превратилось в безальтернативного оператора. Именно этот игрок сейчас жестко контролирует выход Центральной Азии к глобальным морским коммуникациям.

Окончательно сформированная макроэкономическая монополия неопровержимо доказывает высшую степень эффективности выбранной гуманитарной стратегии. Турецкий коммерческий сектор беспрепятственно проникает в ключевые государственные отрасли. Процесс протекает абсолютно без применения инструментов жесткого политического давления или классического долгового шантажа. Условия идеальны. Фиксируемый массивный поток капитала надежно защищен отнюдь не формальными юридическими гарантиями. Главным щитом выступает невероятно плотная сеть межличностных

контактов на высшем уровне лиц, принимающих ключевые решения²²¹. Образовательная и медийная экспансия прошлых десятилетий полностью выполнила свою фундаментальную задачу. Возникла предельно устойчивая среда. Внутри данной экосистемы макроэкономическое поглощение внутренних рынков совершенно не воспринимается в качестве угрозы национальным интересам. Происходящее трактуется исключительно как естественное и взаимовыгодное партнерство.

Переход от гуманитарного влияния к оборонному партнерству фиксирует наивысшую точку результативности турецкой политики в регионе. Суверенные государства закупают вооружение и допускают иностранных специалистов к закрытым технологиям исключительно при наличии абсолютного политического доверия. Десятилетия работы образовательных фондов, трансляции культурных кодов и создания совместных исторических нарративов сформировали среди правящих элит Центральной Азии восприятие Анкары как надежного, не угрожающего суверенитету союзника. Психологический барьер рухнул. Именно накопленный капитал мягкой силы позволил Турции беспрепятственно зайти в самую консервативную сферу государственного управления республик, потеснив там традиционных поставщиков вооружений.

«Дипломатия беспилотников» стала прямым и легко измеримым достижением сформированной гуманитарной лояльности. Армии Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана кардинально меняют структуру своих арсеналов, массово закупая турецкие ударные дроны Bayraktar TB2. Руководство Казахстана пошло значительно дальше обычного импорта, подписав меморандум и запустив в 2022 г. на своей территории совместное предприятие по производству и техническому обслуживанию турецких беспилотников «Anka». Локализация

²²¹ Türkiye's Return to Central Asia and the Caucasus. / ed. by S.E. Cornell. Washington: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2024. 88 p. URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/240622TRCA_merged.pdf

военного производства на территории другого государства доказывает беспрецедентную глубину интеграции. Анкара не просто экспортирует железо, она встраивается в национальный военно-промышленный комплекс. Подобный уровень технологического слияния неразрывно связан с успешной конвертацией имиджевой привлекательности в долгосрочные, стратегические контракты в сфере безопасности.

Фундамент этого доверия целенаправленно и системно бетонируется через подготовку кадрового резерва. Офицерский корпус стран Центральной Азии активно переходит на стандарты военного управления НАТО именно через обучение в академиях Вооруженных сил Турции²²². Ежегодно сотни действующих офицеров и молодых курсантов из тюркоязычных республик проходят стажировки на турецких военных базах, возвращаясь домой носителями совершенно иной управленческой культуры. Здесь образовательный инструмент мягкой силы генерирует максимальную практическую отдачу. Выпускники турецких военных учебных заведений, занимая командные должности в генеральных штабах на родине, естественным образом лоббируют дальнейшие закупки турецкой техники и проведение совместных учений. Культурная и образовательная дипломатия Анкары успешно трансформировалась в инструмент переформатирования оборонной архитектуры всего макрорегиона.

Трансформация потребительского и инвестиционного поведения центральноазиатского среднего класса выступает наиболее глубоким, социологически измеримым итогом гуманитарного проникновения. Анкара успешно создала образ комфортной и безопасной юрисдикции, перехватив у европейских стран статус главного резервного центра для сохранения активов региональных элит. Понятие своеобразного «запасного аэродрома» здесь

²²² Шангараев Р.Н., Галимов И.И. Культурно-образовательное сотрудничество Республики Турции со странами Центральной Азии: Казахстан, Киргизия, Узбекистан // Вестник ученых-международников. 2025. № 3. С. 101-114. URL: https://icomos.org.ru/wp-content/uploads/2026/02/vestnikum-3_25.pdf#page=101

означает добровольный выбор страны для безопасного ведения бизнеса и проживания семей, основанный на глубоком культурном родстве. Предприниматели из Казахстана и Узбекистана массово регистрируют юридические лица в Турции, перенося туда штаб-квартиры своих торговых компаний. Этот переток частных инвестиций напрямую доказывает эффективность работы над имиджем страны. Культурная близость и сформированное доверие заставили бизнесменов поверить в надежность турецкой институциональной среды больше, чем в правовые системы стран Евросоюза.

Доверие к турецкому национальному бренду достигло уровня, при котором граждане тюркоязычных республик готовы делегировать Анкаре вопросы собственной жизни и здоровья. Взрывной рост медицинского туризма фиксирует абсолютную победу политики мягкой силы в сфере социальной психологии²²³. Пациенты вывозят многомиллионные суммы на высокотехнологичное лечение, сложную хирургию и роды именно в турецкие клиники, отказываясь от традиционных поездок в Южную Корею или Германию. Медийное конструирование образа высокоразвитого и одновременно духовно близкого государства принесло четкий финансовый результат. Люди платят за медицинский сервис там, где чувствуют максимальный психологический комфорт, искусственно созданный многолетней гуманитарной работой.

Повседневные привычки населения также претерпели радикальную переориентацию. Массовый закуп товаров повседневного спроса (FMCG), одежды и мебели превратил турецких производителей в доминирующих игроков на внутреннем рынке Центральной Азии. Челночный и коммерческий туризм окончательно замкнулся на Стамбуле. Общий объем несырьевого экспорта

²²³ Ambrosetti E.T., Kuandykov T. Turkish Public Diplomacy in Central Asia. Actors, Narratives, and Local Perceptions // Public Diplomacy between Asia and the Middle East / ed. by F. Frassinetti, S.J. Lee, C. Lovotti. London: Routledge, 2025. P. 88-116.

Турции в Узбекистан за 2019–2023 гг. вырос более чем на 60%, достигнув около 1,7 млрд долл. в 2023 г.²²⁴ Практическое достижение турецкой дипломатии заключается в капитализации образа жизни. Анкара продает не просто конкретный товар, а овеществленную «турецкую мечту», потребность в которой была предварительно воспитана через культурные инструменты. Лояльность населения к транслируемым ценностям автоматически конвертировалась в стабильный спрос на продукцию турецкой промышленности, формируя прочную экономическую зависимость макрорегиона.

Наивысшим и документально зафиксированным достижением турецкой политики мягкой силы стала глубокая институциональная трансформация правового поля стран Центральной Азии. Возник уникальный прецедент. Высокий уровень гуманитарного и политического доверия закономерно конвертировался в готовность государств партнеров добровольно адаптировать собственное внутреннее законодательство под стандарты Анкары. Главным инструментом подобной правовой синхронизации сегодня выступает Парламентская ассамблея тюркских государств. Данный институт прошел стремительную эволюцию. Из сугубо диалоговой площадки структура превратилась в эффективный механизм прямого экспорта юридических норм. Регулярная разработка и последующее принятие так называемых модельных законов демонстрируют феноменальный результат. Мягкая сила полностью стирает бюрократические границы. Происходит унификация правового пространства абсолютно без применения мер политического диктата.

Анализ результатов функционирования парламентской дипломатии требует детального обращения к конкретным примерам правовой гармонизации в ключевых республиках макрорегиона. В Казахстане влияние турецких

²²⁴ Торговые отношения между Узбекистаном и Турцией в цифрах [Электронный ресурс] // Buzb.uz. 2024. URL: <https://buzb.uz/news/torgovye-otnosheniya-mezhdu-uzbekistanom-i-turciej-v-cifrah> (дата обращения: 20.04.2026).

стандартов четко прослеживается в процессах модернизации таможенного администрирования и развития законодательства о специальных экономических зонах. Действующая нормативная база регулирующая активность индустриальных парков на юге страны (в частности, в Туркестанской области) была концептуально адаптирована под турецкую модель организованных промышленных зон. Это дало моментальный экономический эффект. Заход турецких фабрик на местный рынок максимально облегчился. В Узбекистане процессы синхронизации зашли еще глубже. В рамках масштабной либерализации экономики Ташкент принял обновленное законодательство о государственно частном партнерстве и защите иностранных инвестиций. Данный пакет документов структурно и процедурно полностью повторяет успешный турецкий правовой опыт. Механизмы арбитражного урегулирования и принципы распределения рисков при строительстве масштабной инфраструктуры были выстроены с конкретной целью. Они стали на 100% понятны турецким мегакорпорациям.

Подобная глубокая переработка национальных гражданских и торговых кодексов представляет собой высший пилотаж эффективности мягкой силы. Принимающая сторона кардинально меняет внутренние правила игры отнюдь не под угрозой экономических санкций или жестких кредитных обязательств. Это происходит по собственной инициативе на основе искреннего доверия к предлагаемой модели развития. Турция добилась поразительного результата. Центральноеазиатские политические элиты, прошедшие многолетнюю обработку инструментами культурной и образовательной дипломатии, сегодня воспринимают турецкое правовое поле в качестве безусловного эталона модернизации. Иллюзии отсутствуют. Как итог Анкара формирует под себя идеальную бизнес среду²²⁵. Турецкому капиталу больше не требуется болезненно

²²⁵ Сабов И.Н. Имиджевое позиционирование Турции в Центральной Азии: проблемы институционализации интеграции тюркского мира // Вестник Кыргызско-Российского

адаптироваться к местным законодательным барьерам. Причина очевидна. Сами эти барьеры целенаправленно демонтируются и переписываются под турецкий стандарт через механизмы доверительной парламентской работы.

Качественный переход от количественного наращивания базовой инфраструктуры (возведения культовых сооружений и открытия религиозных школ) к статусу главного модератора исламских процессов стал важнейшим результатом турецкой политики мягкой силы. Анализ достижений на данном треке наглядно показывает успешность действий Анкары. Ей удалось полностью конвертировать накопленный религиозный капитал в реальный политический инструмент. Главным маркером успеха стало создание в апреле 2022 г. Совета религиозных лидеров Организации тюркских государств. Данный шаг ознаменовал окончательную институционализацию турецкого духовного лидерства. Мягкая сила переросла стадию неформального влияния. Теперь религиозная политика координируется на высшем межгосударственном уровне. Турция официально задает тон. Именно Анкара сегодня единолично определяет границы правильного и безопасного ислама для всего макрорегиона. Свободных зон влияния больше нет.

Статус модератора означает, что духовные управления мусульман (ДУМ) стран Центральной Азии добровольно признали турецкую модель эталонной. Это прямое достижение многолетней гуманитарной работы. Официальное духовенство региона начало системную переориентацию на турецкую богословскую школу - ханафитский мазхаб и матуридитскую акиду. Если ранее этот процесс носил декларативный характер, то сегодня он закреплён на уровне образовательных стандартов. Например, в Казахстане (через университет Нур-Мубарак) и в Узбекистане (на базе Международной исламской академии) академические программы подготовки имамов синхронизируются с учебными

планами турецкого Управления по делам религии (Diyanet)²²⁶. Практическим результатом этой синхронизации стало беспрецедентное согласование фетв и единых религиозных календарей. Когда муфтияты стран Центральной Азии устанавливают даты начала священного месяца Рамадан и празднования Ид аль Фитр исключительно по расчетам Анкары игнорируя традиционные астрономические вычисления Саудовской Аравии возникает беспрецедентная ситуация. Это демонстрирует безоговорочную победу турецкого духовного авторитета.

В контексте глубокого анализа достижений мягкой силы физическое и идеологическое вытеснение конкурентов с религиозного поля выступает не просто историческим фактом. Данный процесс служит прямым доказательством исключительной эффективности выбранной Турецкой Республикой стратегии. Арабское влияние, исторически опиравшееся на колоссальные финансовые вливания со стороны Саудовской Аравии и Катара, полностью уступило турецкому подходу. Стратегия изменилась. Светские политические элиты центральноазиатских республик объективно оценивая риски радикализации общества осознанно сделали ставку на турецкую модель ислама. Данная парадигма исторически жестко подчинена государству и абсолютно лояльна светским законам. Инструментарий мягкой силы победил. Причина кроется в предложении местным правительствам не просто религиозной концепции, а полноценного инструмента обеспечения национальной безопасности. Формирование единого тюркского и исламского пространства полностью очищенного от неконтролируемых радикальных течений Ближнего Востока является подлинно триумфальным итогом многолетней дипломатии. Анкара добилась поразительного результата. Ее религиозная матрица сегодня

²²⁶ Туана М. Направления политики «мягкой силы» Турции: сравнительный анализ институтов культурной дипломатии (2002-2024 гг.) // Вопросы политологии. 2025. Т. 15. № 9. С. 3783-3795. URL: <https://voprospolitolog.ru/ages/91212025/Туана%20М.%20Вопросы%20политологии%20№%209-2025.pdf>

воспринимается в макрорегионе отнюдь не в качестве внешней экспансии. Происходит трактовка данной модели как естественного духовного фундамента суверенных государств.

Одним из наиболее фундаментальных достижений турецкой политики мягкой силы в Центральной Азии стал выход далеко за пределы базового культурного и развлекательного влияния. Произошел успешный перехват контроля над политическим дискурсом. Ранее симпатии населения формировались преимущественно через активный экспорт популярной культуры. Сегодня главным измеримым результатом работы механизмов мягкой силы выступает конструирование абсолютно единого информационного пространства. Анкара сумела окончательно убедить политические элиты региона в острой необходимости формирования суверенной информационной политики. На практике подобная риторика обернулась добровольной интеграцией национальных медийных систем Центральной Азии с мощной турецкой информационной машиной. Возникла новая реальность. Данный фактор позволил начать системное и планомерное вытеснение традиционных российских агентств уровня ТАСС или РИА-Новости, а также западных структур уровня BBC и Reuters. Происходит их стремительная замена исключительно выгодной для Турецкой Республики геополитической оптикой²²⁷.

Институциональным закреплением обозначенного результата стало совершенно беспрецедентное объединение государственных информационных ресурсов. Ключевым маркером здесь выступает недавнее подписание серии эксклюзивных меморандумов между признанным флагманом турецкой пропаганды агентством Анадолу и ведущими национальными медиахолдингами республик. Обновленные соглашения с международным информационным

²²⁷ Джаймаз Я. Внешняя политика Турции в Центральной Азии // Мировое и национальное хозяйство. 2018. № 1. URL: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/foreign-policy-of-turkey-in-central-asia.pdf>

агентством Казинформ подписанные осенью 2022 г. а также договоры с агентством УЗА заключенные в 2021 г. и Национальным информационным агентством Кабар кардинально изменили базовые принципы взаимодействия. Суть подписанных меморандумов выходит предельно далеко за рамки формального обмена новостными сводками. Документы напрямую подразумевают беспрепятственную ретрансляцию контента абсолютно без искажений взаимное открытие новых корреспондентских пунктов регулярные стажировки центральноазиатских журналистов в Анкаре и совместную борьбу с так называемой дезинформацией. Апогеем протекающей интеграции стало создание в ноябре 2023 г. в Стамбуле Альянса тюркских информационных агентств. В контексте анализа результатов применения мягкой силы это означает беспрецедентный шаг. Целевые государства абсолютно добровольно предоставили Турецкой Республике прямой и совершенно немодерируемый доступ к процессу формирования ежедневной новостной картины для собственных граждан.

Практическая конвертация сформированного информационного доминирования невероятно ярко проявляется в изменении угла подачи мировых новостей. Оптика сместилась. Население Центральной Азии все чаще воспринимает текущие глобальные кризисы не через призму Москвы или Вашингтона. Фокус смещен исключительно на турецкую геополитическую трактовку. Показательным примером служит специфическое освещение обострения палестинского и израильского конфликта в секторе Газа начиная с осени 2023 г. Государственные средства массовой информации Центральной Азии всецело опираясь на ленту Анадолу транслировали строгий нарратив исламской солидарности. Возник колоссальный контраст со сдержанными оценками западных агентств или специфическими акцентами российских медиа. Турция начала позиционироваться в качестве главного защитника прав мусульман на международной арене. Аналогичная картина наблюдалась при

освещении событий Второй Карабахской войны. Турецкая подача информации сформировала в регионе абсолютную и безоговорочную поддержку стратегического альянса Баку и Анкары.

Подводя итоги следует признать очевидное. Глубокий анализ информационного вектора неопровержимо доказывает высочайшую результативность применения механизмов мягкой силы официальной Анкарой. Турецкая Республика добилась колоссального успеха. Социум стран Центральной Азии начинает абсолютно синхронно с турецким обществом реагировать на глобальные мировые вызовы. Формирование лояльного общественного мнения теперь осуществляется в полностью автоматическом режиме. Процесс идет исключительно через легальные государственные каналы стран данного макрорегиона. Подобная архитектура взаимодействия полностью исключает малейшую необходимость применения внешнего политического давления. Суверенные государства Центральной Азии самостоятельно и добровольно ретранслируют выгодные турецкие политические смыслы. Результат налицо. Указанный механизм надежно обеспечивает Анкаре мощный идеологический тыл на всем геополитическом пространстве.

Самым фундаментальным достижением турецкой дипломатии в макрорегионе стала глубокая переоценка прошлого. Именно этот фактор гарантирует Анкаре долгосрочный стратегический эффект. Произошел беспрецедентный концептуальный сдвиг. Мягкая сила обеспечила абсолютно успешную институциональную ревизию исторической памяти внутри независимых суверенных государств региона. Анализ результатов на данном направлении показывает, что Турция перешла от точечной работы через свои культурные центры к системному, санкционированному на высшем уровне изменению государственного образовательного ядра стран-партнеров. Анкара добилась колоссального идеологического сдвига. Национальные министерства

образования добровольно легализовали турецкий исторический нарратив, интегрировав его в базовые школьные программы.

Главным измеримым результатом этой политики стала разработка и внедрение единых учебников «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература» и «География тюркского мира»²²⁸. Этот процесс, курируемый Международной тюркской академией, представляет собой беспрецедентный случай в мировой практике, когда целевые государства предоставляют внешнему актору легальный доступ к формированию базового мировоззрения своих граждан со школьной скамьи.

Практическая реализация этого достижения уже имеет конкретные очертания. В Казахстане, начиная с 2022–2023 учебного года, дисциплина «Общая тюркская история» поэтапно внедряется в качестве обязательного факультатива для учащихся 8-9 классов средних школ, а элементы программы включены в вопросы Единого национального тестирования (ЕНТ). В Кыргызстане профильное министерство запустило пилотное тестирование данных учебных комплексов в ряде инновационных школ Бишкека и Оша с перспективой масштабирования на всю республику. В Узбекистане идеи общетюркского единства активно имплементируются в обновленные учебники по истории родного края.

В рамках анализа успешности реализации мягкой силы важно подчеркнуть содержательную сторону этого процесса. Происходит системное замещение традиционной российско-советской исторической парадигмы на тюркоцентричную модель²²⁹. В рамках новых образовательных стандартов период пребывания республик в составе Российской империи и СССР все чаще

²²⁸ Волина А.А. Организации, реализующие мягкую силу Турции в тюркских государствах Центральной Азии // Ломоносов-2025 : материалы Междунар. молодеж. науч. форума, г. Москва, 11–25 апреля 2025 г. Москва : МАКС Пресс, 2025. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2025/data/36846/180781_uid1039485_report.pdf

²²⁹ Колесникова М., Урпер М. Концепция «Век Турции» как новый камертон внешней политики Анкары // Международная жизнь. 2025. № 8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3247>

концептуализируется исключительно в терминах колониализма и потери субъектности. В противовес этому, исторические эпохи Тюркских каганатов, Империи Сельджукидов и Османского государства преподносятся школьникам как «золотой век» цивилизационного, культурного и политического единства.

В контексте подведения итогов политики мягкой силы, данный блок фиксирует ее наивысшую эффективность. Турция смогла преодолеть защитные механизмы суверенных государств в самой чувствительной сфере - воспитании будущих поколений. Воспитание новой центральноазиатской молодежи на базе единого тюркоцентричного мировоззрения, написанного по лекалам Анкары, является абсолютным политическим достижением. Данный фактор гарантирует важнейший результат. Будущие политические и экономические элиты макрорегиона станут воспринимать стратегическое лидерство Турецкой Республики отнюдь не в качестве внешней экспансии. Процесс будет неизбежно трактоваться как совершенно естественное и исторически обусловленное возвращение к общим корням.

Важнейшим измеримым достижением турецкой политики мягкой силы стало абсолютно успешное формирование предельно лояльной управленческой элиты. Образовательная дипломатия прошлых десятилетий принесла свои финальные плоды. Эффект колоссален. Официальная Анкара решительно перешла от простой раздачи академических грантов к прямой монетизации накопленного кадрового капитала. Тысячи молодых специалистов вернулись на родину. Сегодня эти кадры профессионально выросли и прочно заняли ключевые государственные посты. В контексте глубокого анализа результатов подобная динамика означает полный успех. Турция сформировала внутри независимых суверенных государств невероятно мощный протурецкий актив. Гуманитарная мягкая сила трансформировалась в предельно жесткий административный ресурс.

Произошла четкая институционализация накопленного влияния. Лояльные выпускники создали престижные закрытые клубы. Самым ярким примером служит функционирование глобальной сети ассоциаций Türkiye Mezunları. Данные объединения выпускников Турции сегодня абсолютно открыто и легально действуют на территории Казахстана Кыргызстана и Узбекистана. Сеть стремительно расширяется. Это больше не простые кружки по интересам или сентиментальные площадки для ностальгии по студенческим годам. Возникли полноценные и абсолютно легальные лоббистские структуры. Указанные ассоциации регулярно проводят закрытые деловые форумы. Они системно организуют прямые встречи прибывающих турецких инвесторов с профильными местными чиновниками высшего ранга. Лояльные группы самостоятельно создают реестры благонадежных местных партнеров для турецкого коммерческого сектора. Они выступают неформальным гарантом многомиллионных сделок исключительно на уровне личных связей. Связки работают идеально.

Масштабная кадровая экспансия наглядно демонстрирует наивысшую степень эффективности данной стратегии. Выпускники турецких высших учебных заведений массово интегрировались в систему государственного управления суверенных республик. Тенденция поражает своей глубиной. Лояльные лица становятся заместителями министров экономики строительства и образования. Данные кадры уверенно руководят стратегическими департаментами в министерствах иностранных дел. Их концентрация особенно высока в высшем руководящем составе крупных национальных компаний.

В Казахстане это профильные структуры государственного холдинга Самрук Казына и ключевые инвестиционные блоки фонда Байтерек. Протурецкие управленцы также прочно вошли в руководство специальных экономических зон. В Узбекистане лояльные кадры жестко контролируют важнейшие направления национальной корпорации Узбекнефтегаз. Аналогичная

картина наблюдается в разветвленной структуре Министерства инвестиций промышленности и торговли, а также в мощном градостроительном комплексе республики. Архитектура интеграции полностью завершена. В Кыргызстане они занимают посты в таможенных органах и логистических хабах.

На практике формируется невидимая, но сверхэффективная бюрократическая сеть. Это главный практический триумф мягкой силы Турции. При принятии стратегических государственных решений эта сеть по умолчанию работает в интересах Анкары. Национальные чиновники с турецкими дипломами лоббируют преференции для турецких подрядчиков. Это ярко проявляется при распределении масштабных государственных тендеров.

Например, реализация мегапроекта «Tashkent City» и строительство олимпийского городка в Узбекистане были отданы турецким девелоперам при активной поддержке лояльных чиновников. В Казахстане именно турецкие холдинги (такие как TAV Airports или YDA Group) системно выигрывают конкурсы на управление и строительство международных аэропортов (Алматы, Туркестан), а также возведение крупных медицинских центров и автомагистралей. Турецким компаниям отдается приоритет в энергетических тендерах, включая строительство парогазовых установок в южных регионах Центральной Азии.

Секрет этого успеха прост. Тендерную документацию готовят кадры, воспитанные в Турции. Решения принимают люди, искренне считающие турецкие корпоративные стандарты лучшими в мире. Это не является коррупцией в ее классическом виде. Это феноменальное достижение политики мягкой силы. Анкаре больше не нужно оказывать политическое давление на правительства стран Центральной Азии. Она просто вырастила целое поколение управленцев, которые сами, абсолютно добровольно и убежденно, принимают экономические решения в пользу турецкого государства.

Новым рубежом турецкой мягкой силы стала тотальная цифровая экспансия. Анкара успешно конвертировала накопленный культурный капитал в технологическое доминирование. Анализ результатов на этом треке поражает. Лояльность к турецким сериалам и брендам плавно переросла в абсолютное доверие к турецким IT-экосистемам. Это прямое, измеримое достижение многолетней дипломатии. Страны Центральной Азии добровольно открыли свои цифровые границы для турецких технологических гигантов. Теперь именно их архитектура формирует потребительские привычки целого макрорегиона.

Самый яркий пример – агрессивный, но желанный заход маркетплейса Trendyol. Он стремительно стал крупнейшим инвестором в логистику и электронную коммерцию Центральной Азии. В Казахстане приложение Trendyol мгновенно вырвалось в лидеры по скачиванием, обойдя многих глобальных конкурентов. Компания не просто продает одежду и электронику. Она трансформирует инфраструктуру. Строительство гигантского логистического парка площадью более 50 тыс. кв м в Алматинской области, инвестиции в который исчисляются десятками миллионов долларов яркий пример²³⁰. В Узбекистане наблюдается аналогичная картина. Турецкая платформа интегрируется в местный рынок так глубоко, что становится сервисом «по умолчанию» для среднего класса.

За электронной торговлей неизбежно следуют финансы. Происходит тихая, но глубокая интеграция турецких финтех-решений в банковские сектора республик. Местные банки в Узбекистане и Казахстане начали активно внедрять турецкие процессинговые системы и платежные шлюзы (например, технологии компании PayCore). Это делается для бесперебойного обслуживания колоссального товарооборота. Одновременно создаются совместные площадки

²³⁰ В Алматинской области открылся Евразийский логистический парк [Электронный ресурс] // Tribune.kz. 2025. 2 дек. URL: <https://tribune.kz/v-almatinskoj-oblasti-otkrylsya-evrazijskij-logisticheskij-park/> (дата обращения: 20.04.2026).

для разработчиков. Турецкая технологическая долина Bilişim Vadisi включает прямые стратегические альянсы с Astana Hub в Казахстане и IT Park в Узбекистане. Это дает в рамках мягкой силы очень многое. Турецкие алгоритмы управления стартапами, венчурным капиталом и цифровыми продуктами становятся базовым эталоном для местных программистов и инженеров.

Итог этой стратегии феноменален с точки зрения геополитического влияния. Формируется новая реальность. Центральноазиатская молодежь начинает жить в полностью турецкой цифровой среде. Утром они заказывают товары на Trendyol или Hepsiburada. Днем используют сервисы доставки, оптимизированные турецкими IT-решениями. Вечером потребляют медиаконтент на турецкой цифровой платформе Tabii²³¹.

В контексте оценки политики мягкой силы это стопроцентный успех. Турция сформировала глубокую структурную зависимость. При этом она совершенно не воспринимается обществами как угроза национальным интересам. Наоборот, население Центральной Азии искренне считает интеграцию в турецкую IT-экосистему безусловным благом, признаком модернизации и комфорта. Анкара добилась того, что цифровой суверенитет стран-реципиентов добровольно делегируется турецким корпорациям, окончательно цементируя геоэкономическое лидерство Турции в регионе.

Финальным и самым массовым измеримым результатом турецкой политики мягкой силы стала кардинальная трудовая и демографическая переориентация макрорегиона. Долгосрочная культурная дипломатия и грамотная визовая политика привели к тектоническому сдвигу в миграционных потоках. Это больше не просто социальное явление. В контексте нашего анализа

²³¹ Özlü Ö. Türkiye's digital public diplomacy in Central Asia: competing with China and Russia for soft power influence // *Ufuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. 2025. Vol. 14. N. 28. P. 8-28. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/5282490>

это безусловный геополитический триумф Анкары. Историческая инерция оказалась сломлена.

Если десятилетиями ранее до 70-80% трудовых мигрантов из Узбекистана, Туркменистана и Кыргызстана направлялись на заработки в Россию, то сегодня статистическая картина существенно изменилась. Турция превратилась в миграционный хаб совершенно нового типа. Сработал накопительный эффект. Привлекательный образ безопасной и процветающей страны, годами транслируемый через сериалы, наложился на комфортные безвизовые режимы. В массовом сознании обывателя Стамбул стал более престижной и комфортной альтернативой Москве.

Сотни тысяч граждан республик Центральной Азии сегодня выбирают Турцию. В Стамбуле, Анкаре и Анталье сформировались огромные, сплоченные диаспоры. При этом турецкие власти действуют стратегически. Они не отторгают этот поток. Наоборот, идет масштабная легализация статуса приезжих, выдача разрешений на работу и видов на жительство (икамет). Человек быстро интегрируется. Он легко осваивает близкий язык, погружается в турецкую культуру и автоматически становится носителем турецких ценностей.

Главным политическим итогом этого процесса является формирование мощнейшей структурной зависимости. Мягкая сила здесь конвертируется в жесткие финансовые показатели. Фиксируется значительный рост денежных переводов из Турции в страны Центральной Азии. Национальные банки региона (в частности, Узбекистана и Кыргызстана) отмечают кратное увеличение объемов финансовых транзакций по турецкому направлению за последние пять лет.

Для оценки достижений турецкой дипломатии этот факт имеет ключевое значение. Для оценки достижений турецкой дипломатии этот факт имеет ключевое значение. Отдельные области в Кыргызстане (особенно южные регионы) и густонаселенные районы Узбекистана существенно зависят от стабильности турецкого рынка труда. Семьи выживают и строят дома за счет лир,

заработанных в Стамбуле. Это дает Анкаре колоссальный, хотя и непубличный, рычаг влияния. Правительства стран-партнеров вынуждены выстраивать исключительно дружественную и лояльную политику в отношении Турции. Они физически не могут рисковать благополучием миллионов своих граждан. Таким образом, мягкая сила Турции, начавшись с экспорта телевизионных драм, завершилась созданием фундаментальной социально-экономической привязки государств Центральной Азии к турецкой метрополии.

Анализ эффективности турецкой мягкой силы в Центральной Азии демонстрирует ее качественную и далеко идущую трансформацию. Анкара совершила масштабный стратегический переход. От классической культурной дипломатии она перешла к глубокому структурному проникновению. Это основной измеримый результат многолетней работы. Турецкое влияние больше не ограничивается экспортом поп-культуры, языковыми курсами или строительством мечетей. Оно обрело прочную институциональную форму. Мягкая сила в значительной степени конвертировалась в жесткие геоэкономические, административные и политические дивиденды. Суверенные государства региона зачастую самостоятельно интегрируют турецкие стандарты в свои базовые институты.

Достижения Анкары носят комплексный, многослойный характер. В сфере образования Турция оказала заметное воздействие на историческую память. Тюркоцентрические нарративы существенно усилены, хотя и не вытесняют полностью локальные исторические сюжеты. В информационном поле Анкара играет ведущую роль в отдельных медиапространствах, но не контролирует повестку монопольно. Многолетняя кадровая работа принесла наиболее ощутимые результаты. Воспитанная в турецких высших учебных заведениях новая управленческая элита сегодня выступает важнейшим лоббистом интересов официальной Анкары. Процесс особенно ярко проявляется при распределении масштабных государственных ресурсов. Параллельно

происходит абсолютно тихая и планомерная экспансия турецких цифровых платформ. Информационные технологические экосистемы и глобальные электронные торговые площадки прочно вошли в повседневную жизнь социума. Сам внутренний турецкий рынок стремительно превратился в важнейший миграционный и инвестиционный центр для всего макрорегиона. Возник синергетический эффект. Все перечисленные механизмы теперь функционируют в невероятно устойчивой связке.

Специфика восприятия подобной масштабной экспансии стала главным геополитическим достижением Турецкой Республики. Триумф очевиден. В ряде стран макрорегиона сформирована критически заметная экономическая и технологическая привязка к внешнему игроку. Сегодня Турция уверенно воспринимается в качестве привлекательного альтернативного вектора суверенного развития. При этом внутри обществ Центральной Азии данное колоссальное влияние практически не встречает малейшего массового сопротивления. Феномен легко объясним. Тотальное присутствие Анкары чаще всего трактуется исключительно как долгожданное возвращение к общим историческим корням. Общество видит в этом надежную потенциальную гарантию региональной безопасности и прямой путь к системной модернизации. Анкара не принуждает страны региона к союзу через прямое давление или шантаж. Она конструирует новую реальность. В этой парадигме центральноазиатские государства осознанно стремятся углубить связи и включиться в транснациональные турецкие сети. Подобный подход надежно цементирует позиции Турции как одного из ключевых игроков в Евразии на предстоящие десятилетия.

3.2 Актуальные проблемы и ограничения в использовании политики мягкой силы Турцией в Центральной Азии

Институциональная база турецкого влияния в Центральной Азии испытывает серьезное давление. С 2002 г. Анкара выстраивала гуманитарную сеть через структуры ТКА, институты Юнуса Эмре и фонды «Маариф». Сейчас этот механизм столкнулся с жестким дефицитом ресурсов. В 2023 г. официальная инфляция в Турции достигла 61,53%²³². Это спровоцировало принудительный секвестр внешнеполитических бюджетов. Образовательные программы продолжают работать, хотя и с ограничениями. Инфраструктурные гранты реализуются, но в меньших объемах. Модель экспорта лояльности работала бесперебойно в эпоху экономического бума нулевых. Теперь она буксует. Макроэкономическая нестабильность страны-донора разрушает финансовый фундамент культурной экспансии.

Монополия на формирование социокультурных стандартов в регионе невозможна. Слишком высока геополитическая конкуренция. Астана и Ташкент действуют предельно прагматично. Они диверсифицируют внешние контакты, балансируя между российским образовательным полем, китайскими технологическими инвестициями и англосаксонским вектором. Западные университеты активно расширяются, но турецкие предложения остаются конкурентоспособными за счет культурной близости. Республики Центральной Азии охотно потребляют коммерческий турецкий продукт, будь то кинематограф или туризм. При этом механизмы глубокой идеологической интеграции жестко блокируются на уровне правительств ради защиты национального суверенитета. Организация тюркских государств (ОТГ) используется местными элитами как

²³² Инфляция в Турции 2025 | Индекс потребительских цен | Take-profit.org [Электронный ресурс] // Take-profit.org. URL: <https://take-profit.org/statistics/inflation-rate/turkey/> (дата обращения: 20.04.2026).

инструмент экономического и транзитного сотрудничества, а также политической координации. Наднациональные политические инициативы отсекаются.

К 2025 г. турецкая мягкая сила столкнулась с серьезными вызовами. Инструментарий притяжения теряет эффективность. Давят внутренние экономические проблемы и встречная активность других игроков евразийского пространства. Прагматичный расчет доминирует в двусторонних повестках стран региона, хотя культурные связи остаются важным фактором. Системная расшифровка этих ограничений требует поэтапного фактологического разбора.

Материальная база турецкой мягкой силы подвергается сейчас колоссальным нагрузкам. Поддержание глобальных гуманитарных инициатив предполагает непрерывное выделение значительных средств. Однако длительный макроэкономический спад заметно связывает руки официальной Анкаре. За период с 2018 по 2024 год национальная валюта обесценилась крайне сильно. Если шесть лет назад официальный курс составлял около 4,8 лиры за один американский доллар, то к началу 2026 г. этот показатель превысил отметку в 30 единиц. Показатели внутренней инфляции также регулярно обновляют исторические максимумы. По прошествии 2023 г. она достигла 61,53%, снизившись лишь к уровню 32% в 2026 г.²³³ Финансирование масштабных внешних проектов превращается в непомерную нагрузку для государственного бюджета. Вследствие этого республика быстро утрачивает финансовую привлекательность на евразийском пространстве гуманитарного влияния.

Закономерным итогом стало урезание государством бюджетов профильных ведомств. Основной удар приняли на себя ключевые механизмы внешнеполитического влияния, а именно агентство ТІКА, Управление по делам соотечественников за рубежом и структуры Института Юнуса Эмре. Выделение

²³³ The Central Bank of the Republic of Turkey – Consumer prices: year-to-year CPI changes [Электронный ресурс]. Центральный банк Турецкой Республики (TCMB). Режим доступа: <https://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/EN/TCMB+EN/Main+Menu/Statistics/Inflation+Data/Consumer+Prices> (дата обращения: 20.04.2026).

инфраструктурных грантов пока не остановлено, однако их объемы заметно упали. Программа выделения стипендий Türkiye Bursları функционирует в усеченном виде, при этом темпы роста числа квот для абитуриентов из стран Центральной Азии существенно замедлились. Одновременно покупательная способность предоставляемых финансовых поощрений упала на фоне обесценивания национальной валюты. Фактические масштабы официальной помощи в целях развития неуклонно снижаются при пересчете в долларовый эквивалент. Физическая оплата масштабных зарубежных социокультурных мероприятий становится все более затруднительной задачей в условиях текущих экономических проблем.

Подобные трансформации привели к изменению самой формы взаимодействия в регионе. Анкара вынужденно делает выбор в пользу более прагматичных соглашений. Возведение образовательных учреждений, медицинских и культурных центров в государствах Центральной Азии теперь опирается на смешанные источники финансирования. Сюда входят грантовые средства, кредитование и подрядные услуги турецких строительных корпораций. Подобный подход представляет собой полноценное деловое сотрудничество, выступающее логичным дополнением к классическим инструментам гуманитарного влияния. Переход отношений на коммерческие рельсы несколько не вредит имиджу Турции в роли лидера тюркского мира. Напротив, этот процесс адаптирует взаимодействие к актуальным реалиям. Расширение платных услуг в сфере образования и совместные инвестиционные проекты выстраивают прочные практические связи, которые надежно подкрепляют культурную лояльность местного населения.

Дополнительные сложности для расширения турецкого гуманитарного присутствия создает отсутствие общих сухопутных рубежей. Территориальная оторванность от Центральной Азии устанавливает жесткие географические ограничения. В рамках дипломатических заявлений

Транскаспийский международный транспортный маршрут часто позиционируется в качестве важнейшего связующего звена для трансляции культурного влияния. На практике развитие этого направления идет, пусть и без стремительных рывков. Происходит постепенная модернизация каспийских портовых зон Актау и Туркменбаши. Объем грузоперевозок по этому транспортному коридору увеличился с 2,5 млн тонн в 2023 г. до 4,5 млн тонн к 2025 г.²³⁴ Внедрение новых паромных переправ и электрификация железнодорожного полотна позволяют частично компенсировать трудности таможенной координации и неблагоприятные погодные факторы. Транзитные расходы постепенно падают, превращая стратегический проект в действенную логистическую артерию. Тем не менее прямое физическое участие турецкой стороны все еще требует серьезных капиталовложений.

Высокая стоимость транспортных услуг выступает барьером для массового обмена молодежью. Быстрое сообщение между странами возможно преимущественно за счет авиаперелетов. При этом средняя цена билета экономического класса на прямые рейсы между Стамбулом и Ташкентом или Бишкеком варьируется от 300 до 450 долларов в зависимости от времени года. Подобные расценки остаются весьма существенными для среднестатистического центральноазиатского студента или начинающего специалиста. В данном контексте Российская Федерация и Китайская Народная Республика имеют неоспоримое географическое преимущество. Наличие общих сухопутных кордонов и разветвленной системы доступных железнодорожных путей обеспечивает этим странам стабильный и массовый приток иностранных граждан. Билет на пассажирский поезд из казахстанских регионов в российские университетские центры обходится в считанные десятки долларов. Человек едет

²³⁴ Грузоперевозки по ТМТМ выросли за I полугодие 2025 года на 7% до 2,3 млн тонн [Электронный ресурс] // PortNews.ru. 2025. 21 авг. URL: <https://portnews.ru/news/380887/> (дата обращения: 20.04.2026).

за знаниями и культурой туда, куда может дешевле добраться. Анкара активно субсидирует перелеты для участников образовательных программ через стипендии Türkiye Bursları.

Альтернативный сухопутный маршрут через Иран создает дополнительные логистические сложности. Транзит в Центральную Азию через территорию Ирана делает турецкие проекты зависимыми от региональной конъюнктуры. Тегеран контролирует этот логистический коридор. Иранская таможня периодически создает задержки, взимая повышенные сборы. В периоды обострения отношений возможны блокировки контрольно-пропускных пунктов Гюрбулак–Базарган на несколько дней. Грузы с оборудованием для турецких школ, больниц и культурных центров могут простаивать в очередях. Санкционный режим ограничивает финансовые расчеты по транзитным услугам. Зависимость от транзитных стран-соседей усложняет логистику. По-настоящему эффективная мягкая сила физически не может опираться на столь уязвимую логистику.

Идеологический базис турецкой мягкой силы сталкивается с политическими реалиями региона. Республики Центральной Азии находятся на этапе активного конструирования собственной национальной идентичности. Астана реализует концепцию «Справедливого Казахстана», опираясь на уникальный евразийский код. Ташкент строит «Новый Узбекистан» с акцентом на суверенное наследие. Риторика старшего партнера претерпела закономерную эволюцию. В регионе сформировался неоосманистский дискурс. Начиная с 2002 г. Турецкая Республика целенаправленно конструирует образ духовного центра всего тюркского мира. Однако местные элиты проявляют крайнюю осторожность. Подобная идеологическая амбициозность воспринимается ими в качестве латентной угрозы государственному суверенитету. Процесс сближения тормозится. Это объективно сужает горизонты возможной двусторонней интеграции.

Трансформация институтов сотрудничества обнажает структурные пределы турецкой гегемонии. Создание Организации тюркских государств в 2021 г. стало несомненным пиком интеграционных инициатив Анкары. Затем возникло препятствие. Равноправный статус стран участниц сформировал барьер для установления доминирующей позиции одной державы. Уставные документы полностью исключают формирование наднациональных директивных органов. Республика получила престижную дипломатическую площадку. При этом инструменты политического диктата были полностью утрачены. Региональные акторы проявили исключительное дипломатическое искусство. Тюркская инициатива была жестко ограничена рамками консультативного формата. Механизмы гуманитарного влияния столкнулись с непреодолимой преградой. Этим препятствием стал институциональный консенсус равных партнеров.

Анализ военной и экономической повестки дополнительно подчеркивает границы политического слияния. Идея создания объединенной армии систематически и показательно игнорируется центральноазиатскими столицами. Закупки беспилотных комплексов и тяжелой бронетехники носят исключительно коммерческий характер. Это стандартная диверсификация национальных вооруженных сил. Реальные шаги по созданию военного союза полностью отсутствуют. Данный факт наглядно демонстрирует наличие мощного щита против любой формы политической субординации. Государства приветствуют приток инвестиций и реализацию выгодных контрактов. Вопросы политического подчинения выносятся далеко за скобки двусторонней повестки. Прагматизм побеждает. Исключительная рациональность республик Центральной Азии блокирует использование мягкой силы ради достижения Турцией стратегического превосходства.

Присутствие Российской Федерации создает наиболее фундаментальный барьер для турецкой гуманитарной экспансии. Российская сторона опирается на исторически укоренившуюся архитектуру влияния.

Русский язык продолжает сохранять статус основного и безальтернативного инструмента межнационального общения. Он доминирует в науке и системе высшего образования. Общее советское прошлое надежно цементирует прочную ментальную связь поколений. Турецкие инициативы пока не обладают достаточным ресурсом для перестройки этого фундамента. Попытки инициировать культурную переориентацию населения неизбежно проваливаются. Причиной выступает тотальное преобладание русскоязычного медийного пространства. Охват подобного вещания в Кыргызской Республике достигает 59%. На территории Республики Казахстан этот показатель уверенно превышает половину всей зрительской аудитории²³⁵. Telegram, YouTube и ВКонтакте используются преимущественно в русскоязычном сегменте. Турецкие сериалы популярны как развлечение, но не формируют новостную и политическую повестку, где доминируют российские источники.

Колоссальный разрыв в миграционной привязке подчеркивает пределы турецкого влияния. Статистика показывает что в Россию ежегодно прибывает 500–600 тыс. мигрантов из ЦА, в Турцию – десятки тысяч. По данным 2023 г., в Турции 150–200 тыс. икамет из ЦА, в России – миллионы. Этот человеческий трафик генерирует глубокие социально-экономические связи. Денежные переводы из России составляют 10–20% ВВП Кыргызстана и Узбекистана, из Турции – менее 5%²³⁶. Ежедневный контакт миллионов с Россией создает лояльность, которую турецкие гранты не перекрывают количественно и качественно.

Институциональная архитектура окончательно блокирует турецкую монополию. Участие стран региона в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС)

²³⁵ Media consumption in Central Asia: where to find your audience [Электронный ресурс]. – IT-COMMUNICATIONS (ItComms.io). 21.06.2023. Режим доступа: <https://www.itcomms.io/ru/post/mediaconsumption> (дата обращения: 20.04.2026).

²³⁶ Росстат статистика миграции из стран Центральной Азии в Россию [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики РФ (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 20.04.2026).

и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) намертво привязывает их к российским стандартам. Экономика Казахстана и Кыргызстана глубоко интегрирована в структуры ЕАЭС. Это означает внедрение единых таможенных тарифов, общих технических регламентов, ГОСТов и санитарных норм, которые базируются на российской нормативно-правовой базе. Любой турецкий бизнес, заходящий в регион, вынужден сертифицировать свои товары по правилам, написанным в Москве. В сфере безопасности ситуация еще более монолитна. ОДКБ формирует единое оборонное пространство. Военная инфраструктура региона исторически заточена под советское и российское вооружение. Турецкая мягкая сила может предлагать квоты для кадетов или продавать передовые ударные беспилотники. Однако она не в состоянии демонтировать глубинную евразийскую стандартизацию. Конкуренция с традиционным гегемоном выступает непреодолимым системным барьером, жестко ограничивающим геополитический потолок Анкары в Центральной Азии.

Глобальная экономическая экспансия Пекина усиливает финансовую уязвимость турецкой дипломатии. Турецкая мягкая сила, основанная на исторической и языковой близости, сталкивается с прагматизмом китайского «фактора чековой книжки». Масштабы финансового присутствия двух стран существенно различаются. Турция, несмотря на амбиции, уступает Китаю в объемах предоставляемых инвестиций и государственных кредитов. Китайская стратегия, подкрепленная масштабной инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП), в ряде случаев ограничивает возможности Анкары в стратегических секторах экономики региона. Речь идет о проектах макроэкономического масштаба: Турция в целом не располагает сопоставимыми финансовыми ресурсами для строительства транснациональных газопроводов (таких как магистраль «Центральная Азия – Китай», проходящая через Туркменистан, Узбекистан и Казахстан) или возведения крупных логистических хабов вроде сухого порта Хоргос. В технологической сфере турецкие коммуникационные

компании в значительной степени уступают позиции китайскому гиганту Huawei, который участвует в модернизации сетей 4G и внедрении 5G в Таджикистане и Узбекистане, а также поставляет оборудование для систем «Умный город» в регионе. Турецкие подрядчики в основном сосредоточены в нише гражданского строительства (отели, мечети, торговые центры), в то время как Китай активно участвует в создании базовой инфраструктуры государств.

Сравнение бюджетов на реализацию мягкой силы наглядно демонстрирует эту разницу. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA) ежегодно выделяет на грантовые проекты в Центральной Азии миллионы долларов, реставрируя мавзолеи или оснащая больницы. В это же время совокупные инвестиции и кредитные линии КНР в Казахстане оцениваются в десятки миллиардов долларов, а в кыргызскую экономику - в несколько миллиардов. Гуманитарная сфера также демонстрирует усиление китайского присутствия. Пекин значительно увеличил образовательные квоты. Если по программе «Türkiye Bursları» в Турции обучаются несколько тысяч центральноазиатских студентов, то Китай через сеть Институтов Конфуция и государственные стипендии привлёк десятки тысяч студентов из региона (особенно до пандемии). Молодежь нередко выбирает китайские вузы, так как это может способствовать трудоустройству в компаниях, связанных с китайскими проектами на их родине.

Ограниченная конкурентоспособность на государственных тендерах снижает возможности турецких компаний в инфраструктурном секторе. Турецкие строительные компании, обладающие международным опытом, часто уступают консорциумам, поддерживаемым китайскими государственными банками (Exim Bank of China, China Development Bank) в Кыргызстане, Таджикистане и Казахстане. Причина кроется в механизме «связанных кредитов». Пекин предлагает центральноазиатским правительствам льготные займы с относительно низкими процентными ставками и длительными сроками

погашения. Одним из условий часто является участие китайских подрядчиков, использующих китайские материалы и технику. Турецкий бизнес, опирающийся на более дорогие коммерческие кредиты (в том числе на фоне инфляции и нестабильности лиры), не всегда может конкурировать с такими условиями. Примеры включают участие китайских компаний в проектах трассы «Север-Юг» в Кыргызстане или модернизации энергетической инфраструктуры в Бишкеке и Душанбе. В контексте ограничений турецкой мягкой силы этот фактор является значимым. Анкара предлагает Центральной Азии культурную общность и медийный контент, тогда как Пекин инвестирует в транспортную и энергетическую инфраструктуру. Культурная дипломатия Турции сталкивается с экономическими ограничениями, в условиях которых влияние Китая во многом усиливается за счет масштабных инвестиций.

Наряду с историческим влиянием России и финансовой мощью Китая, Турция сталкивается с мощнейшим барьером в виде западных образовательных и гуманитарных стандартов. В «битве за умы» молодого поколения Центральной Азии турецкая мягкая сила объективно проигрывает глобальной привлекательности Европейского Союза и США. Молодежь региона при выборе вектора зарубежного образования делает сугубо прагматичный расчет. Финансовая поддержка со стороны Соединенных Штатов Америки, проекты агентства USAID и европейские программы академической мобильности имеют особый статус. Местное население видит в них универсальный пропуск на мировую арену. Подобные инициативы открывают прямой путь к трудоустройству в крупнейшие транснациональные корпорации и ведущие научные институты.

Турецкий язык наделяется совершенно иным функционалом. Он воспринимается исключительно в качестве сугубо регионального инструмента. Данное обстоятельство формирует жесткие пределы для профессионального роста. Карьерный потолок становится непреодолимым. Лингвистическая

компетенция в этой области дает вполне осязаемые, но строго локальные преимущества. Знание языка позволяет наладить торговые поставки из Стамбула. Возможна успешная интеграция в средний управленческий аппарат турецких строительных холдингов. Альтернативой выступает занятость в рекреационном секторе провинции Анталья.

Ситуация кардинально меняется при переходе к передовым отраслям экономики. Сектор высоких информационных технологий, международная финансовая система и аппарат глобальной дипломатии диктуют собственные правила. Здесь турецкий язык теряет всякую практическую ценность. Абсолютно доминирующее положение занимает английский. Именно он гарантирует беспрепятственную социальную мобильность вне зависимости от географической привязки.

Закономерным следствием описанных процессов стал беспрецедентный рост числа западных образовательных учреждений на территории стран Центральной Азии. Спрос формирует предложение. В Кыргызской Республике успешно функционирует Американский университет. Республика Узбекистан стала площадкой для Вестминстерского университета и местного филиала Университета Вебстера. Отдельного внимания заслуживает Назарбаев Университет в Республике Казахстан. Преподавание в стенах перечисленных заведений опирается на строгие западные академические стандарты. Образовательный процесс протекает преимущественно или полностью на английском языке. Турецкие лицеи и университеты (такие как КТУ «Манас» или МКТУ им. Ясави) занимают свою нишу, но они в основном готовят кадры для локального рынка, а не глобальную элиту.

Доминирование английского языка над турецким в крупном бизнесе региона дополнительно снижает эффективность образовательной дипломатии Анкары. Основные причины кроются в структуре иностранных инвестиций. Главные доноры экономик региона – это западные транснациональные

корпорации. В Казахстане нефтегазовый сектор (где работают Chevron и ExxonMobil) функционирует преимущественно на английском языке. Международный финансовый центр «Астана» (AIFC) опирается на английское общее право и ведет рабочую деятельность в основном на английском языке, существенно ограничивая использование региональных лингвистических альтернатив. В Узбекистане стремительно развивающийся IT Park ориентирован на экспорт цифровых услуг в США и Европу, что требует повсеместного знания английского среди программистов. В этих условиях турецкий язык маргинализируется, оставаясь языком преимущественно малого и среднего ритейла, текстильной промышленности и базового строительства.

Финансовые возможности Запада формируют непреодолимую конкуренцию на уровне грантовой поддержки. Масштабные программы ЕС (в первую очередь Erasmus+) и стипендии США (Fulbright, программы USAID) превосходят турецкие инициативы по объему и системности. Флагманская турецкая программа «Türkiye Bursları» выделяет странам Центральной Азии ограниченное число квот, которые несопоставимы по масштабу с европейскими программами. Только по линии «Erasmus+» тысячи студентов и преподавателей из Казахстана и Узбекистана ежегодно участвуют в академической мобильности в Европу. Более того, Запад экспортирует не просто стипендии, а саму институциональную архитектуру образования: Казахстан, например, официально присоединился к Болонскому процессу, синхронизировав свои стандарты с Европой, а не с Турцией. В контексте анализа актуальных проблем и ограничений турецкой мягкой силы этот фактор играет решающую роль. Инструментарий Анкары упирается в непреодолимый барьер глобализации. Предлагая Центральной Азии привлекательный, но все же локальный и ограниченный продукт, Турция не может составить конкуренцию западным гуманитарным стандартам, которые формируют элиту будущего. Турецкая мягкая сила оказывается зажатой между российским историческим наследием, китайскими

инвестициями и западным глобализмом, что делает достижение полномасштабной культурной и политической гегемонии Анкары в регионе практически невозможным.

Фундаментальная проблема турецкой геополитической стратегии в Центральной Азии кроется в колоссальном разрыве между постоянно декларируемой гуманитарной близостью и фактическим потенциалом проецирования жесткой силы. Возникает очевидный парадокс. Максимальная результативность механизмов мягкой силы объективно достижима исключительно при наличии надежного подкрепления в виде осязаемых гарантий коллективной безопасности. Иначе система не работает. Турецкая Республика активно предлагает региональным акторам весьма выгодное военно техническое сотрудничество абсолютно без жесткого политического давления. Однако здесь кроется критическая уязвимость. Анкара объективно лишена ресурсов стать подлинным гарантом выживания для действующих центральноазиатских политических режимов. Это особенно актуально в гипотетических условиях экзистенциальных внешних вторжений или масштабных внутренних кризисов. Вопросы базового физического выживания диктуют свои непреложные правила. Региональные политические элиты вынуждены всецело опираться на поддержку традиционных системных игроков. Таковыми исторически выступают Российская Федерация и Китайская Народная Республика.

Подробный анализ двустороннего военно технического взаимодействия предельно наглядно демонстрирует описанный геополитический потолок. Страны обозначенного региона весьма активно закупают передовые турецкие ударно разведывательные беспилотные аппараты Bayraktar TB2 наряду с комплексами Anka и прочей высокотехнологичной продукцией оборонно промышленного комплекса Турции. В авангарде данного коммерческого процесса выступают Республика Казахстан и Кыргызская Республика вместе с Туркменистаном. Однако следует подчеркнуть один важнейший нюанс.

Перечисленные многомиллионные сделки носят сугубо прагматичный и строго диверсификационный характер. Политика здесь вторична.

Критическим маркером, обнажившим пределы турецкого влияния, стали трагические события января 2022 г. в Казахстане. Когда масштабные социально-экономические протесты переросли в вооруженные беспорядки и поставили под прямую угрозу существование государственного строя, Астана оказалась перед выбором механизма спасения. Руководство Казахстана обратилось за помощью не к Организации тюркских государств (ОТГ), а в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)²³⁷. Логика принятия подобных решений диктуется исключительным прагматизмом. Организация Договора о коллективной безопасности обладает реальным и действенным инструментарием. В ее распоряжении находятся Коллективные силы оперативного реагирования наряду с детально проработанной нормативной правовой базой для абсолютно легального силового вмешательства и безупречно выстроенной логистикой.

Организация тюркских государств продемонстрировала полную функциональную несостоятельность. В условиях реального кризиса структура оказалась парализована. Причина очевидна. Данный институт представляет собой исключительно культурную и экономическую площадку консультативного характера без малейшего намека на военный мандат. Турецкая реакция ограничилась протокольными дипломатическими заявлениями о необходимости поддержания стабильности. Больше ничего не последовало. Молниеносная переброска союзных контингентов кардинально изменила расстановку. Оперативная стабилизация обстановки с последующим планомерным выводом войск послали региону недвусмысленный сигнал. Иллюзии окончательно

²³⁷ «Турецкая «мягкая сила» в Центральной Азии: достижения и проблемы» // ВПО «Аналитик» и материалы Ак-Сарая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vpoanalytics.com/geopolitika-i-bezopasnost/turetskaya-myagkaya-sila-v-tsentralnoy-azii-dostizheniya-i-problemy/> (дата обращения: 20.04.2026)

рассеялись. Теперь местные политические элиты четко осознают подлинный источник жесткой силы. Именно эта сила способна защитить правящие режимы в момент критической угрозы.

Прошедший кризис предельно ярко обнажил объективную ограниченность турецкого военного ресурса на центральноазиатском направлении. География неумолима. Анкара физически отрезана от региона. Полное отсутствие общих сухопутных границ в совокупности с необходимостью сложного транзита через Каспийское море, Кавказ или территорию Исламской Республики Иран создает непреодолимый логистический барьер. Оперативная переброска крупных воинских соединений становится практически невыполнимой задачей. Дополнительным сдерживающим фактором выступает колоссальное перенапряжение собственных вооруженных сил Республики. Армейские резервы серьезно растянуты по всему периметру геополитических интересов. Воинские части перманентно задействованы в затяжных операциях на территории Сирии и Ирака. Значительные силы постоянно отвлекаются на поддержание военного присутствия в Восточном Средиземноморье и на Кипре. Свободных ресурсов попросту нет.

В контексте актуальных проблем и ограничений турецкой мягкой силы этот разрыв является определяющим фактором. Культурная дипломатия, образовательные гранты и исторические нарративы формируют симпатию, но они бессильны перед лицом угрозы государственному перевороту или внешней агрессии. Неспособность Анкары предоставить «зонтик безопасности» жестко лимитирует ее политический вес. Политика мягкой силы Турции упирается в непреодолимый потолок: страны Центральной Азии готовы дружить с ней в мирное время, но в моменты экзистенциальных кризисов их политический компас всегда будет указывать на тех акторов, которые обладают реальной способностью применить силу.

Ограниченность турецкого влияния в Центральной Азии следует рассматривать не только сквозь призму ресурсного дефицита самой Анкары, но и как результат целенаправленной, глубоко прагматичной политики самих государств региона. Реципиенты мягкой силы выступают не пассивными объектами, а активными архитекторами системы сдержек и противовесов. В основе этой архитектуры лежит доктрина многовекторности – фундаментальная внешнеполитическая стратегия, направленная на максимизацию государственной автономии через диверсификацию международных связей. Целенаправленная политика центральноазиатских столиц заключается в непрерывном маневрировании между глобальными центрами силы, где каждому внешнему игроку, включая Турцию, отведена строго определенная, дозированная роль.

В рамках этой парадигмы местные элиты искусственно и весьма искусно сдерживают турецкое влияние. Страх попасть в «новую зависимость» диктует жесткие правила игры, освобождаясь от тотального российского контроля или избегая попадания в китайскую долговую ловушку, элиты Казахстана, Узбекистана и других республик совершенно не намерены менять их на зависимость от Анкары. На практике это искусственное сдерживание реализуется через секторальную фрагментацию сотрудничества. Турции предоставляется «зеленый свет» в безопасных нишевых отраслях - текстильной промышленности, гостиничном бизнесе, пищевой промышленности и среднем образовании. Однако любые попытки Анкары проникнуть в базисные сектора экономики (добыча стратегических ресурсов, управление магистральными энергосетями, телекоммуникации) методично блокируются законодательными барьерами и тендерными фильтрами. Регион не допускает концентрации активов в руках одного иностранного актора.

Высшим институциональным проявлением этой политики балансирования стало развитие дипломатических форматов «C5+1». Данная формула означает консолидированное взаимодействие пяти республик

Центральной Азии с одной из внешних держав. На сегодняшний день активно функционируют площадки «С5+США», «С5+ЕС», «С5+Китай» и «С5+Россия». Этот формат институционализирует политику балансирования то есть позволяет региону выступать единым экономическим и геополитическим блоком, повышая свою переговорную ценность, и одновременно сталкивать интересы сверхдержав на одной площадке. В такой перенасыщенной дипломатической среде турецкая мягкая сила лишается статуса эксклюзивности. Анкара вынуждена бороться за влияние на сверхконкурентном поле, где Вашингтон предлагает инвестиции в зеленую энергетику, Брюссель - институциональные реформы и передовые технологии, а Пекин - кредитование глобальной логистики.

В этой сложной шахматной партии Турция используется центральноазиатскими элитами сугубо инструментально – как удобный тактический противовес России и Китаю. Астана и Ташкент филигранно разыгрывают «турецкую карту» для хеджирования геополитических рисков. Например, закупая турецкие беспилотники, республики посылают недвусмысленный сигнал Москве о готовности диверсифицировать импорт вооружений. Развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута с выходом на турецкую территорию позволяет региональным игрокам планомерно снижать критическую транзитную зависимость от инфраструктуры Российской Федерации в условиях текущих санкционных ограничений. Срединный коридор работает.

Инструментарий турецкой мягкой силы в Центральной Азии достиг своего объективного предела. Глубокая культурная и лингвистическая общность абсолютно не способна компенсировать нарастающий дефицит стратегических ресурсов в реалиях невероятно жесткой глобальной конкуренции. Одной идеологии мало. Долгое время официальная Анкара делала главную ставку на эксплуатацию исторической ностальгии. Возникла устойчивая иллюзия.

Предполагалось формирование прочного геополитического фундамента исключительно за счет активного продвижения концепта тюркского братства.

Однако практическая реализация столкнулась с непреодолимой преградой. Прямое пересечение с западными инвестиционными стандартами в совокупности с жестким контуром безопасности альтернативных держав и колоссальным давлением транснационального капитала моментально обнажило критическую уязвимость сугубо гуманитарного подхода. Романтика исчезла. Наступило время исключительно холодного политического расчета. Государства Центральной Азии окончательно прошли закономерный этап институционального взросления. Они научились эффективно использовать амбиции внешних акторов в собственных национальных интересах. Многовекторность стала надежным щитом от любых форм эксклюзивного доминирования. Турецкий вектор выступает здесь лишь удобным балансиrom. Местные элиты допускают его ровно в той мере, в какой это необходимо для диверсификации внешнеполитических рисков. Они последовательно избегают смены старых геополитических зависимостей на новые. Главная проблема турецкой стратегии кроется не в слабости ее культурного инструментария. Она заключается в фундаментальном дисбалансе между заявленными политическими амбициями и реальными экономическими возможностями государства. Данное несоответствие заставляет Анкару пересматривать правила игры. Для сохранения долгосрочного влияния в Центральной Азии турецкой политике предстоит окончательно трансформироваться. Отвлеченный пантюркизм должен приобрести сугубо прикладной, инфраструктурно и технологически обоснованный формат.

3.3 Пути повышения эффективности политики мягкой силы Турции в Центральной Азии

Эпоха романтического пантюркизма подошла к концу. Регион сильно изменился, и вместе с ним изменились запросы местных элит. На современном этапе турецкая дипломатия сталкивается с острой необходимостью пересмотра своих подходов, поскольку традиционные инструменты влияния в Центральной Азии практически уперлись в свой предел.

Одних эмоций больше недостаточно. Историческая ностальгия не строит заводы. Сегодня центральноазиатские республики формируют максимально прагматичные модели государственности, где главным критерием успешного партнерства становятся технологии, инвестиции и реальная экономическая выгода. Анкаре предстоит принять новые правила игры. Чтобы сохранить свои позиции на фоне жесткого давления со стороны Китая и России, Турции необходимо кардинально сменить вектор своей мягкой силы. Нужна конкретика. Нужна осязаемая польза. Вектор влияния должен сместиться из гуманитарной сферы в плоскость реальной экономики.

В данном параграфе мы рассмотрим конкретные пути и механизмы повышения эффективности турецкой внешней политики. Мы отойдем от абстрактных рассуждений. Основной акцент будет сделан на трансформацию культурной симпатии в прочные институциональные связи. Для успешного закрепления в регионе турецкому руководству предстоит реализовать комплекс прагматичных мер, охватывающий логистику, новые технологии, медицину и современные форматы безопасности. Именно переход от абстрактного братства к взаимовыгодному расчету станет ключом к обновлению турецкой стратегии.

Первый шаг к повышению эффективности – это глубокая трансформация самого турецкого нарратива. Ставка исключительно на общие исторические корни и языковое сходство себя исчерпала. В суровой

международной политике одних эмоций мало. Культурная близость сегодня – это просто хороший фон, но политический капитал только на ней больше не построишь.

Элитам Центральной Азии сейчас нужна предельная прагматика. Правительства уже не впечатлишь открытием очередного турецкого культурного центра или спонсорством поэтического фестиваля. Региону требуются заводы и рабочие места. Если брать хлопковую отрасль, то схема простого вывоза сырья из Узбекистана или Туркменистана окончательно устарела. Бизнесу гораздо выгоднее переносить туда сами фабрики. Создание полноценных текстильных кластеров в той же Ферганской долине, где турецкие станки будут шить из местного сырья брендовые вещи на экспорт, – вот формат реального, рабочего взаимодействия.

Отдельной проблематизации требует архитектура самопозиционирования Анкары. Безусловно, прямолинейный патернализм в духе «старшего брата» остался в реалиях девяностых. Однако на протяжении всего исследуемого горизонта (2002–2025 гг.) турецкая дипломатия периодически воспроизводила паттерны «метрополии», латентно ожидая от периферийных партнеров политических уступок в обмен на декларируемое общее происхождение. Этот скрытый институциональный эгоцентризм подлежит безоговорочному демонтажу.

Контакты придется выстраивать строго на равных. Анкара физически не способна заливать регион миллиардными кредитами, как это делает Пекин. Поэтому нужно предлагать то, в чем турецкая сторона реально сильна: нишевые технологии и современный управленческий опыт. Отличная площадка для такого партнерства – сфера финтеха и онлайн-торговли. И речь совсем не про экономический захват местных рынков. Если турецкие платформы уровня «Trendyol» объединят усилия с национальными гигантами вроде казахстанского

«Kaspi» или узбекского «Uzum», выиграют все. Средний класс обеих стран получит возможность вести торговлю напрямую, без лишних посредников.

Вектор внешней политики нужно менять бесповоротно. Гуманитарная сфера должна уступить место совместному зарабатыванию денег. Бюджеты, которые годами тратились на программы обмена историками или теологами, сейчас принесут куда больше пользы, если направить их в реальную промышленную кооперацию. Ярким примером такого смещения фокуса может стать открытие сборочных линий турецкой бытовой техники (уровня Beko или Vestel) или строительство завода по сборке турецких электромобилей Togg на территории Казахстана²³⁸.

В этом случае Турция получает прямой доступ к огромному потребительскому рынку ЕАЭС в обход таможенных барьеров, а Астана получает передовые заводы, новые компетенции и налоги. Это чистый прагматичный расчет. И именно такой расчет формирует реальную геополитическую привязанность, связывая государства гораздо прочнее, чем любые исторические мифы.

Второй критически важный шаг – институциональная эволюция Организации тюркских государств (ОТГ). За последние годы ОТГ проделала колоссальный путь, но на данный момент она все еще слишком напоминает статусный дискуссионный клуб. Красивые саммиты, совместные заявления и торжественные декларации являются отличным фасадом. Однако для реального закрепления в регионе этого мало. ОТГ должна окончательно превратиться в более эффективный, ориентированный на экономику интеграционный механизм.

²³⁸ Турецкие производители бытовой техники (Beko, Vestel) и их рынки [Электронный ресурс]. – Sulpak, Beko, Kommersant. Режим доступа: https://www.sulpak.kz/kz/Article/8/intervyu_generalnogo_direktora_too_arena_s_d_k_smirnov_a_respublikanskomu_delovomu_ezhened; <https://www.beko.com/kz-ru>; <https://www.kommersant.ru/doc/6030448> (дата обращения: 20.04.2026).

Чтобы понять масштаб стоящей перед Анкарой задачи, необходимо объективно оценить текущую роль Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в Центральной Азии. Для Казахстана и Кыргызстана ЕАЭС не просто навязанный сверху геополитический конструкт, это их базовая экономическая реальность. ЕАЭС обеспечивает беспрепятственный доступ к огромному единому рынку, гарантирует свободу передвижения капиталов, товаров и что критически важно для Бишкека - трудовых мигрантов. Унифицированные технические регламенты и отсутствие внутренних таможенных пошлин ежедневно приносят странам-участницам реальные деньги. Элиты и бизнес региона ценят ЕАЭС именно за этот работающий прагматизм.

Следовательно, если Турция хочет, чтобы ОТГ стала привлекательной альтернативой или мощным дополнением к ЕАЭС, ей нужно спуститься с небес на землю. Организация обязана предложить аналогичные, осязаемые инструменты интеграции.

Во-первых, создать реальную зону свободной торговли и жестко унифицировать таможенные стандарты внутри тюркского блока. Бизнесу нужна скорость. Наглядным примером здесь может стать развитие единого цифрового таможенного коридора для стран ОТГ: электронная накладная, признаваемая таможенными всех стран блока, могла бы мгновенно снизить логистические издержки и сделать внутритюркскую торговлю более эффективной²³⁹. Грузовик с казахстанским зерном или узбекским текстилем, направляющийся в Турцию, не должен сутками простаивать на границах из-за разницы в бюрократических процедурах – это реальная цель, но пока она реализуется частично, в рамках уже существующих двусторонних и региональных режимов упрощенного транзита.

²³⁹ Аналитика по цифровым таможенным коридорам и трансграничным транспортным проектам [Электронный ресурс]. Всемирный банк, ЮНЕП и др. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/topic/trade-and-transport-facilitation> (дата обращения: 20.04.2026).

Во-вторых, требуется дальнейшая капитализация и институциональное усиление потенциального тюркского института развития, включая проекты фонда развития и инвестфонды стран ОТГ. Он не должен работать как мелкая касса взаимопомощи. Фонду необходимо стать драйвером транснациональных проектов. Конкретный пример: возможное финансирование крупного совместного агропромышленного хаба на территории Кыргызстана. Турция предоставляет технологии капельного орошения и стандарты упаковки, Кыргызстан дает землю и рабочие руки, а фонд выделяет дешевые кредиты. Готовая экологически чистая продукция может поступать на рынки Турции и Ближнего Востока, но это пока не устойчивый, а лишь перспективный трек вместо уже закрепленного инструмента ЕАЭС.

ОТГ обязана приносить странам-участницам прямые экономические выгоды. Интеграция должна измеряться не только количеством проведенных форумов, но и ростом совместного ВВП и торгового оборота. Только тогда, когда членство в Организации станет синонимом реальных инвестиций, роста занятости и выхода на глобальные рынки, ОТГ превратится в полноценный дополнительный полюс интеграции в Евразии, способный сосуществовать и взаимодействовать с такими объединениями, как ЕАЭС, ЕС и ШОС.

Третий и, пожалуй, самый мощный инструмент прагматичной политики Анкары заключается в капитализации логистики. Развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута, также известного как Срединный коридор, выступает главным козырем новой турецкой стратегии. Это не просто транзитный путь. Транспортная взаимосвязанность формирует самый прочный физический фундамент для долгосрочного геополитического влияния.

В данном вопросе наблюдается абсолютно полное совпадение стратегических интересов. Государствам Центральной Азии жизненно необходим надежный и независимый выход к мировым океанам в обход традиционных российских маршрутов. На фоне санкционных рисков и затяжной

геополитической нестабильности диверсификация торговых путей стала вопросом национальной и экономической безопасности для Астаны, Ташкента и Ашхабада. Анкара преследует вполне конкретную цель: стать главным логистическим перекрестком Евразии. Турция хочет не просто участвовать в транзите товаров между Азией и Европой, а жестко контролировать эти потоки.

Но чтобы этот грандиозный план заработал в реальности, одних заявлений о намерениях не хватит. Срединный коридор до сих пор напоминает лоскутное одеяло, где на каждом шагу - «узкие места» и сбои. Анкаре пора переходить от слов к делу: направлять реальные деньги в порты и транспортные узлы региона. Без крупных прямых инвестиций в инфраструктуру это направление так и останется перспективным лишь на бумаге.

Цифры говорят сами за себя. По итогам 2023 г. грузопоток через Срединный коридор подскочил на 65%, достигнув примерно 2,7 млн тонн. Звучит неплохо, но эксперты оценивают реальный потенциал маршрута в 6–10 миллионов тонн ежегодно²⁴⁰. Разрыв между фактом и возможностями колоссальный. Главная причина торможения - это отсутствие единой логистической системы и критическая нехватка современных судов на Каспии. Пока этот вопрос не будет закрыт, коридор так и будет работать вполсилы.

Конкретной рекомендацией для турецкого руководства является создание совместных логистических консорциумов. Турецкие строительные компании обладают огромным мировым опытом модернизации морских терминалов. Анкаре целесообразно предложить прямые инвестиции в расширение пропускной способности каспийских портов Актау и Курык в Казахстане, а также порта Туркменбаши в Туркменистане.

²⁴⁰ CRONOS.ASIA «Срединный коридор: Казахстан и Азербайджан усиливают ТМТМ» [Электронный ресурс]. 2026. Режим доступа: <https://cronos.asia/kazakhstan/kz-politics/sredniy-koridor-kazakhstan-azerbaydzhan-tmtm> (дата обращения: 20.04.2026).

Еще одним практическим шагом может стать турецкое кредитование строительства грузовых паромов класса Ro-Ro. Турция располагает мощными судостроительными верфями и способна строить современные паромы специально для нужд своих каспийских партнеров. Передача таких судов в лизинг или создание совместного торгового флота на Каспии мгновенно снимет проблему транспортного бутылочного горлышка.

Интеграция транспортных сетей через внедрение сквозного тарифа и единых цифровых стандартов превратит Срединный коридор из ситуативной альтернативы в главную торговую артерию континента. Вложение турецкого капитала в эти физические объекты надежно свяжет экономики региона с Анкарой лучше любой идеологической риторики.

Четвертый шаг трансформации касается сферы образования. Турецкому образовательному присутствию в регионе требуется срочная и глубокая модернизация. На протяжении многих лет Анкара делала ставку на открытие теологических факультетов и лицеев с уклоном в изучение тюркской филологии или истории. Раньше этот подход работал достаточно эффективно. Но сегодня он перестает соответствовать меняющимся запросам молодежи. Центральноазиатская молодежь больше не хочет ограничиваться исключительно гуманитарными науками или религией. Запрос населения и правительств сместился в сторону прагматичных и высокооплачиваемых профессий. Турции необходимо постепенно уменьшать религиозный уклон и предлагать региональным элитам инструменты для технологического рывка.

Возникает закономерный вопрос о наличии у Турции реального потенциала для такого разворота. В целом Турция способна конкурировать в этой сфере. Анкара обладает сильной инженерной школой. Турецкие вузы вроде Ближневосточного технического университета (METU) или Стамбульского технического университета готовят кадры мирового уровня для передового

машиностроения и авиакосмической отрасли²⁴¹. Этот успешный опыт целесообразно транслировать в Центральную Азию.

Чтобы успешно конкурировать с престижными западными вузами, Турции нужно предлагать европейское качество образования по более доступным ценам прямо внутри региона. Конкретной рекомендацией является массовое открытие совместных инженерных школ и IT-академий. Например, турецким властям стоит инициировать создание Высшей школы промышленной робототехники в Ташкенте или профильного института искусственного интеллекта в Бишкеке при прямой финансовой поддержке технологических компаний, которые уже активно работают с Турцией, таких как Baykar или Aselsan.

Важнейшим аспектом новой стратегии должно стать изменение языковой политики. Преподавание исключительно на турецком языке ограничивает перспективы выпускников на глобальном рынке. Английский язык необходимо внедрять параллельно с турецким на всех технических факультетах. Программирование и мировая наука говорят по-английски. Двухязычный формат обучения принесет серьезную пользу выпускникам. Выпускники таких совместных университетов станут конкурентоспособными профессионалами на международном рынке. При этом через турецкую образовательную среду они могут сохранить устойчивое положительное отношение к Анкаре. Для реализации этой задачи турецкой стороне потребуется активно привлекать англоязычный профессорский состав и адаптировать учебные программы под международные стандарты.

Наконец, требует пересмотра и оптимизации знаменитая программа правительственных стипендий Türkiye Bursları. До сих пор большая часть

²⁴¹ Эргашев А.С., Гришин О.Е. Образовательная политика Турции в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 3. С. 319-326. URL: <https://www.postsovietarea.com/jour/article/view/354/318>

образовательных квот уходит гуманитариям. Этот подход явно устарел. Финансирование куда логичнее перенаправить на подготовку инженеров и специалистов точных наук. Если Турция рассчитывает на долгосрочное влияние, систему студенческих грантов нужно перестраивать под конкретные секторы: кибербезопасность, современную агрономию, возобновляемую энергетику и разработку беспилотников.

Обучая технические кадры для Центральной Азии, Анкара своими руками формирует лояльную технологическую элиту. Эти специалисты вернутся домой и займут посты на производствах или в экономическом блоке госуправления. На практике они предсказуемо будут опираться на привычную им рабочую базу – турецкие стандарты, софт и оборудование. Такая мягкая инфраструктурная привязка работает эффективнее любых дипломатических деклараций.

В вопросах военного сотрудничества тоже требуется предельно трезвая оценка. Турция физически не сможет стать главным гарантом безопасности для региона и заменить ОДКБ. Против этого работает сама география. У Анкары нет общих границ с центральноазиатскими республиками и отсутствует ядерное оружие. Кроме того, переброска и снабжение крупных армейских группировок на таком расстоянии просто разорит бюджет. Попытка ввязаться в традиционную жесткую безопасность обернется логистическим тупиком.

Но есть другая ниша, которая является крайне выгодной и востребованной. Это асимметричный военный потенциал. Сегодня региону нужны не тысячные танковые колонны, а технологичные решения для современных конфликтов. И здесь турецкая концепция умной безопасности подходит идеально. Наглядным тому примером служит постепенный запуск производства турецких дронов непосредственно на территории государств Центральной Азии. Анкара уже перешла от простого экспорта к

технологическому и производственному партнерству, включая соглашения по сборке и техническому обслуживанию. Соглашение с компанией TUSAŞ о сборке и техническом обслуживании ударных дронов ANKA в Казахстане служит эталонным прецедентом. Аналогичный подход целесообразно применить в Узбекистане путем создания перспективных совместных предприятий по сборке и обслуживанию аппаратов Bayraktar²⁴². Выгода здесь обоюдна. Республики получают собственные оборонные заводы и современные технологии. Турция при этом на десятилетия вперед привязывает их военные ведомства к своим комплектующим, стандартам связи и программному обеспечению, формируя постепенную зависимость.

Вторая важнейшая составляющая новой стратегии заключается в обучении элитных подразделений и цифровом консалтинге. Турецкие вооруженные силы обладают значительным и достаточно свежим боевым опытом ведения войн нового поколения. Подготовка казахстанского или узбекского спецназа по турецким стандартам коммандос формирует прочное профессиональное братство среди офицеров высшего и среднего звена.

Параллельно с тактической подготовкой Турции следует активно предлагать услуги своих технологических гигантов вроде HAVELSAN или STM в сфере кибербезопасности²⁴³. Защита критической инфраструктуры, правительственных сетей и энергетических объектов от хакерских атак является приоритетом для местных правительств. Внедрение современных турецких систем шифрования и мониторинга угроз интегрирует оборонные системы стран-партнеров на глубоком цифровом уровне, по мере реализации программ

²⁴² Военно-техническое сотрудничество Турции и Узбекистана (Bayraktar TB2) [Электронный ресурс]. СМИ Центральной Азии (Zamin, Asia-Plus, Инкома-Медиа и др.). Режим доступа: <https://zamin.uz/ru/tekhnologii/143526-uzbekistan-zakupit-bolshe-voennyh-dronov-u-turcii.html> (дата обращения: 21.04.2026).

²⁴³ Кибербезопасность и HAVELSAN/STM [Электронный ресурс]. Официальные сайты компаний и аналитические обзоры. <https://www.havelsan.com.tr/>, <https://stm.com.tr/> (дата обращения: 21.04.2026).

сотрудничества. Главное преимущество такого подхода состоит в его политической элегантности. Описанная стратегия дает Анкаре существенное и растущее влияние без всякой необходимости формировать обязывающие военные альянсы или открывать классические военные базы. Отсутствие официальных блоков и баз не вызывает острой негативной реакции у Москвы или Пекина. При этом армии региона становятся поэтапно и структурно зависимыми от турецкой военной промышленности. Генералы с турецким образованием, эскадрильи дронов на турецком софте и защищенные турецкими алгоритмами серверы создают один из наиболее прочных фундаментов для геополитического присутствия.

Следующим стратегическим вектором турецкой экспансии в Центральной Азии должен стать технологический трансфер и глубокая цифровизация. Настало время решительного перехода от традиционного экспорта одежды и потребительских товаров к экспорту высоких технологий и инноваций.

Государства Центральной Азии в настоящий момент переживают настоящий бум цифровизации, хотя процесс идет неравномерно. Правительства региона активно переводят государственные услуги и целые отрасли экономики в электронный формат. В качестве отличного ориентира выступает казахстанская архитектура электронного правительства и рост мощных частных банковских платформ вроде Kaspi. В Узбекистане тоже быстро развивается единый портал государственных услуг. Там активно внедряют цифровые решения для налогов и таможи. Все это работает благодаря глубокому слиянию мобильных приложений с базами данных граждан²⁴⁴.

²⁴⁴ Аналитика по турецко-узбекистанскому сотрудничеству в цифровой сфере и инфраструктуре [Электронный ресурс]. – СМИ и аналитические обзоры (GK-Uzbekistan, «Вестники», «Голос Америки» и др.). Режим доступа: <https://gk-usbekistan.de/ru/2026/01/29/centralnaya-aziya-i-turtsiya-novyj-jetap-vzaimosvyazannosti/> (дата обращения: 21.04.2026).

Турция накопила огромный и очень успешный опыт в создании похожих систем. Турецкая цифровая платформа государства объединяет тысячи услуг и ежедневно обслуживает десятки миллионов людей без единых сбоя. Плюс к этому турецкие финансовые технологии показывают впечатляющие результаты на мировом рынке. Успех платформ Papara или Ozan говорит сам за себя. Анкаре нужно активнее продвигать именно этот интеллектуальный продукт. Передача готовых программных архитектур позволит постепенно синхронизировать цифровые системы центральноазиатских республик с турецкими стандартами. И данный процесс уже запущен.

Самым рабочим шагом в этой сфере станут масштабные вложения в местные технологические стартапы. Турецким инвесторам имеет смысл запускать совместные венчурные фонды. Такие фонды должны искать и финансировать перспективные проекты в Ташкенте, Астане или Бишкеке. Турецким технопаркам стоит открывать филиалы на базе успешных местных площадок. Хорошим примером послужит Astana Hub в Казахстане или профильные узбекские центры. Эти структуры смогут выделять стартовые деньги разработчикам. Особенно тем, кто создает программы для искусственного интеллекта, электронной коммерции или умного сельского хозяйства.

К Туркменистану и Таджикистану нужен свой подход. В Туркменистане турецкие строители уже активно возводят умный город Аркадаг. Теперь этот опыт нужно развивать дальше. Пора смещать фокус с простой заливки бетона на внедрение турецких программ для управления городским транспортом и инфраструктурой. А цифровизация порта Туркменбаши турецкими специалистами отлично дополнит общую логистическую стратегию.

С Таджикистаном ситуация совсем иная. Эта республика относится к персидской языковой группе. Поэтому любые попытки Анкары сыграть на мифах о великом тюркском прошлом там обречены на полный провал. Усилить свое влияние в Душанбе турки могут только через точечные и прагматичные

инвестиции в высокие технологии. Идеальной точкой входа послужит цифровизация гидроэнергетики. Турецкие инженеры способны предложить госкорпорации Барки Точик передовые системы диспетчерского управления. Они отлично подойдут для строящейся Рогунской гидроэлектростанции. Внедрение турецких умных сетей поможет оптимизировать распределение электричества. В сфере финансов Турции стоит начать прямое партнерство с местными лидерами рынка. Хорошими кандидатами здесь выступают Алиф Банк или платежная система Душанбе Сити. Если интегрировать турецкие финансовые шлюзы и дать готовые программы для исламского банкинга, получится перехватить солидную долю транзакций. Это надежно привяжет финансовую инфраструктуру Таджикистана к стамбульским серверам. Пусть не мгновенно и не целиком, но механизм заработает.

Данный прагматичный подход имеет огромный политический потенциал. Инвестиции в технологии и поддержку локальных талантов привяжут молодые интеллектуальные элиты всего региона к Турции гораздо сильнее любой идеологии. Современная молодежь мыслит категориями развития и капитализации. Когда турецкие инвесторы помогают местным специалистам запустить успешный продукт, они формируют самую лояльную и влиятельную прослойку общества. В будущем именно эти технократы будут определять внешнеполитический курс своих стран. Их симпатии совершенно естественно останутся на стороне того партнера, который профинансировал их первый успех.

Значительной трансформации требует турецкая стратегия культурного влияния. Традиционный инструмент в виде классических исторических телевизионных сериалов формата Великолепный век или Воскресший Эртугрул постепенно теряет свою первоначальную эффективность и утратил статус основного носителя влияния на молодежь. Причина кроется в естественной смене поколений и радикальном изменении паттернов потребления информации. Хронометраж эпизодов по два часа ориентирован первую очередь

на аудиторию старшего возраста. Вектор внимания стремительно смещается в сторону поколения зумеров. Эта молодежь обладает клиповым мышлением и все реже смотрит традиционное телевидение, отдавая предпочтение мобильным и онлайн-платформам. Средой их постоянного обитания стали короткие видео в TikTok, стримы на платформе Twitch и видеоролики в YouTube Shorts²⁴⁵.

Для успешного влияния на эту демографическую группу Анкаре необходима глубокая интеграция в современные цифровые медиа. В Казахстане и Узбекистане фокус следует сместить на создание совместного контента с местными лидерами мнений. Турецким цифровым стриминговым платформам BluTV и Eххеп целесообразно инвестировать в широко популярные казахстанские объединения создателей коротких видео уровня VIP House или Yolo House, чья аудитория исчисляется многими миллионами подписчиков по всему миру. Создание совместных развлекательных проектов о современных технологиях с участием популярных блогеров из Алматы и Ташкента привлечет колоссальное внимание. Вместо трансляции исторических мифов турецким брендам стоит спонсировать узбекских создателей технологического контента на YouTube.

В отношении Кыргызстана одним из ключевых инструментов мягкой силы выступает профессиональный киберспорт. Кыргызская республика известна своими сильными игроками в дисциплине Dota 2, которые регулярно выступают на чемпионатах мира The International и которые входят в число заметных представителей региона в глобальном киберспортивном сообществе. Крупнейшим турецким киберспортивным организациям FUT Esports и BBL Esports следует открывать свои тренировочные базы в Бишкеке и брать под крыло

²⁴⁵ О «цифровом повороте» и behaviour молодежи Центральной Азии Realnoe Vremya. «Как развиваются цифровые финансовые экосистемы в Центральной Азии и Турции» [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/364120/kak-razvivayutsya-cifrovye-finansovye-ekosistemy-v-centralnoy-azii-i-turcii> (дата обращения: 21.04.2026).

местные таланты. Спонсирование турецкими технологическими брендами кыргызских команд обеспечит Турции колоссальную лояльность среди всего геймерского сообщества страны.

Предельно точный подход требуется в Таджикистане. Особенный подход требуется в Таджикистане. Учитывая персидскую языковую принадлежность местного населения, турецкие телевизионные форматы там демонстрируют относительно слабое влияние по сравнению с тюркоязычными странами региона. Зато среди таджикской молодежи бьют абсолютные рекорды популярности соревновательные мобильные игры PUBG Mobile и Free Fire, поскольку для них достаточно недорогих смартфонов. Турецкому киберспортивному агентству ESA Esports стоит совместно с таджикскими телекоммуникационными операторами Tcell или Babilon организовать регулярную национальную лигу по мобильному киберспорту. Запуск профессиональных трансляций на таджикском языке из студий в Душанбе при финансовой поддержке Стамбула позволит напрямую захватить внимание юной аудитории в обход любых лингвистических барьеров.

Даже в информационно закрытом Туркменистане есть легальные лазейки для новых медиа. Ашхабад под строгим контролем государства активно развивает спорт. Сюда входит и киберспорт. Он уже получил официальное признание и прочно закрепился в системе студенческих соревнований. Турецкой федерации киберспорта TESFED стоит предложить министерству спорта Туркменистана запустить двусторонние лицензированные турниры по нейтральным дисциплинам. Здесь идеально подойдут спортивные симуляторы наподобие EA Sports FC. Запуск официальных совместных лиг по виртуальному футболу среди студентов решит важную задачу. Это позволит внедрять турецкие технологические стандарты в туркменскую молодежную среду абсолютно легально и без малейших политических рисков.

Такой подход формирует совершенно новый тип культурной привязанности на базе цифровых технологий. Продвижение через передовые

цифровые платформы и инвестиции в локальный киберспорт меняют имидж страны. Молодежь Центральной Азии начинает воспринимать Турцию как один из ведущих центров современных технологий. И это происходит даже с учетом того факта, что Россия и Китай все еще доминируют в общем медийном пространстве²⁴⁶.

Важнейшим этапом политической эволюции Анкары в регионе должна стать полная адаптация к концепции многовекторности. Турецкой дипломатии целесообразно отказаться от прямых попыток разрушить сложившийся баланс сил и вместо этого использовать этот баланс в собственных прагматичных интересах.

Центральноазиатские республики исторически выстраивают свою внешнюю политику на постоянном маневрировании между Россией, Китаем и западными странами. Поэтому попытки Анкары жестко навязывать исключительно тюркский вектор вызывают закономерное сопротивление и риск политического отторжения. Анкаре следует позиционировать себя не как замену текущим центрам силы, а как эффективный инструмент для поддержания и воспроизводства этого регионального равновесия. Предлагая свои проекты, Турция должна прямо говорить местным правительствам, что турецкое присутствие поможет им безопасно размыть долю влияния других крупных держав.

Местные правящие элиты испытывают обоснованный страх перед формированием любых геополитических и экономических монополий. Правительства стран Центральной Азии прекрасно осознают риски попадания в чрезмерную финансовую зависимость от Пекина или избыточную политическую привязанность к Москве. Руководство стран региона категорически не желает

²⁴⁶ Yaşar İ.H. Türkiye's Public Diplomacy Tools in Central Asia: An InterInstitutional Comparative Analysis // İletişim ve Diplomasi. 2025. N. 15. P. 167-188. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/5247521>

передавать стратегические отрасли экономики, транспортную инфраструктуру или энергетику под полный контроль одного внешнего игрока. Любая попытка монополизации обоснованно воспринимается элитами как прямая угроза их национальному суверенитету и личному контролю над ресурсами.

В этих условиях Турции нужно предлагать себя в качестве идеального балансирующего партнера с частичным участием. Мы намеренно уходим от сложных финансовых терминов и говорим о стратегии младшего, но критически важного союзника. Вместо агрессивной скупки целых отраслей турецкому капиталу следует инициировать создание совместных предприятий, где контрольный пакет акций, как правило, остается за принимающим государством. Анкара должна транслировать четкий сигнал о том, что турецкие инвестиции не преследуют цель полного поглощения активов.

Стратегия умного балансира подразумевает осознанный отказ от притязаний на полное владение активами. Турецким компаниям достаточно забирать стратегически важные доли в размере примерно от двадцати до тридцати процентов конкретного рынка или отдельного предприятия. Такая квота редко пугает местные правительства и не вызывает резкого отторжения у элит, поскольку в большинстве случаев не создает угрозы монополизации. При этом данные тридцать процентов позволяют Турции вводить своих представителей в советы директоров, получать доступ к принятию ключевых решений, внедрять свои технологические стандарты и оставаться максимально комфортным противовесом китайской и российской экспансии.

На практике эта стратегия требует применения конкретных механизмов, и мы уже можем наблюдать успешные примеры, которые необходимо масштабировать. В Казахстане отличным примером такого баланса служит локализация производства турецких военных беспилотников Anka на базе предприятия Казахстан Инжиниринг. Турция не пытается стать единственным поставщиком вооружений для казахстанской армии и не принуждает Астану

разрывать контракты с другими странами. Анкара занимает свою стратегическую долю оборонного импорта, передает технологии и создает совместное предприятие, способствуя уменьшению доминирующего влияния России в сфере безопасности, но не полностью его замещая.

В энергетическом секторе Узбекистана крупная турецкая корпорация Cengiz Enerji успешно возводит современные тепловые электростанции в Сырдарьинской и Ташкентской областях²⁴⁷. Турецкие инвесторы не требуют приватизации всей узбекской государственной энергосистемы. Они занимают точечную долю рынка генерации электричества, помогая официальному Ташкенту диверсифицировать риски и постепенно снижать значительную зависимость от китайских энергетических подрядчиков.

Аналогичный подход необходимо срочно применять в горнодобывающей промышленности Кыргызстана и Таджикистана. Вместо того чтобы соревноваться с китайскими корпорациями за полное владение золотыми приисками, турецким промышленным гигантам уровня компании Eti Bakir следует рассматривать возможность выкупа блокирующих пакетов в четверть акций новых месторождений. Предоставляя передовые технологии добычи в обмен на значительную долю прибыли, Турция может стать одним из наиболее желанных и безопасных партнеров для правительств в Бишкеке и Душанбе.

Следующим ключевым аспектом нашей стратегии является синергия капиталов и кооперация вместо прямой конфронтации. Анкаре объективно не хватает собственных финансовых резервов для открытой конкуренции с колоссальными объемами китайского капитала в рамках инициативы Пояса и пути или с российскими государственными корпорациями²⁴⁸. Попытка

²⁴⁷ Малышева Д. Центральноеазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 2. С. 60-72. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2024_02/11-Malysheva.pdf

²⁴⁸ Turkey's Asia Relations. / ed. by O. Anas. Springer International Publishing, 2022. 325 p. URL: <https://avesis.aybu.edu.tr/yayin/331ed19f-01d7-45d4-adf9-63681fe0f434/turkeys-asia-relations/document.pdf>

соревноваться объемами инвестиций заведомо обречена на провал. Единственным эффективным выходом из этой ситуации становится привлечение капиталов третьих сторон и выстраивание умных трехсторонних форматов партнерства.

Турции необходимо позиционировать себя исключительно как надежного технологического и управленческого оператора в Центральной Азии. Суть концепции заключается в следующем механизме. Богатые инвестиционные фонды монархий Персидского залива или крупные европейские программы развития предоставляют длинные деньги. Центральноазиатские республики предоставляют ресурсы и суверенные территории для проектов. А турецкие корпорации предоставляют передовые технологии, готовую проектную документацию и высококвалифицированный менеджмент для реализации этих амбициозных задач.

В Казахстане идеальной сферой для подобной синергии выступает транспортная логистика и развитие Транскаспийского международного маршрута. Европейский банк реконструкции и развития заинтересован в создании более надежных транспортных коридоров, частично в обход России, в рамках своих диверсификационных программ. Однако европейским компаниям часто не хватает компетенций и опыта для работы в казахстанских степях. Турецкие строительные и инфраструктурные гиганты уровня YDA Group или TAV Airports могут использовать европейское финансирование для возведения современных логистических центров и расширения портовой инфраструктуры в Актау. Турция получает крупные контракты и влияние, Европа получает безопасный маршрут, а Астана получает инфраструктуру без китайских долгов.

В Узбекистане критической точкой роста является агропромышленный комплекс и проблема нарастающего дефицита воды. Анкара способна привлечь средства Саудовского фонда развития для масштабной модернизации узбекской системы ирригации. Саудовская Аравия выделяет целевые гранты и кредиты в

рамках исламской солидарности, а передовые турецкие сельскохозяйственные холдинги вроде компании Tekfen реализуют пилотные проекты по внедрению систем умного капельного орошения. Это решает острейшие экологические и продовольственные проблемы Ташкента за арабский счет, но руками и технологиями турецких инженеров.

В Кыргызстане главным нереализованным потенциалом обладает гидроэнергетика. Страна критически нуждается в новых генерирующих мощностях, но обоснованно опасается брать новые тяжелые кредиты у Пекина. Турецкая дипломатия вполне может привлечь деньги Катарского инвестиционного управления. Эти средства пойдут на строительство малых гидроэлектростанций. Но тут есть важный нюанс. Подобные инициативы придется детально согласовывать с кыргызскими чиновниками и международными донорами²⁴⁹. Турецкие энергетические компании способны стать здесь главными подрядчиками. Выгода очевидна для всех участников процесса. Бишкек укрепит свою энергетическую безопасность. Доха получит надежные инвестиции. Анкара же сможет частично внедрить собственные инженерные стандарты в кыргызскую энергосистему.

В Таджикистане самой перспективной нишей остается современная цифровая инфраструктура. Исламский банк развития охотно спонсирует подобные инициативы в мусульманских странах. Турецкие интеграторы могут использовать эти доступные деньги с максимальной пользой. Они способны построить возле Душанбе современные центры обработки данных и развернуть безопасные сети связи. Единственное условие заключается в грамотном согласовании всего плана с таджикскими регуляторами и внешними партнерами. Такая схема позволит таджикским властям модернизировать систему

²⁴⁹ Иманалиев У.К. Политика "мягкой силы" Турции в Кыргызстане // Азия и Африка сегодня. 2016. № 8. С. 48-53. URL: https://asafras.ru/index.php?dispatch=attachments.getfile&attachment_id=26002

коммуникаций без передачи контроля китайским технологическим корпорациям, а турецкая сторона получит возможность укрепить статус доверенного технологического партнера. Таким образом формируется рабочая модель «мягкой» экономической экспансии. Используя привлеченные финансовые ресурсы, Турция может реализовать свои геополитические задачи и частично привязать экономику всех пяти стран региона к своим корпоративным стандартам.

Заключительным этапом политической эволюции Анкары выступает формирование концепции «умной силы». Заклучительным этапом политической эволюции Анкары выступает формирование концепции «умной силы». Ошибочно рассматривать данный подход как простую механическую сумму культурных, экономических и военных проектов. Фундаментальная особенность турецкой умной силы заключается в нормативном проникновении и создании устойчивой региональной экосистемы. Мягкая сила в ее классическом виде не исчерпала себя полностью, однако симпатия к турецкому кинематографу или языку не всегда конвертируется в реальные политические дивиденды в моменты острых кризисов. «Умная сила» трансформирует культурную близость в долгосрочную структурную зависимость.

Главным инструментом умной силы становится власть стандартов. Турция переходит от экспорта готовых товаров к экспорту правил игры. Закупая турецкие ударные платформы, армии стран Центральной Азии параллельно внедряют у себя протоколы связи и управления от инженеров из Турции. Подключение республик к Транскаспийскому маршруту требует обязательной синхронизации таможенных и цифровых баз данных с общей логистической архитектурой. Таким образом Анкара создает невидимый каркас нормативных требований. Если игнорировать эти правила, критическая инфраструктура региона заметно теряет эффективность.

Другая важная черта умной силы кроется в перекрестном усилении разных сфер влияния. Технократический подход к образованию начинает косвенно работать на оборонные и логистические интересы. Выпускник турецкого технического вуза возвращается в Ташкент или Бишкек и получает должность в профильном министерстве. На этом посту он совершенно естественно превращается в надежного проводника турецких технологических решений. Так формируется устойчивый замкнутый цикл. Турецкие вузы готовят кадры. Эти кадры закупают турецкое оборудование, управляют им по турецким стандартам и защищают его с помощью турецких систем безопасности. Разработка и внедрение такой многоуровневой модели позволяет Турции претендовать на главную геополитическую цель. Она стремится стать негласным обладателем регионального права вето. Не связывая себя официальными военными союзами и не требуя от местных элит жестких политических обязательств, Анкара вплетает корпоративные интересы в базовые процессы функционирования государств Центральной Азии. Любой гипотетический разворот правительств региона исключительно в сторону российского или китайского вектора становится крайне затруднительным. Он может спровоцировать паралич сложнейших логистических и оборонных систем, прочно завязанных на турецкую умную силу.

Заключение

Проведенное диссертационное исследование позволило комплексно подойти к заявленной проблематике и в полной мере реализовать поставленную цель - выявить специфику и скрытые механизмы применения турецкой мягкой силы в отношении государств Центральной Азии в период с 2002 по 2025 годы. Решение обозначенного комплекса исследовательских задач дало возможность не только систематизировать обширный эмпирический материал, но и проследить фундаментальную эволюцию внешнеполитического курса Анкары. Главный итог теоретического осмысления проблемы заключается в следующем: за

исследуемый период турецкая стратегия трансформировалась из набора разрозненных гуманитарных инициатив в жестко структурированный механизм геополитического проектирования.

Ретроспективный анализ политико-правовой базы и концептуальных основ турецкой внешней политики (чему была посвящена первая глава диссертации) позволил установить закономерный переход от идеалистической панэтнической парадигмы к стратегии глубокого прагматизма. Доказано, что первоначальная опора Анкары исключительно на историко-культурную и лингвистическую общность тюркских народов, характерная для начала 1990-х годов, продемонстрировала свою ограниченность. Идеологема «кровного братства» оказалась недостаточной для удержания регионального лидерства в долгосрочной перспективе. Осознание этого факта правящими кругами Турецкой Республики привело к масштабному реформатированию нормативно-правового обеспечения политики мягкой силы.

На современном этапе культурная дипломатия отнюдь не утратила своей актуальности, однако кардинально изменилась ее функциональная нагрузка. Она окончательно трансформировалась из самостоятельной цели во вспомогательный, хотя и критически значимый инструмент. Сегодня культурно-гуманитарное присутствие используется для формирования максимально благоприятного фона, на базе которого конструируются гораздо более глубокие политико-экономические альянсы.

Отдельного внимания требует зафиксированная в ходе исследования эволюция стратегии «Великой Турции». Анализ показал, что в современных реалиях данный концепт лишен прямой экспансионистской окраски. Он используется турецким руководством как смысловой «зонтик» и легитимное обоснование своего масштабного присутствия в евразийском хартленде. При этом правовое обеспечение и институциональный дизайн турецкой мягкой силы приобрели характер строгой субординации. Если ранее экспорт влияния

осуществлялся во многом за счет инициатив частного сектора и независимых фондов, то к 2025 году этот процесс оказался полностью интегрирован в государственную вертикаль. Это лишило турецкую региональную политику прежней хаотичности, подчинив все образовательные, правовые и культурные процессы строгому национальному расчету.

Логическим продолжением теоретического анализа стало исследование практического инструментария Турецкой Республики в регионе. Изучение операционного среза турецкой мягкой силы показало, что на текущем историческом этапе механизмы влияния претерпели не просто количественную, а качественную трансформацию. Финансово-экономические инструменты, которые традиционно рассматривались как обособленный вектор внешней политики, сегодня выполняют двойную функцию. Инвестиции, льготные кредиты и масштабная деятельность турецкого строительного бизнеса в странах Центральной Азии не только обеспечивают реализацию непосредственных национальных интересов Анкары, но и выступают материальным драйвером продвижения культурно-гуманитарного кода. Формируется устойчивый позитивный образ страны-инвестора, что многократно усиливает восприимчивость местных обществ к турецким нарративам.

Особое значение в архитектуре регионального влияния приобрело научно-образовательное измерение. Проведенный анализ доказывает, что турецкие образовательные учреждения (в частности, сети лицеев и совместные университеты) вышли далеко за рамки своей изначальной миссии — базовой трансляции турецкого языка и элементов культуры. Данные институты концептуально перепрофилированы в центры воспроизводства национальных управленческих элит для стран-реципиентов. Целенаправленное формирование пула высококвалифицированных специалистов, которые еще со школьной скамьи глубоко интегрированы в корпоративную и социальную культуру Турецкой Республики, дает феноменальный отложенный эффект. Сегодня эти кадры

занимают стратегически важные позиции как в государственном аппарате, так и в крупном коммерческом секторе стран региона, выступая надежным и лояльным каналом продвижения интересов Анкары.

Культурно-гуманитарное присутствие Турции, в свою очередь, характеризуется системностью и широким институциональным охватом. Через деятельность таких ключевых акторов, как ТІКА и Институт Юнуса Эмре, турецкая сторона реализует не точечные акции, а долгосрочные социокультурные проекты. Это обеспечивает масштабный охват не только политического истеблишмента, но и широких слоев населения, формируя прочный низовой фундамент для межгосударственного диалога.

В ходе исследования принципиально новые результаты были получены при анализе религиозного фактора как специфического инструмента мягкой силы. Анализ данной сферы демонстрирует высочайшую степень секуляризации и прагматизма в подходах турецкого руководства. Выявлено, что экспорт так называемой «умеренной исламской модели» (строительство мечетей, теологическая подготовка кадров) строго и скрупулезно синхронизируется с интересами действующих светских режимов центральноазиатских республик. Подобный подход лишен стихийности. Он позволяет Турции минимизировать любой конфликтогенный потенциал, дистанцироваться от радикальных течений и концентрировать ресурсы исключительно на тех духовных проектах, которые обладают высокой степенью надежности и гарантируют прогнозируемую политическую отдачу. Более того, именно религиозная дипломатия выступает эффективным инструментом конкурентной борьбы Анкары со странами Персидского залива за смысловое влияние на исламское пространство региона.

Несмотря на очевидные успехи гуманитарной и экономической экспансии, объективная оценка результативности турецкой политики (проведенная в рамках третьей главы диссертации) требует учета существенных ограничений. Важным научным результатом работы стала структуризация барьеров, препятствующих

безграничному росту турецкого влияния. Установлено, что главным сдерживающим фактором выступает безусловный императив сохранения национального суверенитета государствами Центральной Азии. Правящие элиты региона рассматривают взаимодействие с Турецкой Республикой прежде всего как эффективный механизм балансирования и диверсификации своих внешнеполитических связей на фоне присутствия других глобальных игроков. При этом любые попытки прямого вмешательства во внутривнутриполитические процессы или навязывания идеологических догматов жестко пресекаются принимающей стороной.

Осознание данных институциональных барьеров обусловило фундаментальный сдвиг во внешнеполитической тактике Анкары - закономерный переход от классической «мягкой» к концепции «умной силы» (smart power). В диссертации аргументировано положение о том, что ключевым несиловым инструментом влияния на текущем этапе выступает уже не культурная дипломатия, а системный экспорт технологических стандартов. Наблюдается последовательный отказ от простой реализации товарной номенклатуры в пользу внедрения турецких протоколов управления. Наиболее ярко данная тенденция проявляется в оборонно-промышленном комплексе и транспортно-логистической сфере, в частности, в рамках активного развития Транскаспийского международного транспортного маршрута.

Доказано, что закупки центральноазиатскими республиками турецких аппаратных систем неразрывно связаны с последующей интеграцией турецкого программного обеспечения и обязательным внедрением специфических методик подготовки кадров. В результате этого формируется закрытый инфраструктурный цикл. Образовательные структуры Турецкой Республики осуществляют подготовку местных операторов для работы исключительно на турецком оборудовании, эксплуатация которого, в свою очередь, требует монопольной технической поддержки со стороны турецких корпораций.

Обобщение этих эмпирических данных позволяет сформулировать ключевой итог многолетней региональной стратегии Турции: в Центральной Азии сформирована устойчивая структурная взаимозависимость асимметричного типа. Феномен турецкой дипломатии заключается в том, что Анкара добилась этого результата, не прибегая к формализации отношений через жесткие военно-политические пакты и не требуя от партнеров декларативных заявлений о союзничестве. Турецкая сторона обеспечила себе настолько глубокую интеграцию в критически важную инфраструктуру суверенных республик, что потенциальный отказ от ее технологических решений и логистических сетей теперь сопряжен с неприемлемым экономическим ущербом и прямыми рисками для национальной безопасности стран региона. Тем самым Турецкая Республика успешно конвертировала накопленную за десятилетия социокультурную симпатию в реальный, неизвлекаемый геополитический вес.

Выявленные в ходе диссертационного исследования тенденции и закономерности позволяют сформулировать обоснованный прогноз относительно дальнейшей эволюции турецкого присутствия на центральноазиатском направлении. В условиях нарастающей геополитической турбулентности и неизбежного обострения конкуренции с другими глобальными макрорегиональными игроками (прежде всего, с Россией и Китаем), Анкара будет вынуждена форсировать процессы институционализации своего влияния. Ожидается, что основным механизмом консолидации здесь выступит Организация тюркских государств (ОТГ), в рамках которой продолжится планомерная попытка унификации образовательных, экономических и нормативно-правовых стандартов стран-участниц. При этом фокус турецкой стратегии окончательно сместится от инициации разрозненных гуманитарных проектов к системной технологической, логистической и военно-промышленной интеграции.

Сформулированные выводы и вскрытые механизмы трансформации

политики мягкой силы определяют высокую практическую значимость проделанной работы. Полученные результаты обладают серьезным прикладным потенциалом и могут быть напрямую востребованы внешнеполитическими ведомствами, а также профильными аналитическими структурами при прогнозировании региональных рисков. В частности, понимание алгоритмов конструирования «асимметричной взаимозависимости» критически важно для выстраивания сбалансированной стратегии государств Центральной Азии в целях защиты собственного технологического и информационного суверенитета. Кроме того, материалы и обобщения диссертации представляют существенную ценность для академического сообщества. Они могут быть успешно интегрированы в образовательный процесс высшей школы при подготовке лекционных курсов и семинарских занятий по теории международных отношений, геополитике, регионалистике и внешней политике стран Большого Ближнего Востока. Настоящее исследование также открывает широкие перспективы для дальнейшего научного поиска. В качестве перспективных направлений выступает изучение процессов цифровизации мягкой силы и анализ эффективности гибридной «беспилотной дипломатии» Турции как принципиально нового инструмента регионального влияния.

Подводя итоговую черту, можно с уверенностью констатировать следующее. Заявленная во введении цель исследования достигнута в полном объеме, а весь комплекс поставленных задач последовательно решен. Диссертация представляет собой целостное, концептуально завершенное научное исследование, которое вносит существенный вклад в понимание современных процессов трансформации институтов несилового влияния в глобальной политике. Изученный опыт Турецкой Республики наглядно доказывает, что в политических реалиях XXI века статус системообразующего регионального актора обеспечивается не только масштабом военного потенциала, но, в первую очередь,

умением государства грамотно и прагматично конвертировать социокультурный капитал в реальные экономические и технологические дивиденды.

Список источников и литературы

I. Источники

Нормативно-законодательные источники

1. Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (старая редакция) [Электронный ресурс] // Информационная система ПАРАГРАФ. -URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33880342 (дата обращения: 09.04.2026).
2. Закон Турецкой Республики № 633 от 22 июля 2010 г. Об учреждении и обязанностях Управления по делам религии: Diyanet İşleri Başkanlığı Kuruluş ve Görevleri Hakkında Kanun Hükmünde Kararname [Электронный ресурс] // Resmî Gazete. -2010. -27 июля. № 27643. URL: <https://diyanet.gov.tr/tr-TR> (дата обращения: 18.04.2026).
3. Турция. Законы. Türkiye Maarif Vakfı Kanunu: Kanun No. 6721: [принят 17 июня 2016 г.] // TBMM: [официальный сайт Великого национального собрания Турции].
4. Турция. Законы. О создании Управления по делам турок, проживающих за рубежом, и родственных общин и его обязанностях: Закон № 5978: принят 24 марта 2010 г. // T.C. Resmî Gazete. 2010. 6 Nisan. Sayı 27544.
5. Циркуляр Премьер-министра Турецкой Республики № 2010/3 от 27 янв. 2010 г. О Координационном совете по публичной дипломатии: Kamu Diplomasisi Koordinatörlüğü ile İlgili 2010/3 Sayılı Başbakanlık Genelgesi [Электронный ресурс] // Resmî Gazete. 2010. 27 янв. URL: <https://www.lexpera.com.tr/resmi->

gazete/metin/kamu-diplomasisi-koordinatorlugu-ile-ilgili-2010-3-sayili-basbakanlik-genelgesi-27478-2010-3 (дата обращения: 18.04.2026).

Делопроизводственные источники

6. Diyanet İşleri Başkanlığı 2022 Yılı İdare Faaliyet Raporu [Электронный ресурс] // T.C. Diyanet İşleri Başkanlığı. Ankara, 2023.
7. Türkiye Bursları 2022 Yılı Değerlendirme Raporu [Электронный ресурс] // Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. Ankara, 2023.
8. Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı (YTB). 2024–2028 Stratejik Planı [Электронный ресурс] // T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. Ankara: YTB, 2024.
9. Состоялось заседание глав стран-участниц Организации тюркских государств // Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан. 11.11.2022. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5689> (дата обращения: 06.06.2026).
10. Состоялся X саммит Организации тюркских государств // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 03.11.2023. URL: <https://www.akorda.kz/ru/sostoyalsya-x-sammit-organizacii-tyurkskih-gosudarstv-3105444> (дата обращения: 06.06.2026).
11. Заявление Президента Садыра Жапарова для прессы по итогам переговоров с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики. 05.11.2024. URL: <https://president.kg/ru/news/21/26116> (дата обращения: 06.06.2026).
12. Обсуждены вопросы сотрудничества Туркменистана с Организацией тюркских государств // Официальный сайт Министерства иностранных дел Туркменистана. 12.12.2022. URL: <https://www.mfa.gov.tm/en/news/3526> (дата обращения: 06.06.2026)

- 13.TİKA 2023 Faaliyet Raporu [Электронный ресурс] // T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı. Ankara, 2024. URL: официальный сайт TİKA (дата обращения: 29.09.2026).
- 14.TİKA Stratejik Plan 2024–2028 [Электронный ресурс] // T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı. Ankara, 2024. URL: официальный сайт TİKA (дата обращения: 29.09.2026).
- 15.Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. 2023 Yılı Faaliyet Raporu [Электронный ресурс] // YTB. Ankara, 2024. URL: официальный сайт YTB (дата обращения: 29.09.2026).
- 16.Türkiye Kamu Diplomasisi Strateji Belgesi 2024–2029 [Электронный ресурс] // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanlığı. Ankara, 2024. URL: официальный сайт Cumhurbaşkanlığı İletişim Başkanlığı (дата обращения: 29.09.2026).
- 17.Samarkand Declaration of the 9th Summit of the Organization of Turkic States [Электронный ресурс] // Organization of Turkic States. Samarkand, 2022. 11 November. URL: официальный сайт Organization of Turkic States (дата обращения: 29.09.2026).
- 18.Regulation on the Orkhun Exchange Program of the Turkic Council Turkic University Union [Электронный ресурс] // Organization of Turkic States. İstanbul, 2021. 4 November. URL: официальный сайт Organization of Turkic States (дата обращения: 29.09.2026).
- 19.Decision of the Council of the Heads of State of the Organization of Turkic States on the Establishment of the Turkic Investment Fund [Электронный ресурс] // Organization of Turkic States. Samarkand, 2022. 11 November. URL: официальный сайт Organization of Turkic States (дата обращения: 29.09.2026).

Литература

На русском языке

1. Аватков В. А. Тюркский мир и тюркские организации // Мировая политика. 2018. № 2. С. 11-25.
2. Аватков В. А., Гузаеров Р. И. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки // Современная Европа. 2023. № 1. С. 194-201.
3. Бадретдинова С. А. Неоосманизм во внешней политике Турции XXI века (на примере Центрально-азиатского региона) // Империи в мировой истории: актуальные проблемы современных исследований. Стерлитамак: БашГУ, 2021. С. 30-33.
4. Бекбосынова М. Б. Имидж Турции в глазах студенческой молодежи Казахстана (по результатам социологического опроса) // Элеуметтану-Sociology. 2019. № 1. С. 115-125.
5. Белоглазов А. В., Надыров Р. Н. «Мягкая сила» Турции в Центральной Азии в конце XX -начале XXI в.: интеграционный потенциал // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 7. С. 1381-1385.
6. Белоус Ю., Горюшина Е., Кулиева Н. Роль ТІКА в реализации гуманитарного направления внешней политики Турции в период правления ПСР (2002–2023 гг.) // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 6. С. 129-138.
7. Бертоло Ф., Сафронова Л., Муратказин М. Переход казахского языка на латиницу: исторический и социокультурный вектор // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. 2025. № 4 (87). URL: <https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/2403> (дата обращения: 04.04.2026).
8. Велиева Л. Изменения в научно-образовательных контактах Турции со странами Центральной Азии // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2024. № 3 (856). С. 9-16.

9. Вернигора А. Турецкие инвестиции в странах Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № IV. С. 139-153.
10. Волина А. А. Организации, реализующие мягкую силу Турции в тюркских государствах Центральной Азии // Ломоносов-2025 : материалы Междунар. молодеж. науч. форума. М. : МАКС Пресс, 2025. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2025/data/36846/180781_uid1039485_report.pdf (дата обращения: 06.04.2026).
11. Гарбузарова Е. Г. Роль исламского фактора во внешней политике Турции в Центральной Азии // Исламоведение. 2023. Т. 14, № 3 (57). С. 15-26.
12. Гладких М. А. Неоосманистские тенденции в высшем образовании Турции в начале XXI в. // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96.
13. Джаймаз Я. Внешняя политика Турции в Центральной Азии // Мировое и национальное хозяйство. 2018. №1. URL: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/foreign-policy-of-turkey-in-central-asia.pdf> (дата обращения: 09.04.2026).
14. Енокян А. В. Значимость «мягкой силы» во внешней политике Турции в 2002–2022 гг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. №. 4. С. 609-619.
15. Енокян А. В. Фактор «мягкой силы» во внешней политике Турецкой Республики на Южном Кавказе (2002–2022 гг) [The factor of “soft power” in the foreign policy of the Turkish Republic in the South Caucasus (2002–2022)]: дисс.... канд. истор. наук: 5.6. 7. 2023
16. Жигульская Д. В., Цветкова А. С. Центральная Азия и Южный Кавказ в евразийской интеграции Турции // Ближний и Постсоветский Восток. 2025. № 1 (9). С. 20-29.
17. Жильцов С. Трубопроводы в Центральной Азии и Каспийском регионе: новый этап борьбы // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. №. 3. С. 139-153

18. Иманалиев У. К. Политика «мягкой силы» Турции в Кыргызстане // Азия и Африка сегодня. 2016. №8. С. 48-53.
19. Исхаков А. С. О ресурсах «мягкой силы» во внешней политике Турции // Вестник ученых-международников. 2022. № 3. С. 353-360.
20. Калакутский А. В. Сравнительный анализ внешнеполитических стратегий Китая, США, Турции по отношению к странам Центральной Азии // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 10. С. 125-132.
21. Курылев К. П. (под ред.). Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений. М.: Аспект-Пресс, 2024. 312 с
22. Курылев К. П. Ключевые интересы России - цели и задачи в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9, № 1. С. 9–25.
23. Колесникова М., Урпер М. Концепция «Век Турции» как новый камертон внешней политики Анкары // Международная жизнь. 2025. № 8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3247> (дата обращения: 20.04.2026).
24. Комлева В.В. Элитообразование в странах Центральной Азии // Власть. 2025. Том 33. № 3. С. 153-165.
25. Комлева В.В. Современная политическая наука Таджикистана: методологические ориентиры и исследовательские приоритеты // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 3(17). С. 190–210.
26. Комлева В.В. Международные НКО на территории стран Центральной Азии // Обозреватель. 2021. № 12(383). С. 5–18.
27. Куспангалиев Б.У., Самойлов К.И., Приемец О.Н. Своеобразие развития композиции мавзолея-ханака Ходжи Ахмеда Яссави в Туркестане // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Технические науки и технологии. 2023. Т. 145, № 4. С. 213-225.
28. Лаумулин М. Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2005. Т. 1. 704 с.

29. Малышева Д. Центральноеазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 2. С. 60-72.
30. Малышева Д. Б. Перезагрузка стратегий внешних акторов в Центральной Азии после 2022 г. // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9, № 1. С. 26–35.
31. Малышева Д. Б. Международно политическая конкуренция на постсоветском центральноеазиатском пространстве // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 106–115.
32. Мишин Л. Д., Рожкова З. П. Отношения Узбекистана и Турции: от тупика к «братству» // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8, № 6. С. 706-716.
33. Москаленко В. А. Этапы модификации внешнеполитических усилий Турции в отношении государств Центральной Азии в 1991-2022 гг. // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 3. С. 57-70.
34. Надеин-Раевский В. А. Пантюркизм в рамках идеологической экспансии Турецкой Республики // Ближний и Постсоветский Восток. 2024. Т. 1, № 1. С. 17-24.
35. Налбандян К. С. Организация тюркских государств как инструмент усиления международного влияния Турции // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 6. С. 2676-2688.
36. Нафиков И. З. Турецкая внешняя политика в странах Центральной Азии в постсоветское время: региональная интеграция в новых политических реалиях // Известия Восточного института. 2024. № 1 (61). С. 116-123.
37. Пиримбаев Ж. Кыргызско-турецкое сотрудничество в сфере образования // Общество и экономика. 2023. №2. С. 103-110.
38. Почта Ю. М., Гузаеров Р. И. Латинизация языка под руководством Турции как инструмент формирования новой идентичности для тюркских постсоветских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2024. Т. 26, № 1. С. 143-154.

- 39.Рахмонов А. Х. Турция как новое направление трудовой миграции из Таджикистана на фоне экономического кризиса в России // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Вологда ВолНЦ РАН, 2023. С. 241-244.
- 40.Сабов И.Н. Имиджевое позиционирование Турции в Центральной Азии: проблемы институционализации интеграции тюркского мира // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21, № 3. С. 197-203.
- 41.Саманчина Ж., Элебаева А. Перспективы учебной миграции из Кыргызстана в Турцию // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. Вып. 1. С. 154–161.
- 42.Сваранц А. С. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе и в Центральной Азии. М.: Академия гуманитарных исследований, 2002. 600 с.
- 43.Смирнова Г.Н., Кипрушина И.И., Пугачев И.Ю. Перспективные предикторы реализации V Всемирных игр кочевников Астана-2024 в развитии национальных и технических видов спорта // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2024. Т. 19, № 4. С. 326–330.
- 44.Сулейманов А.В. Идеология А. Давутоглу и внешняя политика Турции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. №1. С. 98-104.
- 45.Султанов Б.К. Казахстан и внешние акторы: особенности взаимодействия в новых геополитических условиях // Казахстан в глобальных процессах. 2018. № 2. С. 14-28.
- 46.Толипов Ф.Ф. Стратегическое партнерство в Центральной Азии: двусторонний и многосторонний форматы // Центральная Азия и Кавказ. 2017. Т. 20, № 3. С. 22-35.

- 47.Толипов Ф.Ф. Турция и Узбекистан: ренессанс отношений в контексте макрорегиональной трансформации // Вестник ИСМИ. Ташкент, 2019. № 4. С. 41-55.
- 48.Туана М. Направления политики «мягкой силы» Турции: сравнительный анализ институтов культурной дипломатии (2002–2024 гг.) // Вопросы политологии. 2025. Т. 15, № 9. С. 3783-3795.
- 49.Укенов А. Религия как инструмент «мягкой силы» в международных отношениях // Al-Farabi. 2021. Т. 76, № 4. URL: <https://alfarabijournal.org/index.php/journal/article/view/653> (дата обращения: 09.04.2026).
- 50.Учгюль С., Звонарева Л. У. Лингвостилистические особенности политической публицистики на примере книги Реджепа Тайипа Эрдогана «Более справедливый мир возможен!» // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26, Вып. 4. С. 102-116.
- 51.Худайбергенова У.К. Реформа алфавита в Узбекистане: история, вызовы и перспективы // Многоязычие в образовательном пространстве. 2025. Т. 17. № 1. С. 40–47.
- 52.Чмырева В.А. Роль Турции на постсоветском пространстве в американской внешнеполитической экспертизе // Мировая политика. 2023. № 1. С. 26–36.
- 53.Шангараев Р. Н., Галимов И. И. Культурно-образовательное сотрудничество Республики Турции со странами Центральной Азии: Казахстан, Киргизия, Узбекистан // Вестник ученых-международников. 2025. № 3. С. 101-114.
- 54.Шарафутдинов Д. Р., Гузаеров Р. И. Беспилотная дипломатия Турции [Электронный ресурс] // Modus vivendi. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bespilotnaya-diplomatiya-turtsii> (дата обращения: 30.03.2026).

- 55.Щербаков И. М. Неоосманистские цивилизационные основания гуманитарной политики и культурно-религиозной дипломатии Турции в первой четверти XXI в. // Ближний и Постсоветский Восток. 2025. № 4. С. 135-152.
- 56.Экология как новая арена геополитики. Центральная Азия и Южный Кавказ: коллективная монография / под ред. К. П. Курылева. М. : Аспект Пресс, 2026. 421 с.
- 57.Эргашев А. С., Гришин О. Е. Образовательная политика Турции в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9, № 3. С. 319-326. -URL: <https://www.postsovietarea.com/jour/article/view/354/318> (дата обращения: 21.04.2026).
- 58.Эргашев Б. Х. Трансформация Тюркского совета: взгляд из Узбекистана // Центральная Азия на перекрестке интересов. Ташкент: ЦЭИР, 2021. С. 132-146.

На английском языке

- 59.Abuova A., Baigabylov N., Abdikakimov M., Aubakirova S., Assylkhanova G. Turkic Integration and Some Aspects of Assessing Migration Potential on the Case of Kazakhstan and Turkey // Dve Domovini / Two Homelands. 2024. № 60. P. 45-62.
- 60.Akaydın Aydın A. TRT's International Digital Platform “Tabii” and Transmission of Turkish Culture Through TV Series // Examining Cultural Influences on Media, Technology, and Narratives. Hershey: IGI Global, 2025. P. 118-142.
- 61.Altunışık M. B. Challenges to Turkey's Soft Power in the Middle East // TESEV Foreign Policy Bulletin. Istanbul, 2011.
- 62.Ambrosetti E. T., Kuandykov T. Turkish Public Diplomacy in Central Asia. Actors, Narratives, and Local Perceptions // Public Diplomacy between Asia and the Middle East / ed. by F. Frassinetti, S. J. Lee, C. Lovotti. London, 2025. P. 88-116.
- 63.Aras B., Fidan H. Turkey and Eurasia: Frontiers of a New Geographic Imagination // New Perspectives on Turkey. 2009. No. 40. P. 195-219.

64. Atamali K. Türkiye and Tajikistan: Evolution of Bilateral Relations // Russia and the Moslem World. 2025. № 4 (330). P. 15-27.
65. Kahveci H., Kuşçu Bonnenfant I. Turkish Foreign Policy Towards Central Asia: An Unfolding of Regionalism and Soft Power // All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace. 2023. Vol. 12. No. 2. P. 195–218.
66. Ashdown N. The Fate of Turkmenistan's Gülenists [Электронный ресурс] // The Diplomat. 2019. October. URL: <https://magazine.thediplomat.com/2019-10/read?page=-Lpi2orMrstQ-QXCs9Qk> (дата обращения: 01.04.2026).
67. Balci B. Turkey in Central Asia: Contribution of State and Non-Governmental Actors in the Development of a Turkish Islamic Influence in the Post-Soviet Republics // Revue internationale de politique comparée. 2014. Vol. 21, no. 1. P. 9-31.
68. Çağaptay S. Erdogan's Empire: Turkey and the Politics of the Middle East. London, 2019. 360 p.
69. Çandar C. Turkey's Blue Homeland Doctrine: Signaling Perpetual Conflict in the Mediterranean and Rough Waters Ahead // Turkey Analyst. 2020. 26 August. URL: <https://turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/648-turkey%E2%80%99s-blue-> (дата обращения: 30.03.2026).
70. Çevik S. B., Seib P. Turkey's Public Diplomacy. New York, 2015. 304 p.
71. Çolakoğlu E. Food Insecurity in the Middle East, the Black Sea Grain Initiative, and Türkiye // Güvenlik Stratejileri Dergisi. 2024. Cilt 20, Sayı 47. S. 63-82.
72. Cook S. A. Neither Friend nor Foe: The Future of U.S. Turkey Relations. Washington, 2018.
73. Cornell S. E. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Washington, 2001.
74. Cornell S. E. Türkiye's Return to Central Asia and the Caucasus / ed. by S. E. Cornell. Washington; Stockholm: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. 2024. 100.

URL:https://www.silkroadstudies.org/resources/240622TRCA_merged.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

- 75.Çubukçuoğlu S. S. Turkey's Naval Activism: Maritime Geopolitics and the Blue Homeland Concept. - Cham: Springer Nature, 2023. 306 p.
- 76.Frappi C. The Caspian Sea Chessboard: Geo-Political, Geo-Strategic and Geo-Economic Analysis. EGEA Spa, 2014.
- 77.Hale W. Turkish Foreign Policy since 1774. 3rd ed. London, 2012. 328 p.
- 78.Hill F., Taspınar O. Turkey and Russia: Axis of the Excluded? // Survival. 2006. Vol. 48, No. 1. P. 81-100.
- 79.Kahveci H., Bonnenfant I. K. Turkish Foreign Policy Towards Central Asia: An Unfolding of Regionalism and Soft Power // All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace. 2023. Vol. 12, no. 2. P. 195-218.
- 80.Kalın İ. Turkish Foreign Policy: Framework, Values, and Mechanisms // International Journal. 2012. Vol. 67, No. 1. P. 7-21.
- 81.Kassenova N. Central Asia and EU Connectivity Strategy: An Opportunity for Synergy. Davis Center for Russian and Eurasian Studies, 2019.
- 82.Kavalski E. Central Asia and the Rise of Normative Powers: Contextualizing the Security Governance of the European Union, China, and India. Bloomsbury, 2012.
- 83.Kelkitli F. A. The Role of International Educational Exchange in Turkish Foreign Policy as a Reconstructed Soft Power Tool // All Azimuth: A Journal of Foreign Policy and Peace. 2021. Vol. 10, no. 1. P. 41-58.
- 84.Kirişçi K. The Transformation of Turkish Foreign Policy: The Rise of the Trading State // New Perspectives on Turkey. 2009. No. 40. P. 29-57.
- 85.Korkut Ş. The Diyanet of Turkey and Its Activities in Eurasia after the Cold War // Acta Slavica Iaponica. 2010. Tomus 28. P. 117-139.
- 86.Küçük K., Ünal U., Bekturgan Kızı T., Köçörbay Uulu S. Chyngyz Aitmatov's Works As a Soft Power Element of the Turkic World // MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2024. Cilt 13, Sayı 4. S. 1349-1363.

87. Kutlay M., Öniş Z. Turkish foreign policy in a post-western order: strategic autonomy or new forms of dependence? // *International Affairs*. 2021. Vol. 97, Issue 4. P. 1085-1104.
88. Laruelle M. *Russian Eurasianism: An Ideology of Empire*. Baltimore, 2008.
89. Lord C. *Religious Politics in Turkey: From the Birth of the Republic to the AKP*. Cambridge, 2018.
90. Mankoff J. *Empires of Eurasia: How Imperial Legacies Shape International Security*. New Haven, 2022. 416 p.
91. Megoran N. *Nationalism in Central Asia: A Biography of the Uzbekistan-Kyrgyzstan Boundary*. University of Pittsburgh Press, 2017.
92. Murinson A. *Turkey's Entente with Israel and Azerbaijan: State Identity and Security in the Middle East and Caucasus*. London, 2009. 240 p.
93. Oğuzlu T. Soft Power in Turkish Foreign Policy // *Australian Journal of International Affairs*. 2007. Vol. 61, No. 1. P. 81-97.
94. Öniş Z. Globalization and Party Transformation: Turkey's Justice and Development Party in Perspective // *Globalizing Politics, Party Politics*. 2008. P. 121-145.
95. Özlü Ö. Türkiye's digital public diplomacy in Central Asia: competing with China and Russia for soft power influence // *Ufuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. 2025. Vol. 14, N. 28. P. 8-28.
96. Park B. *Modern Turkey: People, State and Foreign Policy in a Globalized World*. London, 2011. 240 p.
97. Purtaş F. Cultural Diplomacy Initiatives of Turkic Republics // *Perceptions: Journal of International Affairs*. 2016. Vol. 21, No. 3. P. 61-84.
98. Robins P. *Suits and Uniforms: Turkish Foreign Policy Since the Cold War*. Seattle, 2003. 400 p.
99. Rozyyeva G. Bread, Weddings, and Belonging: The Quiet Cultural Revival of Turkmens in Istanbul [Электронный ресурс] // *Progres*. 2025. 15 августа. URL:

- <https://progres.online/society/bread-weddings-and-belonging-the-quiet-cultural-revival-of-turkmens-in-istanbul/> (дата обращения: 06.04.2026).
- 100.** Tol G. *Erdogan's War: A Strongman's Struggle at Home and in Syria*. Oxford, 2022. 336 p.
 - 101.** Tol G. Turkey's Bid for Religious Leadership [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2019. 10 января. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2019-01-10/turkeys-bid-religious-leadership> (дата обращения: 09.04.2026).
 - 102.** *Turkey's Asia Relations* / ed. by O. Anas. Cham: Springer International Publishing, 2022. 325 p.
 - 103.** Venetis E. *The Struggle between Turkey & Saudi Arabia for the Leadership of Sunni Islam: Working Paper No 39/2014*. - Athens: ELIAMEP, 2014. 28 p.
 - 104.** Winrow G. M. *Turkey and the East-West Gas Transportation Corridor* // Turkish Studies. 2004. Vol. 5, No. 2. P. 23-42.
 - 105.** Yavuz M. H. *Islamic Political Identity in Turkey*. Oxford: Oxford University Press, 2003. 320 p.
 - 106.** Yeşilot O. *The Basmachi Movement in the Light of Soviet Archival Documents* [Текст]. 2021. URL: <https://avesis.mcbu.edu.tr/yayin/70f444ff-85a1-4a88-afcf-33672b18c42b/the-basmachi-movement-in-the-light-of-soviet-archival-documents-sovvet-arsiv-belgeleri-isiginda-basmaci-hareketi> (дата обращения: 06.04.2026).

На турецком языке

- 107.** Balcı A. *Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler, Uygulamalar*. İstanbul: Etkileşim Yayınları, 2013.
- 108.** Davutoğlu A. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s.

109. İpek S. Türkiye'nin Orta Asya'da Türk İşbirliğinin Sağlanması Stratejisi ve Orta Koridor Girişiminin Yapısal Sürdürülebilirliği // MANAS Journal of Social Studies. -2025. Vol. 14, No. 3. P. 833-845.
110. Kaplan H. Türkiye'nin Eğitim Diplomasisinde Türkiye Maarif Vakfının Rolü [Электронный ресурс] // Akademik İncelemeler Dergisi. 2022. Vol. 17, no. 1. P. 45-62.
111. Töre M. Türkmenistan-Türkiye Yükseköğretim İlişkileri [Электронный ресурс] // TÜDAS 2025 Bildiriler Kitabı. 2025. Cilt II. URL: <https://www.academia.edu/144615058> (дата обращения: 01.04.2026).
112. Türk F., Karakuzu T., Özdemir A., Limon İ. Yumuşak Güç Bağlamında Orta Asya'da Türk Dizileri ve TRT Kurumunun Rolü [Электронный ресурс] // Elektronik Siyaset bilimi araştırmaları Dergisi. 2023. Cilt 14, Sayı 26. S. 1-28.

Публицистические и информационно-аналитические материалы

На русском языке

113. IV Всемирные игры кочевников завершились церемонией закрытия, подготовленной ТЮРКСОЙ [Электронный ресурс] // TURKSOY. 2022. 3 октября. URL: <https://www.turksoy.org/ru-RU/novosti/iv-vsemirnye-igry-kochevnikov-zavershilis-ceremoniej-zakrytiya-podgotovlennoj-tyurksoj> (дата обращения: 04.04.2026).
114. В Алматинской области открылся Евразийский логистический парк [Электронный ресурс] // Tribune.kz. 2025. 2 декабря. URL: <https://tribune.kz/v-almatinskoj-oblasti-otkrylsya-evrazijskij-logisticheskij-park/> (дата обращения: 20.04.2026).
115. В Бухаре откроются филиал и клиника Турецкого университета медицинских знаний [Электронный ресурс] // MED.UZ. 2019. 3 апреля. URL: <https://med.uz/ses/surkhandarya/news/detail.php?ID=62859> (дата обращения: 31.03.2026).

- 116.** В Стамбуле прошел бизнес-форум женщин-предпринимателей [Электронный ресурс]//Azerbaijan24.com. 2022. 28 февраля. URL: <https://www.azerbaycan24.com/ru/v-stambule-proshel-biznes-forum-zhenshtin-predprinimateley/> (дата обращения: 04.04.2026).
- 117.** В Таджикистане закрывают таджикско-турецкие лица [Электронный ресурс] // Азия-Плюс. 2015. 20 мая. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20150520/v-tadzhikistane-zakryvayut-tadzhiksko-turetskie-litsei> (дата обращения: 01.04.2026).
- 118.** В Туркменистане после реставрации открылся мавзолей Султана Санджара [Электронный ресурс] // Turkmenistan.ru. 2004. 18 ноября. URL: <https://www.turkmenistan.ru/ru/node/14778> (дата обращения: 30.03.2026).
- 119.** В Узбекистане растет число предприятий с участием турецкого капитала [Электронный ресурс] // Национальный комитет по статистике Республики Узбекистан. 2025. URL: <https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/65891-zbekistonda-turkiya-kapitali-ishtirokidagi-korkhonalar-soni-ortib-bormo-da-3> (дата обращения: 22.04.2026).
- 120.** Визит в Турецкое историческое общество [Электронный ресурс] // Институт философии, политологии и религиоведения. 2022. 4 ноября. URL: <https://iph.kz/en/events/vizit-v-turetskoe-istoricheskoe-obshchestvo/> (дата обращения: 06.04.2026).
- 121.** Вопросы развития водного транспорта рассмотрели в Правительстве [Электронный ресурс] // Turan Times. 2023. 12 декабря. URL: <https://turantimes.kz/obschestvo/47633-voprosy-razvitija-vodnogo-transporta-rassmotreli-v-pravitelstve.html> (дата обращения: 31.03.2026).
- 122.** Грузоперевозки по ТМТМ выросли за I полугодие 2025 года на 7% до 2,3 млн тонн [Электронный ресурс] // PortNews.ru. 2025. 21 августа. URL: <https://portnews.ru/news/380887/> (дата обращения: 20.04.2026).

- 123.** Евразийский банк развития. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР 2023 [Электронный ресурс] // ЕАБР. 2023. 19 декабря. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/monitoring-vzaimnykh-investitsiy-eabr-2023/> (дата обращения: 31.03.2026).
- 124.** Объем освоенных иностранных инвестиций по странам-инвесторам // Министерство инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан: официальный сайт. URL: <https://miit.uz/ru/menu/foreign-direct-investments> (дата обращения: 06.06.2026).
- 125.** За пять лет ТИКА профинансировало 411 проектов в Кыргызстане [Электронный ресурс] // Economist.kg. 2019. 8 мая. URL: <https://economist.kg/novosti/2019/05/08/za-pyat-let-tika-profinansirovalo-411-proektov-v-kyrgyzstane/> (дата обращения: 22.04.2026).
- 126.** Казахстан и Турция активизируют взаимодействие в рамках расширенного стратегического партнерства [Электронный ресурс] // Vecher.kz. 2023. 4 февраля. URL: <https://vecher.kz/ru/article/kazakhstan-i-tursiia-aktiviziruiut-vzaimodeistvie-v-ramkah-rasshirennogo-strategicheskogo-partnerstva.html> (дата обращения: 30.03.2026).
- 127.** Казахстан и Турция намерены довести товарооборот до 10 млрд долларов США [Электронный ресурс] // Казинформ. 2023. 11 сентября. URL: https://www.inform.kz/ru/tovarooborot-mezhdu-kazahstanom-i-turciey-prevysil-3-5-mlrd-dollarov_a4110215/ (дата обращения: 31.03.2026).
- 128.** КазТАГ. Объем перевозок грузов по Транскаспийскому маршруту вырос почти в три раза [Электронный ресурс]. 2023. 9 февраля. URL: <https://kaztag.kz/ru/news/obem-perevozok-gruzov-po-transkaspiskomu-marshrutu-vyros-pochti-v-tri-raza> (дата обращения: 09.04.2026).
- 129.** Контейнерные перевозки [Электронный ресурс] // KTZ Express. URL: <https://www.ktze.kz/ru/services/container-shipping> (дата обращения: 31.03.2026).

- 130.** Курсив Медиа Казахстан. Казахстанцы заняли пятое место среди иностранцев по покупке жилья в Турции в 2022 году [Электронный ресурс] // Kursiv Media Kazakhstan. 2023. 18 января. URL: <https://kz.kursiv.media/2023-01-18/lbs-turkey/> (дата обращения: 06.04.2026).
- 131.** Лукьянов Ф. Стратегическая бездна [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2012. 17 октября. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/strategicheskaya-bezdna/> (дата обращения: 30.03.2026).
- 132.** Омуралиев К. Кубанычбек Омуралиев: Слова Президента Ильхама Алиева «ОТГ это наша семья» выражают намерение сделать Организацию тюркских государств влиятельной силой на глобальной арене [Электронный ресурс] // AZERTAC. 2025. 25 сентября. URL: https://azertag.az/ru/xeber/kubanychbek_omuralyev_slova_prezidenta_ilhama_alieva_otg___eto_nasha_semya_vyrazhayut_namerenie_sdelat_organizaciyu_tyurkski_h_gosudarstv_vliyatelnoi_siloi_na_globalnoi_arene-3765791 (дата обращения: 30.03.2026).
- 133.** Организация тюркских государств. 4th Young Leaders Forum of the Organization of Turkic States held in Bukhara, and Bukhara declared as the First Youth Capital of the Turkic World [Электронный ресурс]. 2022. 5 июня. URL: <http://turkicstates.org/en/news/4th-young-leaders-forum-of-the-organization-of-turkic-states-held-in-bukhara-and-bukhara-declared-as-the-first-youth-capital-of-the-turkic-world> (дата обращения: 04.04.2026).
- 134.** Особенности вовлечения туркменских новобранцев в ряды экстремистов [Электронный ресурс] // Ислам в СНГ. 2016. 31 мая. URL: <http://islamsng.com/tkm/news/10780> (дата обращения: 01.04.2026).
- 135.** Президент Туркменистана провел рабочее совещание на заводе по производству бензина из природного газа [Электронный ресурс] // Oilgas.gov.tm. 2021. 21 мая. URL:

<https://mail.oilgas.gov.tm/ru/posts/news/2227/prezident-turkmenistana-provel-raboochee-soveshchanie-na-zavode-po-proizvodstvu-benzina-iz-prirodnogo-gaza>
(дата обращения: 31.03.2026).

- 136.** Ритм Евразии. Турция не спешит открывать свой рынок труда для мигрантов из Средней Азии [Электронный ресурс] // Ритм Евразии. 2025. 21 апреля. URL: <https://www.ritm Eurasia.ru/news--2025-04-21--turcija-ne-speshit-otkryvat-svoj-rynok-truda-dlja-migrantov-iz-srednej-azii-79835> (дата обращения: 20.04.2026).
- 137.** Сколько и куда уехало узбекистанцев за рубеж? Озвучены данные за 2022 год [Электронный ресурс] // Daryo.uz. 2023. 7 февраля. URL: <https://daryo.uz/ru/2023/02/07/skolko-i-kuda-uehalo-uzbekistancev-za-rubez-ozvuceny-dannye-za-2022-god> (дата обращения: 06.04.2026).
- 138.** ТИКА [Электронный ресурс] // Donors.kg. URL: <https://donors.kg/ru/agentstva/90-tica> (дата обращения: 22.04.2026).
- 139.** Торговые отношения между Узбекистаном и Турцией в цифрах [Электронный ресурс] // Buzb.uz. 2024. URL: <https://buzb.uz/news/torgovye-otnosheniya-mezhdu-uzbekistanom-i-turciej-v-cifrah> (дата обращения: 20.04.2026).
- 140.** Турция и Узбекистан утроили объем торгового оборота [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. 2025. 3 апреля. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/экономика/турция-и-узбекистан-утроили-объем-торгового-оборота/3528279> (дата обращения: 31.03.2026).
- 141.** Шилов И. Мечта о газовом хабе [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. 2025. 9 декабря. URL: <https://regnum.ru/opinion/4006089> (дата обращения: 30.03.2026).
- 142.** ТИКА создал в Таджикистане «Центр планирования карьеры» [Электронный ресурс] // Анадолу. 2023. 11 мая. URL:

<https://www.aa.com.tr/ru/мир/tika-создал-в-таджикистане-центр-планирования-карьеры-/2894470> (дата обращения: 22.04.2026).

На английском языке

143. 2025 Turkish Language and Culture Summer Camp [Электронный ресурс] // Ibn Haldun Üniversitesi. 2025. 14 августа. URL: <https://tomer.ihu.edu.tr/en/2025-turkish-language-and-culture-summer-camp> (дата обращения: 04.04.2026).
144. A meeting with the President of the Cooperation and Coordination Agency [Электронный ресурс] // O‘zbekiston Respublikasi Hukumat portalı. 2020. 28 July. URL: <https://poland.mfa.uz/news/6212?language=en> (дата обращения: 30.03.2026).
145. Anadolu Ajansı. Turkish Red Crescent to aid Kyrgyzstan after border clashes [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. 2021. 11 мая. URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkey/turkish-red-crescent-to-aid-kyrgyzstan-after-border-clashes/2236506> (дата обращения: 04.04.2026).
146. Daily Sabah. Kyrgyzstan becomes latest buyer of Turkish combat drones [Электронный ресурс] // Daily Sabah. 2021. 22 октября. URL: <https://www.dailysabah.com/business/defense/kyrgyzstan-becomes-latest-buyer-of-turkish-combat-drones> (дата обращения: 01.04.2026).
147. Daily Sabah. Uzbek-Turkish TV series 'Mendirman Jaloliddin' to go on air Sunday [Электронный ресурс] // Daily Sabah. 2021. 13 февраля. URL: <https://www.dailysabah.com/arts/uzbek-turkish-tv-series-mendirman-jaloliddin-to-go-on-air-sunday/news> (дата обращения: 01.04.2026).
148. Erdoğan: Turkish companies completed projects worth approximately \$55 billion in Turkmenistan [Электронный ресурс] // Kırgızistan-Türkiye Manas Üniversitesi. 2025. 15 декабря. URL: <https://turksam.manas.edu.kg/index.php/en/turkiye-2/9980-turkish-companies->

- implement-19-projects-worth-usd10-billion-in-turkmenistan (дата обращения: 31.03.2026).
- 149.** “Eti Bakyr Tereksai” LLC [Электронный ресурс] // ОАО «Кыргызалтын». URL: <http://en.kyrgyzaltyn.kg/branch/info/8> (дата обращения: 31.03.2026).
- 150.** Eurasian Bank for Reconstruction and Development (EDB). Monitoring of Mutual Investments on the Eurasian Continent, 2024-2025 [Электронный ресурс]. Minsk, 2025. URL: <https://www.eabr.org/> (дата обращения: 19.04.2026).
- 151.** Geo TV. V series on the life of Jalaluddin Khwarazmshah goes on air [Электронный ресурс] // Geo TV. 2021. 17 февраля. URL: <https://www.geo.tv/latest/335462-tv-series-on-the-life-of-jalaluddin-khwarazmshah-goes-on-air> (дата обращения: 04.04.2026).
- 152.** Hasanova N. Cargo transportation via Azerbaijan’s Baku Port grows [Электронный ресурс] // AzerNews. 2024. 1 February. URL: <https://www.azernews.az/business/221081.html> (дата обращения: 31.03.2026).
- 153.** Hyphen. The greatest games on earth and in space [Электронный ресурс] // Hyphen. 2024. 19 сентября. URL: <https://hyphenonline.com/2024/09/19/world-nomad-games-the-greatest-games-on-earth-and-in-space/> (дата обращения: 04.04.2026).
- 154.** Institute of Applied Mathematics (METU). Colloquia Seminar: A New Coherent Multivariate Average-Value-at-Risk [Электронный ресурс] // LinkedIn. 2024. 21 April. URL: https://www.linkedin.com/posts/iam-metu_seminar-appliedmath-odt%C3%BC-activity-7188137275321438208-ts8O (дата обращения: 31.03.2026).
- 155.** Khovar. Perspectives of Tajik-Turkish relations in the field of culture discussed in Dushanbe [Электронный ресурс] // Khovar. 2017. 23 июня. URL: <https://eng.khovar.tj/2017/06/perspectives-of-tajik-turkish-relations-in-the-field-of-culture-discussed-in-dushanbe/> (дата обращения: 04.04.2026).

- 156.** Official website of the Organization of Turkic States. 4th Young Leaders Forum of the Organization of Turkic States held in Bukhara, and Bukhara declared as the First Youth Capital of the Turkic World [Электронный ресурс]. 2022. 5 июня. URL: <http://turkicstates.org/en/news/4th-young-leaders-forum-of-the-organization-of-turkic-states-held-in-bukhara-and-bukhara-declared-as-the-first-youth-capital-of-the-turkic-world> (дата обращения: 04.04.2026).
- 157.** OGT-Turkmenistan / TeF-Turkmenistan. EDB: Major Turkish Investments in Turkmenistan Exceed \$1.1 Billion, 2026 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ogt-turkmenistan.com/> (дата обращения: 19.04.2026).
- 158.** Ormecdi O. Why the World Is Bigger Than Five? [Электронный ресурс] // Uluslararası Politika Akademisi. 2019. 1 December. URL: <https://politikaakademisi.org/2019/12/01/why-the-world-is-bigger-than-five/> (дата обращения: 30.03.2026).
- 159.** Politics Today. A New Balance in Central Asia?, 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://politicstoday.org/a-new-balance-in-central-asia/> (дата обращения: 19.04.2026).
- 160.** President Erdoğan Inaugurates the “Recep Tayyip Erdoğan Bishkek Kyrgyz-Turkish Friendship State Hospital” Built by TİKA [Электронный ресурс] // T.C. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı. 2024. 12 November. URL: <https://tika.gov.tr/en/president-erdogan-inaugurates-the-recep-tayyip-erdogan-bishkek-kyrgyz-turkish-friendship-state-hospital-built-by-tika/> (дата обращения: 30.03.2026).
- 161.** Rönesans Signed the Financing Agreement for Central Asia’s First PPP Healthcare Project [Электронный ресурс] // Rönesans Holding. 2024. 1 November. URL: <https://ronesans.com/en/news/central-asia-first-ppp-hospital-kokshetau-hospital-project> (дата обращения: 31.03.2026).
- 162.** SALTO-YOUTH. Dünya Etnospor Konfederasyonu [World Ethnosport Confederation] [Электронный ресурс] // SALTO-YOUTH. URL:

- <https://www.salto-youth.net/tools/otlas-partner-finding/organisation/duenya-etnospor-konfederasyonu-world-ethnosport-confederation.18810> (дата обращения: 04.04.2026).
- 163.** Tajikh parliament ratifies agreement on construction of Coca Cola bottling plant in Tajikistan [Электронный ресурс] // Asia-Plus. 2015. 11 февраля. - URL: <https://old.asiaplustj.info/en/news/tajikistan/20150211/tajik-parliament-ratifies-agreement-construction-coca-cola-bottling-plant-tajikistan> (дата обращения: 31.03.2026).
- 164.** Tajiks to excavate body of Enver Pasha [Электронный ресурс] // UPI Archives. 1996. 24 июля. URL: <https://www.upi.com/Archives/1996/07/24/Tajiks-to-excavate-body-of-Enver-Pasha/6210838180800/> (дата обращения: 06.04.2026).
- 165.** The Astana Times. International Support Flows to Kazakhstan Amid Devastating Floods [Электронный ресурс] // The Astana Times. 2024. 17 апреля. URL: <https://astanatimes.com/2024/04/international-support-flows-to-kazakhstan-amid-devastating-floods/> (дата обращения: 04.04.2026).
- 166.** The Diplomat. 70,000 Evacuated After Breach in Uzbek Dam, Investigation into Failure Launched [Электронный ресурс] // The Diplomat. 2020. 4 мая. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/70000-evacuated-after-breach-in-uzbek-dam-investigation-into-failure-launched/> (дата обращения: 04.04.2026).
- 167.** The Diplomat. Turkey's COVID-19 Diplomacy in Central Asia [Электронный ресурс] // The Diplomat. 2020. 19 августа. URL: <https://thediplomat.com/2020/08/turkeys-covid-19-diplomacy-in-central-asia/> (дата обращения: 04.04.2026).
- 168.** ТИКА, UNHCR agree to build \$62,000-canal basin which will supply water to two villages in Osh region [Электронный ресурс] // AKIpress. 2016. 23 December. URL: <https://akipress.com/news:586874> (дата обращения: 30.03.2026).

- 169.** TİKA supports agricultural production in Tajikistan [Электронный ресурс] // TuraNews.kz. 2023. 8 апреля. URL: <https://turanews.kz/en/news/tika-supports-agricultural-production-in-tajikistan/> (дата обращения: 04.04.2026).
- 170.** Turkic Council Welcomes the Opening of TOBB University of Economics and Technology (TOBB ETU) in Tashkent [Электронный ресурс] // Turkic States. 2020. 13 July. URL: <https://turkicstates.org/en/news/turkic-council-welcomes-the-opening-of-tobb-university-of-economics-and-technology-tobb-etu-in-tashkent> (дата обращения: 28.03.2026).
- 171.** Turkic Council attended the opening ceremony of the monument for “Er Manas” in Ankara [Электронный ресурс] // Организация тюркских государств. 2021. 31 августа. URL: <https://www.turkicstates.org/en/news/turkic-council-attended-the-opening-ceremony-of-the-monument-for-er-manas-in-ankara> (дата обращения: 04.04.2026).
- 172.** Turkic Investment Fund Holds its Inaugural Board of Governors Meeting in Istanbul [Электронный ресурс] // The Astana Times. 2024. 22 мая. URL: <https://astanatimes.com/2024/05/turkic-investment-fund-holds-its-inaugural-board-of-governors-meeting-in-istanbul/> (дата обращения: 31.03.2026).
- 173.** Turkic Investment Fund to begin financing projects in Q1 2026 [Электронный ресурс] // Kırgızistan-Türkiye Manas Üniversitesi. 2025. 8 декабря. URL: <https://turksam.manas.edu.kg/index.php/en/azerbaijan/9937-turkic-investment-fund-to-begin-project-financing-in-q1-2026> (дата обращения: 31.03.2026).
- 174.** Türkiye Scholarships and the Scope of Turkish Diplomacy [Электронный ресурс] // Politics Today. 2018. 6 December. URL: <https://politicstoday.org/turkiye-scholarships-and-the-scope-of-turkish-diplomacy/> (дата обращения: 31.03.2026).
- 175.** Türkiye Shares Its Experience in Maternal and Child Health with Uzbekistan [Электронный ресурс] // Т.С. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı. 2022. 31 May. URL: <https://tika.gov.tr/en/detail->

turkiye_shares_its_experience_in_maternal_and_child_health_with_uzbekistan/
(дата обращения: 30.03.2026).

- 176.** Türkiye has always been the most charitable country [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. 2022. 27 июля. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/turkiye-has-always-been-the-most-charitable-country/2646652> (дата обращения: 01.04.2026).
- 177.** Uzbekistan - Tashkent Program Coordination Office [Электронный ресурс] // TİKA. URL: <https://tika.gov.tr/en/office/uzbekistan-tashkent-program-coordination-office/> (дата обращения: 22.04.2026).
- 178.** Volumes of freight traffic via Caspian port of Turkmenbashi growing [Электронный ресурс] // Azernews. 2018. 13 October. URL: <https://www.azernews.az/region/143471.html> (дата обращения: 31.03.2026).
- 179.** Худайбердиева С. А. qizi. Peculiarities of international agreements in the economic sphere regulating cooperation between Uzbekistan and Türkiye [Электронный ресурс] // Journal of Computational Analysis and Applications. 2024. Т. 33, № 6. С. 286-290.

На турецком языке

- 180.** AK Parti Programı. Официальный сайт ПСР. Раздел «Внешняя политика» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akparti.org.tr/parti/parti-programi/> (дата обращения: 30.03.2026).
- 181.** Türkiye Cumhuriyeti Hükümeti ile Kazakistan Cumhuriyeti Hükümeti Arasında Uluslararası Hoca Ahmet Yesevi Türk-Kazak Üniversitesi Kurulmasına Dair Anlaşma: 31 Ekim 1992, Ankara // T.C. Türkiye Büyük Millet Meclisi. 2012. 3 Ocak. URL: https://www.tbmm.gov.tr/develop/owa/genel_kurul.cl_getir?pEid=15657 (дата обращения: 30.03.2026).

- 182.** Türkiye Maarif Vakfı (TMV) // Türk Maarif Ansiklopedisi: [сайт]. URL: <https://turkmaarifansiklopedisi.org.tr/turkiye-maarif-vakfi-tmv> (дата обращения: 30.03.2026).
- 183.** Türkiye Maarif Vakfı (TMV) // Türk Maarif Ansiklopedisi: [сайт]. URL: <https://turkmaarifansiklopedisi.org.tr/> (дата обращения: 30.03.2026).